

Художник С. Трофимов

Л. Н. ФИЛИМОНОВ

ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ

(Рассказ о путешествии)

НАЧАЛО ПУТИ

Каждый находит то, что ищет

Н. К. РЕРИХ. СЕРДЦЕ АЗИИ

С какого момента начать мой рассказ? Как быть с историей? Формула «не слишком рано, но и не слишком поздно», которую мы часто использовали, когда вместе с китайскими альпинистами обсуждали наилучшие сроки прибытия к подножию Эвереста, вы-

Л. Н. Филимонов
20.12.91

ручает и здесь. Ясно, что начать рассказ с момента отлета нашей группы из Пекина в Лхасу — слишком поздно, многое останется непонятным. Начать с 1852 года, когда индийской топографической службой было установлено, что пик XV, позже названный Эверест, хотя он уже имел местное название Джомолунгма, выше всех ранее известных вершин планеты — слишком рано.

В мае 1921 года, когда началась первая экспедиция английских альпинистов, которая обследовала район Эвереста, составила его карту и впервые достигла Чанг-ла (7007 м), я имел от роду 1 год 8 месяцев. Как отмечают, в то время я осваивал искусство ходьбы по плоской поверхности — все еще рано, до альпинизма тут далеко.

В начале 1936 года произошли вещи, которые заставляют меня задуматься: не они ли определили то, чем я занимался впоследствии?

Однажды в нашей школе был сделан доклад о восхождении на Эльбрус — высшую точку Европы.

...Докладчик, высокий, широкоплечий, веселый, в горных ботинках с грифонами, в широких гольфах, рассказывает о восхождении на Эльбрус группы московских студентов, которую, конечно, возглавлял он сам... В затемненном зале временами вспыхивают отблески света из щелей проекционного фонаря. Докладчик длинной указкой показывает что-то на экране. А на экране — то немецкая карта Эльбруса, то сам докладчик (в тех самых гольфах и горных ботинках!), а вот группа у тура, в стороны, куда ни глянь, уходят горы.

Небольшой перерыв, демонстрируют снаряжение: ледоруб, крючья, веревка, штормовой костюм...

Несколько дней спустя кто-то из ребят одолжил мне книгу «Борьба за Эверест». Она прочитана запоем за одну ночь...

Эверест, высочайшая вершина Земли, расположенная в Гималаях, на границе Китая и Индии. Запретная страна Тибет. Столица ее — Лхаса, куда местные власти десятилетиями не пускают европейцев. Буддийские монастыри... Вечно снежные вершины, лавины, разреженный воздух высот, бури, страшный холод... Преодолевая невозможные трудности, идут и идут люди вверх, все ближе к вершине... Гибель Мэллори, лучшего альпиниста Англии, и ушедшего вместе с ним молодого Ирвина... Одедл, оставшийся в одиночестве на жуткой высоте 7700 метров, сквозь движущиеся облака еще только раз видевший тени Мэллори и Ирвина...

В моем сознании альпинизм и Эверест разделялись не очень сильно. При слове «горы» передо мною встают теперь не только скалы и льды, но и люди, друзья, единомышленники. Именно в горах я предметно прочувствовал великую силу человеческого тепла и товарищества в их простом и естественном выражении — поддержке веревкой при срыве, глотком воды и последним куском хлеба, внешние грубоватой шуткой в тяжелые минуты...

Эверест долго оставался лишь далекой мечтой. В 1948 году, когда вышла книга Тильмана о восьмой английской экспедиции на Эверест с севера, поднявшейся в 1938 году на Чанг-ла с главного Ронгбука, мы организовали биваки в снежных пещерах и коротали непогоду и невзгоды двухнедельного траверса Безингской стены, обсуждая, в частности, и вопрос о том, что из наших новинок оказалось бы полезным на Эвересте. В 1952 и в

1953 годах, когда швейцарцы и англичане закладывали основы успешного восхождения Хиллари и Тенцинга на Эверест с юга, мы с друзьями прокладывали маршруты по стенам Мижирги, Вольной Испании, пика Шуровского, по склону пика Ленина, прикидывая, как бы все складывалось, если бы мы были в условиях других восхождений. А я мысленно добавлял: на Эвересте...

В 1955 году были найдены возможности контакта с альпинистами Китая. Альпинисты советских профсоюзов пригласили в СССР группу китайских спортсменов для совместных восхождений на Памире.

Совместные восхождения с китайскими альпинистами на территории КНР стали реальностью.

Были проведены необходимые совещания и консультации, разработаны планы, и было решено пригласить китайских альпинистов к нам для совместных тренировок, посвятив 1958 год отбору и подготовке участников будущей экспедиции на Эверест в горах Советского Памира. Намечалось конструирование и изготовление необходимых образцов снаряжения.

План был принят.

Так оказалось, что летом 1958 года около восьмидесяти альпинистов СССР и КНР собрались на Памире у ледника Октябрьский, чтобы провести лето в походах, тренировке и восхождении на пик Ленина.

Неожиданный телефонный звонок

Приехав в Москву после сбора под пиком Ленина и погружившись в основную работу, я не часто вспоминал о том, что на свете существуют горы, Эверест, альпинизм.

Седьмого октября, наполнив комнату папиросным дымом и отрезавшись от всего житейского, мы с одним из моих сотрудников сидели за столом, чертили графики и выводили формулы, пытались разобраться, что означают полученные экспериментальные данные. В одиннадцать часов раздался телефонный звонок.

Я снял трубку. Звонили из отдела альпинизма Всесоюзного комитета физкультуры.

— Левушка, как ты относишься к тому, чтобы вылететь в Китай?

— ??!

— Получено официальное приглашение к 15 октября прислать в Пекин трех альпинистов для участия в разведке подступов к Эвересту с севера. Мы сейчас комплектуем эту группу и считаем твою кандидатуру подходящей.

— Мою кандидатуру?.. А как же с работой? — бормочу я, еще не переключившись на другой строй мыслей. До меня доносился смешок и торопливый неясный говор. Потом из трубки послышался голос Виталия Михайловича Абалакова:

— Левушка, не валяй дурака, дело очень серьезное. Советник китайского посольства нанес визит председателю Комитета физкультуры Романову и передал ему официальное приглашение. Все формальности будут решены чрезвычайно быстро, был звонок из Центрального Комитета. Я ехать не могу — надо возиться с кислородными приборами; Кирилл Кузьмин — тем более — у него на руках вся подготовка экспедиции. Бросай все дела и приезжай в Комитет.

— Еду! — ответил я, сообразив наконец, в чем дело.

Так началась для меня дорога на Эверест.

Неделя, отпущенная на сборы, промелькнула быстро. Сопровождения по программе, беговая подготовка, снабжение снаряжением, выживание в приемных, медосмотры и прививки, оформление документов окончательно укрепили нашу уверенность в том, что после всего этого собственно альпинизм, безусловно, является отдыхом.

В полночь 15 октября Евгений Адрианович Белецкий — руководитель группы, Анатолий Иванович Ковыркин и я оказались во Внуковском аэропорту. До посадки в самолет оставалось несколько минут, а мы еще возились со сдачей багажа. Наши вычурные сумы, ледорубы, ящики, мотки капроновой веревки выглядели здесь странно и привлекали общее внимание.

Первый день в Китае

Путь от Москвы до Пекина, с посадками в Омске и Иркутске, проделали за девять летних часов. Подлетая утром к Пекину, мы с интересом рассматривали аккуратные террасированные поля, лесистые холмы севернее Пекина с тянущейся по ним лентой Великой Китайской стены. Евгений Адрианович, уже бывавший здесь, давал пояснения. Незадолго до посадки он облегченно вздохнул и с чувством произнес:

— Ну, братцы, все! Сейчас самолет сядет, и можно будет ничего не делать, ни о чем не думать — теперь все будут делать китайцы.

Мы рассмеялись. Очевидно, докончили его сборы в Ленинграде и московские тревожения.

Самолет приземлился, подрулил к выходу на перрон.

Нас очень тепло, с цветами и дружескими объятиями встретил руководитель отдела альпинизма Ши Чжанчунь и переводчик Чжоу Чжень.

Получив багаж, погрузились в автомашины и отправились в город.

Не могу оторвать взгляда от окошка.

Идеально выровненные поля по сторонам шоссе, аккуратные, как в сказке. Ни травинки на обочинах шоссе... Невероятное количество велосипедистов на улицах Пекина. Горы грузов на трехколесных велосипедах-колясках — вот необычного вида длинные вилки капусты, вот свертки дыновок из бамбука, а вот все на ту же велосипедную коляску ухитрились взгромоздить среднего размера паровой котел... Полотнища для сбора навоза, хитро приспособленные под хвостом у лошади, — и на улицах чисто, и удобствие не теряется. Торговые улицы в старом Пекине, с маленькими магазинчиками по сторонам, яркие вывески из громадных красных иероглифов, изогнутые коньки крыш, товары странного вида и запаха висят под навесами, просто по стенам, лежат чуть ли не на тротуаре. Непопятные правила уличного движения — автомашина объезжает трамвай по левой стороне улицы. Автобус с прицепом — при идеальных дорогах позволяет вдвое увеличить перевозки пассажиров. Многоэтажные дома-постройки, окруженные лесами, связанными из бамбуковых жердей. Веревницы людей переносят по этим лесам кирпич на спине...

Подъезжаем к зданию Всекитайского комитета физкультуры. В специально выделенных комнатах здесь находится склад альпинистского имущества. Разбирая багаж, передали Ши Чжанчуню ящик крючьев и карабинов* системы Абалакова — подарок китайским альпинистам от Всесоюзной секции.

Увидев наши черные овчинные тулупы, Ши Чжанчунь заявил, что они не подойдут. Разведка будет одета в зимнюю форму офицеров Народно-освободительной армии. Тут же нам подбирают крытые зеленой тканью длинные тулупы, громадные пушистые лисьи шапки-треухи и предлагают примерить сапоги на меховой подкладке. Моим спутникам сапоги подошли. Что же касается меня, то эта затея оказалась безнадежной — в Китае не делают обуви размера, соответствующего нашему 45—46-му номеру. Предвидя зимние холода, я остаюсь в унтах.

Ши Чжанчунь мимоходом спрашивает, какого образца пистолеты мы предпочитаем. Сейчас поедут за оружием и нам привезут то, что нравится. Перед моими глазами замаячило видение связки альпинистов, пробирающейся по ледопаду, сокрушая стоящие на пути ледяные башни из автоматических пистолетов. Ни в одной из экспедиций на родине, в которых довелось участвовать, мы их не брали — разве что одно ружьишко на всех для охоты. Поэтому, недолго думая, я ответил, что нам не совсем ясно, имеем ли мы моральное право носить оружие на территории КНР. После этого разговоров об оружии для нас не заходило.

Покончив с выбором снаряжения и договорившись, что брать с собой, что за ненадобностью оставить в Пекине, вновь садимся в машину. Чжоу Чжень везет нас в гостиницу. Недавно построенная, вполне современная гостиница называлась, если не ошибаюсь, «Цзе-мынь». Чжоу Чжень дал нам ее телефон, который мы машинально записали, не отдавая себе отчета, что говорить по телефону в Пекине без знания языка все равно не сможем.

У нас было время привести себя в порядок после дороги. Мы дали выгладить костюмы, приняли ванну, переоделись. Чжоу Чжень, коротко знакомый с Ковырковым и Белецким, насмешливо зацокал языком: по сравнению с китайцами, одетыми более чем скромно, мы выглядели пижонами.

Чжоу Чжень предлагает использовать время, остающееся до беседы с руководителем Всекитайского комитета физкультуры, чтобы посетить промышленную выставку.

Выставка производит сильное впечатление, оживляя краткие газетные сведения об успехах экономики нового Китая. Станки многих типов, самолеты, отличные тракторы, множество типов автомашин, от маленьких трехколесных до крупных грузовых и роскошных легковых, с драконом на радиаторе и многозначительной маркой «Ветер с Востока», электронные счетные машины, полупроводниковые приборы. Наши альпинистские сердца радуется капроновая веревка китайского производства. Ши Чжанчунь тут же наводит справки, куда адресовать заказ на нее.

Вечером в холле гостиницы состоялась краткая официальная беседа с заместителем председателя Всекитайского комитета

* Карабин — здесь: стальное овальное кольцо с пружинной защелкой. Применяется в альпинизме для соединения веревок, крепления веревок к крючьям при страховке и т. п.

физкультуры и спорта товарищем Хуан Чжуном, одним из трех заместителей маршала Хэ Луна по делам физкультуры.

Хуан Чжун сердечно благодарит советских товарищей за хороший проведение сбора под пиком Ленина. Далее он останавливается на инциденте с наименованием пика 6852 м, который был взят траверсом через пик Ленина (7134 м) группой из четырех советских и четырех китайских альпинистов. Советские участники предложили назвать эту вершину «Пик Мао Цзэдуна». Однако после того, как об этом стало известно в Китае, посольство КНР в Москве обратилось с просьбой о присвоении пику «6852» какого-нибудь другого названия. Хуан Чжун мотивировал это так: «Товарищ Мао Цзэдун не может согласиться с поощрением культа его личности».

Далее Хуан Чжун говорит о сборе в Тибете, по-видимому, имея в виду как собственно тренировочный сбор, так и разведку Эвэреста. «Может быть, решение о сборе в Тибете имеет характер авантюры. Но мы надеемся, что он даст больше положительного, чем отрицательного. Самое главное в том, что мы лучше поймем обстановку, существующую на месте деятельности будущей экспедиции». Хуан Чжун полагает, что задачи трех представителей СССР состоят в том, чтобы помогать в осуществлении разведки Джомолунгмы и в учебно-тренировочной работе.

Хуан Чжун заметил в заключение, что Комитет физкультуры нацеливает людей навстречу многим большим и непредвиденным трудностям.

По окончании официальной беседы все переходит в ресторан для товарищеского ужина.

К нашему удивлению, угощают рисовой водкой, страшно крепкой — Хуан Чжун демонстрирует, как она горит в чайной ложечке. Рисовая водка дала повод пошутить, что большие и непредвиденные трудности для нас уже начались: мы обычно не употребляем крепких напитков до серьезных восхождений и не знаем, как быть — и пить не хочется, и не хотим обижать хозяев отказом. Хуан Чжун смеется, говорит, что до начала восхождений еще далеко, и чокается с нами.

Очень быстрая смена блюд, изготовленных из самых экзотических продуктов. Особенностью китайской кухни является стремление поразить воображение. Здесь и трепанги, и консервированные по китайскому способу куриные яйца, очень вкусные, но с белком странного коричневатого цвета; рыба в сладком соусе, вся пропитанная сахаром; изумительная маринованная капуста, жаренные в масле соевые бобы, картофель в расплавленном сахаре — блюд около двух десятков. Каждое блюдо помещают на середину круглого стола, за которым мы сидим, ставят массу пряных острых приправ...

В тот же вечер Чжоу Чжень пригласил нас в Пекинскую оперу. Пожалуй, название оперы не вполне отвечает ее содержанию в привычном для нас смысле. Скорее это разнообразная эстрадная программа, включающая в себя и маленькую оперу, и несколько номеров иного жанра: пантомиму, акробатические тапцы, жонглирование — что-то среднее между цирковой и балетной программой.

Особенное впечатление произвела мастерски исполненная пантомима: старик лодочник переправляет через реку молодую жен-

щинау. Без декораций и без лодки, изящно и с хорошим юмором рисуют актеры образы глуповатой, жадной, трусливой дамы и простодушного, доброго старика перевозчика, создают полную иллюзию реки, лодки, берега, воды...

17 октября

По пути в гостиницу мы узнали, что в народной коммуне Силицюн близ Тяньцзиня на опытном участке получен колоссальный урожай риса — 930 тонн с гектара. Ошеломляющая громадность этой цифры доходит и до наших душ, душ металлостов по профессии. Просим Чжоу Чжэня устроить нам поездку на это поле. Ведь до Тяньцзиня всего сто с небольшим километров. Чжоу Чжэнь и сам загорелся этой идеей.

На другой день он будит нас телефонным звонком: все устроено, надо собраться, позавтракать и через полчаса выезжать. Поездом ехать неудобно, едем в старомодной английской машине для путешествий. В неуклюжей, но очень надежной машине четыре места для пассажиров.

Машина пробирается по узенькому старому бетонному шоссе, соединяющему Пекин с Тяньцзинем. Несмотря на раннее время, на шоссе очень оживленное движение. Автомашин мало. Большинство грузов перевозят на трехколесных велосипедных грузовых платформах. На каждой тележке положено груза как на лозовых дрогах. Всю гору тяжести везет один человек. Пedaли крутят в обратную сторону — говорят, что так легче. Довольно много повозок, запряженных мулами. Навстречу попало несколько пассажирских междугородных автобусов. За каждой машиной — такой же по вместимости пассажирский прицеп.

У въезда в Тяньцзинь видим громадные земляные работы. Строятся большой канал и портовые сооружения. Землю перемещают вручную — мотыги, лопаты, кошелочки, тачки. Работавшие стоят очень тесно, так, чтобы только-только не задевать друг друга.

Въезжаем в город.

Большинство домов в Тяньцзине европейской постройки, дома в три-шесть этажей. Нижние этажи часто облицованы гранитом, дома выглядят богато. Улицы преимущественно узкие, как в старой Москве. Есть и отличия. Бросаются в глаза прочные каменные стены между тротуаром и окнами домов. Стены часто с бойницами, и это режет глаз — остатки полукOLONиального режима, существовавшего в свое время в Тяньцзине?

Миновав город, приезжаем на место — в народную коммуну Силицюн. Громадное стечение народа — говорят, что в воскресный день бывает до семи тысяч посетителей, приезжающих пережить опыт.

Коммуна объединяет в себе советскую власть, крестьянство, рабочих, учащихся, солдат. Руководитель коммуны одновременно является главой советской власти и командиром войск. Частная собственность сохранена только на предметы личного потребления. Питание организовано трехразовое в столовых по талонам.

Нас проводят к участку рекордного урожая риса. Поля уже убраны, от опытного участка оставлена для показа посетителям площадь в несколько квадратных метров. На ней, вплотную стебля к стеблям, страшной густоты рис. Вертикально стоящие со-

доминки так близки одна к другой, что выдерживают, не ломаясь, вес взрослого человека, даже такого верзилы, как я, — ребята сделали снимок, показывающий, что это так на самом деле. Сплошным слоем в несколько десятков сантиметров лежат сверху соломы колосья, полные зерна. Чтобы обеспечить вентиляцию и предупредить загнивание, между стеблями вставлены продырявленные бамбуковые палки.

К вечеру возвращаемся в Тяньцзинь. Ши Чжанчунь настаивает, чтобы мы обязательно посетили знаменитую на весь Китай пельменную в Тяньцзине. Едем к ней. Очевидно, мы попали к моменту окончания работы — на улицах много людей, заполнены и тротуары, и мостовые. Почти такой же сплошной поток, какой бывает на Красной площади в Москве во время демонстрации. Все одеты очень скромно. И на мужчинах и на женщинах одинаковые темно-синие хлопчатобумажные куртки и брюки, на голове кепки, в подавляющем большинстве люди обуты в матерчатые туфли.

Знаменитая пельменная в узеньком переулке, перед входом очередь. Ши Чжанчунь скрывается внутри, и через некоторое время нас проводят в зал. В зале большой круглый стол. Подают пельмени, огромные, как манты в Средней Азии, начиненные мясом с луком и приправами. Вкус острый, очень приятный. Но Ши Чжанчунь добавочно посыпает их невероятным количеством черного перца, предлагает и нам. Я попробовал — не еда, а живой огонь, без огнетушителя не обойтись, стократ страшнее, чем грузинские блюда. Опять уже знакомая нам рисовая водка, коньяк «Золотая премия», очень мягкий, превосходный по качеству, два сорта лимонада, которым мы и спешим залить пожар от перца.

Пребывание в пельменной было бесконечным — хозяева были неумолимы и заставили нас истребить огромное количество пельменей. Надо им отдать справедливость, нас они в беде не оставляли и от нас не отставали. На наши протесты Ши Чжанчунь улыбался и говорил: гость у хозяина вот где — и показывал указательным пальцем правой руки на ладонь левой, одновременно сжимая пальцы левой руки. Жест этот мне особенно запомнился — он повторялся потом при каждой встрече за столом.

Изрядно отяжелев, выбираемся из-за стола, долго ищем машину и уже в темноте пускаемся в обратный путь, в Пекин. Приехали туда что-то около десяти часов вечера.

18 октября. Пекин

В этот день было проведено обстоятельное совещание о планах работы. Ши Чжанчунь изложил свои соображения в чрезвычайно конкретном докладе.

Все грузы экспедиции, имеющей целью восхождение на Джомолунгму, — продукты, снаряжение, кислород, горючее и т. п. — необходимо привезти в базовый лагерь у подножия Джомолунгмы к началу марта.

Чтобы договориться о предоставлении необходимого количества самолетов, необходимо заранее знать о весе груза, который пойдет самолетами из Пекина в Лхасу.

Доставка грузов из Лхасы до монастыря Ронгбук у подножия Джомолунгмы будет производиться автомашинами по шоссейной

дороге. Она будет построена к началу зимы, во всяком случае, до начала 1959 года. Ее постройка уже началась.

В Лхасе организован специальный комитет содействия экспедиции и разведке, руководимый Партийным комитетом Тибета *.

Нас просят заботиться о содержании и плане работы молодых научных сотрудников — метеорологов и геодезистов, которые будут обслуживать разведку и экспедицию.

Далее Ши Чжанчунь говорит, что в монастыре Ронгбук (Чжоу Чжень произносит: храм Луншу, и мы долго не можем понять, о каком храме он говорит) постоянно живет около двухсот лам. По его словам, ламы имеют оружие. Вероятно, Партийный комитет Тибета будет возражать против того, чтобы альпинисты жили в монастыре вместе с ламами.

Для защиты и оказания всесторонней помощи в разведке будет участвовать армейское подразделение.

По окончании совещания китайские товарищи пригласили нас осмотреть загородный дворец китайских императоров, открытый сейчас для всех желающих.

Дворец порадовал нас вдохновенным искусством исполнения, изяществом и легкостью всего ансамбля, громадностью вложенного в него труда. Крытые золотистой черепицей изогнутые крыши с фантастическими драконами, лабиринт внутренних двориков, каждый размером с комнату, крытая деревянная галерея вдоль берега громадного озера, вырытого вручную, старинный парк — и повсюду бесчисленные скульптуры, тончайшая резьба по дереву, древняя китайская живопись. Поражало явное назначение ансамбля служить одному лицу или очень узкому кругу лиц. Направление мысли строителей дворца и назначение всего ансамбля подчеркивали миниатюрные дворiki.

Для спокойного осмотра дворца нужны недели и неторопливые спутники, знатока китайской старины. А мы располагали часами, чуть ли не бегом следуя за экспансивным Чжоу Чженем. Тем не менее, исключительная предупредительность и гостеприимство наших спутников произвели на нас, пожалуй, даже большее впечатление, чем экзотика дворца.

19 октября. Перелет Пекин — Сянь — Спин

С раннего утра и мы, и китайские участники разведки нарядились в штормовые костюмы, длинные овчинные тулупы, крытые зеленой тканью, напялили на головы зимние лысые шапки. В Пекине еще тепло, и выглядели мы крайне нелепо. Городские костюмы и чемоданы оставили на хранение Чжоу Чженю, который оставался в Пекине.

На рассвете мы были уже на аэродроме.

Вылетаем с небольшого аэродрома около Пекина. Летим двумя транспортными самолетами Ил-12. Самолеты военные, со звездами, пилоты тоже военные, в кожаных коричневых костюмах и коротеньких сапожках. Наша группа насчитывает человек пятнадцать — это вторая группа разведки, первая уже в Лхасе. Нас опекает теперь Пен Шули. Он хорошо говорит по-русски, выучил-

* Партийный комитет Тибета — орган для управления всеми делами Тибетского района, созданный в Лхасе центральными властями КНР. (Не следует путать с парткомом, занимающимся только делами партии.)

ся за год на краткосрочных курсах. Мы познакомились и подружались с ним на сборе у пика Ленина летом этого года. Пен Шули весел, остроумен, спокоен и как-то очень мудр, при всей живости и подвижности, свойственных молодости. Он успел уже нагулять жирку после пика Ленина — тогда многие китайцы неохотно употребляли непривычные блюда русской кухни и заметно отощали. На покруглевшей симпатичной физиономии Пен Шули мощные очки. Отойдя в сторонку, мы предаемся с ним воспоминаниям. Я вспоминаю, как Пен Шули лечил на леднике Саук-Дара одного из советских альпинистов, у которого разболелись зубы и опухла щека. Пен Шули, употребляя какие-то чудодейственные черные дробинки из своей личной аптечки, ухитрился за полтора дня поставить больного в строй.

Самолет быстро набирает высоту, делает круг над Пекином. Успеем заметить очертания пруда и строений летнего императорского дворца, полоску Великой Китайской стены на холмах к северу от Пекина. Курс — на запад, к Сиани. Под крылом самолета плоские ровные поля, разбитые на аккуратные прямоугольники. Пустошей нет — вся площадь занята либо полями, либо поселками, либо узенькими проселочными дорогами. Поражают правильная ориентировка и форма полей. Всюду, куда обращается взгляд, видна прямоугольная сетка, почти как на клетчатой бумаге в ученических тетрадах, хоть определяй по ней части света.

Пролетаем над большой рекой. Это Хуанхэ. Вода в ней цвета густого кофе с молоком, наверное, река переносит очень много ила. Заметно, как она часто меняет свое русло.

Часа через четыре полета показывается крупный город, раскинувшийся на огромной площади. Это — Сиань, древняя столица Китая. Сейчас Сиань бурно развивается. В нем построены несколько крупных машиностроительных заводов, в особенности с неметаллоемкими производствами, открыто несколько высших учебных заведений, видны целые кварталы многоэтажных жилых домов.

Самолет производит посадку.

Пен Шули спрашивает, какой завтрак заказывать — по-китайски или по-европейски? Евгений Адрианович считает, что, пока можно, надо придерживаться европейской кухни. Мы с Толей соглашаемся — европейской так европейской.

Через некоторое время просят пройти в столовую аэродрома. Нам подают завтрак на английский манер — яичницу, сладкий пирог, кофе. Покончив с завтраком, идем к самолетам.

Следующая посадка будет в Синин, центре провинции Цинхай, через два с половиной часа.

В Синине по плану полагается ночевка. Пассажиров отправляют в роскошную, современного типа гостиницу, выстроенную недавно. В ней останавливались далай-лама и панчен-лама со свитами при поездках в центр.

Вечером ездили осматривать город. Зайдя в национальный тибетский магазин, были поражены обилием предметов культа — статуэтки будд, сделанные из желтого полированного металла, украшения для облачений священнослужителей, знаменитые шарфы «хата» из товчайшего шелка; головные уборы — шитые золотом меховые шапки и почему-то совсем московского типа темно-серые фетровые шляпы. Нам говорят, что такие шляпы носят

очень многие тибетцы, и мужчины и женщины. Темно-красные халаты для дам, традиционные тибетские сапоги с толстой подошвой, сплетенной из шерстяных ниток, с узкими разрезными голенищами.

Наши штормовые костюмы, выглядывающие из-под овчинных тулупов, огромные лисьи шапки вызывают всеобщий интерес и удивление. Идем, окруженные толпой, состоящей далеко не из одних только мальчишек.

Возвращаемся в наши роскошные номера. В номере на две персоны — большая гостиная, спальня, ванная, большое помещение для багажа. На кроватях можно спать и вдоль и поперек даже при моих габаритах.

20 октября. Синин. Утром выяснилось, что обнаружена неисправность одного из приборов на самолете, ее устраняют. Вылет или во второй половине дня, или завтра утром.

Днем опять осматриваем город. Он вытянут вдоль долины небольшой реки. Опять жители от мала до велика окружают сплошным кольцом, стоит лишь остановиться. Видели колонну школьников со знаменами и барабаном, идут на субботник. Навстречу им цепочка ребят постарше. На плечах плоские гибкие коромысла из расколотого вдоль бамбука, на них по 8—10 кирпичей. Разбирают старинную городскую стену, из кирпичей и строят новые дома. Двигутся на слегка согнутых ногах, быстро перебирая ногами, полубегом — говорят, так легче нести груз.

Утром выехали на аэродром. Ожидаем посадки в роскошном зале с кожаными диванами и креслами.

Начинается осень... Листья на тополях пожелтели, покоробились и облетают. Как-то придется нам в горах в начале зимы? Утром уже холодновато, в тулупах и лисьих шапках в самый раз.

22 октября. Перелет Синин — Голмо — Дансюн

От Синина до Голмо летели около двух с половиной часов на высоте 6000 метров, хотя высота гор, как мне показалось, вряд ли требовала такой высоты полета. Приближаясь к аэродрому, видели остатки большого озера. Множество следов автомашины пересекает поверхность равнины — сейчас во всем Цайдаме ведут разведку солевых залежей и нефти.

Аэродром в Голмо расположен километрах в шестидесяти от города. Сам аэродром, все постройки вокруг него, большой участок шоссе и дороги в Тибет расположены здесь на мощном пласте соли, толщина его доходит до 30 метров. Поле аэродрома не пришлось планировать — оно совершенно плоское, его лишь прикатали дорожными катками. Соль покрыта тонким, сантиметров 10, слоем земли, очевидно, нанесенной ветром. Грунтовые воды сантиметров на 15 от поверхности. Маркировка взлетных дорожек выполнена в оригинальном стиле: в темном грунте вырыты неглубокие ямки, рядом с ними насыпаны небольшие белые конуса соли...

Аэродромная служба в свободное время занята добычей соли.

После заправки обоих самолетов и краткого отдыха летим на аэродром Дансюн, расположенный в восьмидесяти километрах от Лхасы по прямой.

Летим на высоте 6500 метров. Вскоре показываются горы. Хреб-

ты покрыты снегом, очень много речушек и озер. На склопах приличные пастбища, так что, вероятно, подножный корм для животных по дороге на Ронгбук будет. Самолеты летят примерно по трассе Цинхай-Тибетского шоссе. То и дело видим ниточку дороги, ползущие по ней автомашины.

Приближаясь к Дансюю, через окно самолета видим панораму мощного горного узла Ньенчен — Тангла. Это семитысячник. Громадный по высоте и площади, массив состоит из четырех вершин с малыми понижениями между ними и резко возвышается над соседними горами.

Сразу же после этого самолет садится. Я взглянул на часы — летели около трех с половиной часов.

Рядом с аэродромом проходит Цинхай-Тибетское шоссе. Около аэродрома — новый городок. Он возник одновременно с аэродромом, уже после вступления китайских войск по известному договору о мирном освобождении Тибета. Множество вполне приличных домов, правда, глинобитных, отапливаемых милыми русскому сердцу чугунами буржуйками. Городок обнесен окопами, отрыты огневые точки, внушительный военный гарнизон. Похоже, однако, что с повстанцами всерьез не считаются — часовых и других признаков регулярной сторожевой службы не заметно.

Рядом с городком пасется большое стадо яков. По полю среди них ходят тибетцы, маленькими комбинированными вилами-лопатами собирают кизяк. Очень ловко попадают прямо в четырехгранные корзинки, висящие за спиной. Кизяк здесь — основное топливо. Як по внешнему виду похож на медведя с головой коровы и хвостом лошади. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, он настоящий вездеход. Для него не нужно хороших троп. Он проходит по неимоверным скальным кручам, не скользит на льду. Впоследствии я убедился, что як превосходит и лошадь, и ишака.

На улицах аэродромного городка копаются черные свиньи, напоминающие сванских, бродячие собаки и огромного роста черные вороны. Вместе с собаками вороны роются в отбросах, ничуть не боясь людей, несколько птиц, объединившись, легко прогоняют прочь собаку.

Беседуем с летчиками. Они сетуют на то, что имеющиеся карты очень неточны, на них не обозначены многие высокие вершины или обозначены не там, где расположены. Летают только по опыту и при прямой видимости. Штурман сказал, что в один день здесь все четыре времени года: перед рассветом зима, в конце дня лето.

ЛХАСА И ШИГАНЦЕ

Нас не должна отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах.

Н. К. Рерих. Сердце Азии

23 октября. Советание с Сюй Динем

Весь путь — около 185 километров — преодолеваем за 7 часов, включая час на обед в Ямбаднге.

Едем на трех машинах с охраной — 10 солдат с пулеметами и автоматами. Нас сопровождает представитель Комитета содействия экспедиции, созданного в Лхасе.

На каждом встречном грузовике — охрана из 1—2 солдат, шоферы тоже вооружены. Насколько всерьез принимают мятежников, пока неясно.

Немного не доезжая до Лхасы, слева от дороги видим громадный монастырь. Это Брайбун — крупнейший монастырь мира. В нем около 7700 лам. Чтобы рассмотреть все получше, просим остановить автобус. Монастырь расположен у подножия бокового хребта и выглядит как грандиозное роскошное белое здание. До сознания не сразу доходит, что отдельные постройки попросту проецируются на здания, расположенные дальше и выше по склону. Справа, ближе к дороге, в окружении деревьев, еще группа зданий. А совсем близко — башня и рядом с ней громадный, больше десятка метров высотой, холм из мелких камешков. Каждый паломник, посещая монастырь, бросает на эту кучу камешек. Этот обычай иллюстрирует популярность монастыря... Во многих местах развешены гирлянды каких-то флажков.

У въезда в Лхасу очень много новых одноэтажных длинных домов — склады, бараки назарменного типа, обнесённые глинобитными стенами, с китайскими часовыми у ворот. У деревьев — толстенный ствол, оканчивающийся пушистым венцом из молодых прутьев. Похоже, что их часто срубают на хворост.

На холме, над городом, сверкает золотистыми крышами громадный дворец — это знаменитая Потала.

Пока ехали по окраинам Лхасы, успел рассмотреть множество монахов со стриженными головами, в красных длинных одеждах, которые мы тут же окрестили «рясы». Монахи несут с базара покупки, ездят на велосипедах, подоткнув рясы. Многие идут пешком — босые, погоняя навьюченных яков.

Очень много грузовых автомашин, и все идут сейчас в сторону Лхасы.

Нас привезли прямо во двор недавно построенной из дикого камня двухэтажной гостиницы. Через площадь от гостиницы — Потала. Пев Шули приглашает располагаться в отведенных нам номерах.

Вечером состоялся разговор с Сюй Дивом, начальником разведки Джомолунгмы.

Сюй Дину 30 лет. Он мастер спорта КНР по альпинизму, штатный сотрудник Всекитайского комитета физкультуры. В совместном сборе у пика Ленина Сюй Дин не участвовал.

Сюй Дин, прибывший в Лхасу самолетом с группой товарищей на несколько дней раньше нас, рассказывает нам о плане разведки в том виде, как он подработал к настоящему времени.

Участники разведки и грузы будут доставлены из Лхасы в Шигацзе на шести автомашинах. После Шигацзе требуется 160 яков или пшаков и 40 лошадей, с учетом того, что груз составляет 8 тонн, а количество собственно участников разведки — 28 человек. Кроме этого, в состав разведки войдут два проводника, два переводчика с тибетского на китайский и 30 носильщиков.

В связи со сложной политической обстановкой в Тибете уделяется большое внимание военной охране. Охрана будет осуществляться подразделением Народно-освободительной армии.

Если обстановка изменится так, что полную безопасность обеспечить не удастся, то разведка будет отменена. В нормальных условиях разведка начнется первого ноября и закончится в начале декабря.

Выезжая из Москвы, мы не представляли себе всей сложности конкретных обстоятельств, постепенно раскрывавшихся перед нами. Да и в дальнейшем мы трое долго еще продолжали мыслить привычными категориями проведения альпинистских разведок на территории СССР.

Нас поразила громоздкость разведки. Людей в ней оказывалось, наверно, больше, чем в экспедициях, пытавшихся штурмовать вершину Эвереста. В то же время мы отчетливо сознавали необходимость тщательного ознакомления с ледовой обстановкой на леднике Восточный Ронгбук, которая могла сильно измениться за двадцать с лишним лет со времени последней английской экспедиции. Не заглянув на ледопад в районе Чанг-ла, мы не получили самых важных результатов. Однако идти туда слишком поздно — рискованно: обычно после середины ноября погода портится, после снегопадов будет велика опасность лавин. Да и что разглядим мы, если погода будет облачной? Любыми средствами нужно быть там пораньше, а для этого всячески форсировать сроки выезда. Поэтому мы трое просили рассмотреть возможность выдвижения легкой передовой группы человек в 10 альпинистов с двумя десятками лошадей и самыми необходимыми грузами. Сюй Дин, посоветовавшись с Ши Дивом, Ло Чжиши, Вун Кинджаном, сказал, что китайская часть руководства разведкой разделяет мнение о необходимости сокращения сроков подготовки и о выдвижении вперед легкой группы. Мы разошлись близко к полупочти.

Лхаса и Потала уже окутаны тьмой. Я был взволнован и долго не мог заснуть.

Я прошелся по своей комнате. Меня поразило международное происхождение обстановки: письменный стол; чернила производства индийского филиала фирмы «Паркер», ручки немецкой фирмы «Фабер», индийский клей, китайская полупрозрачная бумага. Кровать невероятной ширины с этикеткой «сделано в Бельгии». В углу тумбочка, на ней кипиток в термосе, фарфоровая кружка с крышечкой, коробка с зеленым и коробка с черным чаем, жестяная круглая банка с сигаретами из Шанхая. На полу толстый ковер с национальным китайским рисунком — драконы, яркие птицы, фанзы, деревья с плоско расположенными ветвями.

Холодно. Гостиная освещается электричеством, но не отапливается. Водопровод и канализация в гостинице нет, как нет их и во всей Лхасе.

Я растянулся по диагонали на кровати, завернулся в плед английского производства — меня знобило.

Как встретит вас Эверест поздней осенью, куда сумеем мы подняться? Только бы не расхвораться, иначе — прощайте, все мечты об Эвересте... А как же мы будем управляться с таким громадным караваном? Что означают все эти разговоры об оружии,

о воинской охране?.. Найдется ли время, чтобы хорошенько посмотреть Лхасу?..

Незаметно я уснул, но спал беспокойно.

24 октября. Лхаса

Я заболел. Доктор Вун Кинджан рекомендует не выходить из комнаты. Он лечит меня не от гриппа, но в отдельности от кашля, насморка и от боли в суставах. Этот подход непривычен, хотя, кажется, свойствен китайской медицине. Набор лекарств, которые доктор доставал из своей кожаной сумки с красным крестом, тоже оказался неожиданным. Я был готов к появлению тигровой мази, женьшеня, препаратов из пант или других средств китайской медицины. Вместо этого появились таблетки кодеина, ментоловые капли, эмульсия стрептоцида для втираний. Занимаясь со мной, Вун Кинджан мурлыкал какой-то мотив. Я вслушался — «Голубка»! Оказывается, доктор очень любит музыку и отдаёт предпочтение европейской.

Приняв лекарства, некоторое время я терпеливо скучал у себя в номере, потом не выдержал, захватил фотоаппарат и отправился бродить по гостинице, оправдывая себя тем, что не выхожу из здания.

Из окон, обращенных на север, открылся прекрасный вид на ансамбль дворца Потала. Это крупнейший архитектурный памятник Тибета. Целый квартал расположен на южном склоне и вершине скалистого холма. Сердце дворца, громадное десятиэтажное здание шириной метров 300—400, мощь и высота которого подчеркиваются искусно выведенными гигантскими подпорными стенами, сильно выигрышает от того, что основанием ему служит холм, на котором мастерски распланированы зигзаги гигантских лестниц, линии крепостных стен и башен. Массивные белые стены слегка суживаются кверху, сверкают на ярком солнце. А в самом центре — сочное красно-коричневое пятно — Красный дворец со своими золочеными изогнутыми крышами и бесчисленными башенками и шпилями. Своеобразная, неповторимая архитектура сооружения делает честь его творцам, жившим в далекие времена. Основание дворца приписывают царю Строицзангамбо (середина VII века). Постройка главных его современных частей начата при пятом далай-ламе в середине XVII века и закончена после его смерти. Дворец был закончен к тому времени, когда в России началось царствование Петра I.

Приспособившись у открытого окна, я сделал фотографии дворцового комплекса всеми имеющимися у меня объективами, горячо надеясь, что снимки окажутся не хуже, чем первые в мире фотографии Поталы, выполненные в 1907 году калмыком Овше Норузовым, прибывшим из России в качестве паломника.

После обеда заместитель председателя Партийного комитета Тибета тов. Чжоу Женьшань в присутствии начальников отделов Комитета, а также председатели Партийного комитета Шигадзе товарища Лян Сюаньсань в холле гостиницы детально и очень откровенно рассказал о политической обстановке в Тибете, раскрыв перед нами существо происходящих сейчас в Тибете событий.

Тибет — исторически неотрывная часть Китая. Главной политической задачей после мирного освобождения Тибета стало обе-

спечение внутреннего единства. В северной части Тибета (так называемом Заднем Тибете, управляемом панчен-ламой) были обычны распри и вооруженные столкновения отдельных феодалов. Южный, или Передний, Тибет более един, однако и здесь всегда велась борьба группировок за власть у трона далай-ламы, которого считали выгодным устранять после достижения совершеннолетия, чтобы от имени следующего младенца управлять страной. Исключительная бедность основной массы населения — полуголодное существование даже в урожайные годы; основной продукт питания — дзэмба, пережаренная ячменная мука, смешиваемая с горячей водой, редко молоко и молочные продукты.

До освобождения в Тибете было всего лишь две машины: станок для печатания денег и небольшая дизельная электростанция в Лхасе. Несмотря на все усилия Партийного комитета Тибета, он оторван от основных масс населения; изоляции способствует своей деятельностью феодальная верхушка. Тов. Чжао Жоньшань сказал: «Народ нас не понимает».

Фактическая и формальная административная власть до сих пор находится в руках совета при далай-ламе, который называется «кашаг». Имеется семь членов кашага — калоны (министры) местного тибетского правительства.

Сложилось вполне определенное недовольство феодальной и духовной верхушки Тибета политикой Центрального правительства и Компартии Китая. Отсрочка социальных реформ на шесть лет, провозглашенная недавно, не устраивает реакционные силы, заинтересованные в сохранении феодальных порядков, в полной изоляции Тибета от остального Китая и в создании независимого, государственно самостоятельного Тибета.

Реакция в Тибете в последнее время встала на путь организации вооруженного сопротивления, на путь формирования банд. Их численность составляет до 500 человек.

Вооруженная контрреволюция пользуется лозунгами: «На защиту властей Тибета и религии»; «На защиту далай-ламы, против ханьской нации»; «Компартия идет на ликвидацию религии, а это корень нашей жизни».

Далай-лама и панчен-лама получают выгоды как от реакции, так и от Центрального правительства.

Местное правительство не поставлено в известность о приезде группы разведки Джомолунгмы в Лхасу и о всей последующей деятельности альпинистов. Правительства далай-ламы и панчен-ламы не будут поставлены об этом в известность и в дальнейшем. Официально наша группа именуется «Посещательная делегация Комитета физкультуры КНР с участием трех советских специалистов».

Откровенность и конкретность доклада сделали понятным многое из того, что мы видели. Мы не стали, конечно, специалистами по тибетскому вопросу ни после этого доклада, ни по возвращении в СССР. Однако доклад раскрыл специфику обстановки, на фоне которой должна была разворачиваться наша работа.

По правде сказать, мне стало как-то не по себе. Ореол романтики поблек и потускнел, и я стал сильно сомневаться в необходимости и своевременности всего нашего предприятия... Взглянул на нас со стороны, глазами тибетского простого человека, я увидел этих чистеньких бодрячков, перебесившихся с жару...

В тот же вечер, когда еще не рассеялось впечатление от доклада, генерал-лейтенант Тянь Гуаньсянь — заместитель командующего и комиссар Тибетского военного округа — дал в честь трех советских специалистов и «посещательной делегации Всекитайского комитета физкультуры» бал в зале собраний на территории военного городка.

Генерал выходит на середину зала и говорит слова приветствия. Исполняются две-три тибетские и китайские песни. Дружно аплодируем, хотя до нас песни не очень доходят — непонятны язык и мелодия, — но очень уж старательны исполнители. Затем играет оркестр. Он состоит из китайских музыкальных инструментов — барабан, медные тарелочки, несколько смычковых инструментов, отделенно напоминающих скрипки, но с более резким звучанием, два-три рожка. С любопытством оборачиваемся к оркестру, не столько слушая музыку, в которой чувствуются какие-то знакомые мотивы, сколько рассматривая невиданные инструменты и движения музыкантов.

Обернувшись к залу, обнаруживаем, что перед каждым из нас стоит тибетская девушка. Девушки слегка приседают, кланяясь, выставляют руки ладонями вверх и высовывают язык. Мы смущены и не понимаем, что происходит — ведь мы впервые присутствуем на балу в Китае... Девушки смущены не меньше нас... Пей Шули, пошептавшись с кем-то, говорит, что девушки приглашают нас танцевать. Еще не оправившись от потрясения, встаем и делаем несколько неловких шагов, пока не улавливаем ритма фокстрота, исполняемого, так сказать, с китайским акцентом. Дальше дело идет лучше, да и музыка скоро замолкает... Объявляется вокальный номер, и нас увлекают в соседнюю комнату.

Сидя за низенькими столиками, на которых сервирован чай, смущенные своей неловкостью, засыпаем вопросами Пей Шули, который сохраняет невозмутимость. Оказывается, все очень просто: в Китае полное равноправие, и приглашение на танец может исходить как от кавалера, так и от дамы. Поскольку кавалеры обычно несколько перасторопны (как и у нас на родине!), то чаще всего инициатива исходит от дам. Девушки обратились к нам с традиционным тибетским поклоном: вытянутые ладони вперед руки демонстрируют, что в них нет оружия, высунутый розовый язычок — что кланяющийся не отравитель (по тибетскому поверью, язык отравителя черен).

Возвращаемся в зал и, стараясь заглядывать первоначальную неловкость, наверебой приглашаем присутствующих дам. Я танцевал так усердно, что к концу бала успел немножко научиться...

26 октября, Лхаса

Сегодня мы трое, по существу, бездействуем, но наши китайские товарищи развивают бурную деятельность. Они разделились на шесть групп (питание, снаряжение, метеорологи, радисты и др.), и каждая группа готовит свою часть. Мы получили личное снаряжение. Кое-каких мелочей нет, но, пожалуй, обойдемся. Больше всего меня беспокоит качество примусов и почти полное отсутствие высотного снаряжения — только то, что мы привезли из Москвы для себя лично.

Я оставил в Лхасе полрюкзак вещей, ненужных в разведке,

ребята тоже. Опять себя плохо чувствую — тяжелая голова, кашель. Глотаю сульфадимезин и стрептоцид.

Мы теряем время. Самолеты из Синниа все еще не прибыли. Часов в 15—16 (я везде указываю пекипское время, которое заметно отличается от астрономического местного) Пен Шули пригласил нас на прогулку по Лхасе. Фотоаппараты просил не брать, штормовок не надевать — в ковбойках или трепировочных костюмах.

Вышли из двора гостиницы и повернули направо, мимо строящегося дома. На строительстве работают тибетцы — просят гравий, таскают его в кошелках, таких же, как для сбора княжика, в форме опрокинутой четырехгранной пирамиды. Направляемся в старую часть города.

Очень много мелких лавчонок. Половина товаров в магазине, половина — на низеньких столиках на тротуаре, а то и просто разложена на земле. Товары самые разнообразные. Много местных. Много китайских, много индийских товаров. Видели человек 5—10 индусов. Они одеты в платье европейского покроя. Индусы являются, очевидно, владельцами магазинов. Очень много монахов в красных одеждах. Волосы монахов коротко острижены. Многие из них разъезжают на велосипедах, подоткнув рясу. Некоторые в очках. Чиновники одеты в шерстяные халаты темных оттенков. Кожа загорелая, волосы у всех ярко-черного цвета. Однако единого расового типа я не заметил — и ростом, и сложением, и формой головы и лица тибетцы весьма разнообразны. У многих рыбьи лица — следы оспы, кожные болезни, слезящиеся глаза.

Встречные с большим любопытством разглядывают нас, в особенности толстенького лысого Белецкого и мои белые волосы, необычные и в России. Однако любопытство вполне дружелюбное, с улыбками — простое любопытство людей, занятых своим будничным делом, увидевших нечто новое, любопытство, которое здесь никак не считается неприличным. Часто возгласы: Сулеп, Сулеп! (Советский Союз.)

Видели десятка два школьников с пионерскими галстуками. Несколько женщин в богатой одежде, с чистыми сытыми лицами.

На улицах часто встречаются китайские солдаты-патрульные: или пешком, парой, или на велосипедах, тоже парой. Видели двух самых обычных милиционеров, регулирующих уличное движение такими же жестами, как и в Москве. На меня это произвело неожиданно сильное впечатление, я никак не ожидал увидеть такое в Лхасе. Часто тибетцы-велосипедисты, не в силах преодолеть любопытства, замедляют ход и пристраиваются в хвост окружающей нас группы человек в двадцать-тридцать.

Видели вооруженного монаха — из-под красной рясы пояс с патронами и кобура с пистолетом. Солдаты с винтовками в явно тибетской одежде, очевидно, солдаты войск далай-ламы, стоят рядом с солдатами НОА на перекрестках.

Много собак на улицах, похоже, бездомных. Страшная вонь, пыль, грязь. И вместе с тем в одной из лавчонок весь прилавок завален превосходными импортными зубными щетками. Прогорит здесь лавочник с таким товаром!

Что же за товары в лавках?

Ткани всех цветов, шелковые, хлопковые — привозные — и шерстяные, домотканые. Посуда — тазы, ведра, чайники, скво-

родки. Консервированные продукты в банках с ярчайшими этикетками. Местные овощи — калуста, что-то вроде брюквы, лук и неведомая мне зелень. Всех сортов табак, папирсы, сигареты и даже сигары. Скобяные изделия, гвозди, шурупы. Спички китайские или индийские. Часы разных фирм, велосипеды. Видели даже новейшие ручные швейцарские часы с календарем. Много самой разнообразной обуви, от кустарных тибетских сапог с подошвой из плетеной шерсти до обуви западного происхождения; китайского изготовления резиновые сапоги, кеды, гапши; много разноцветной расшитой кустарной кожаной обуви. Какие-то непонятные приноски. Торгуют чаем расписночно. Готовая одежда. Национальные тибетские меховые шапки с желтым шитьем, а рядом — мягкие фетровые шляпы европейского образца, фасона «Москвошвей», так в шутку определяет Толя. Предметы культа — статуэтки, латунные чаши, фигурки будд, светильники, четки, украшения.

В самом грязном углу несколько человек торгуют мясом: профессия мясника считается самой низкой и презирается. Существует специальная группа людей, нечто вроде индийской касты неприкасаемых, которым разрешено убивать животных и торговать мясом.

Улочки в торговой части узкие — мы шеренгой идем, занимая от края и до края свободную от товаров часть улицы. Дома в два, иногда в три этажа. В окнах, выходящих на улицу, цветы, растущие в горшках. Доминики грязные, облезлые. Чаще всего они глинобитные, оштукатуренные или покрашенные известкой.

Идем дальше. Многие из встречаемых, в особенности пожилые, вертят молитвенные барабаны: рукоятка, на ней цилиндр из желтого металла, с резными украшениями, и на веревочке грузик. Движением кисти покачивают рукоятку, держа барабан чуть ниже лица, грузик вращает барабан по часовой стрелке, а владелец что-то бормочет... Страшно жалею, что нельзя фотографировать...

Наша свита любопытных имеет стабильную численность, но переменный состав — человек около двадцати, конечно, с преобладанием мальчишек, как везде, очень подвижных и живых. Несколько молодых людей с велосипедными. Но некоторые проходят мимо, даже не взглянув. Разбитная торговка улыбнулась, показывая в нашу сторону пальцем, и, что-то сказав соседке, вызвала общий смех толпы.

Проходя по улицам, правда, не самым многолюдным, неоднократно видим, как мужчины и женщины, монахи и простолюдины, без стеснения садятся на корточки прямо посреди улицы и опираются, закрывшись раскинутыми в стороны локтями халатов...

На улицах столбы с проводами — электроосвещение, радиотрансляция. Во многих местах установлены мощные радиорупоры, и весь день ведутся передачи.

На обратном пути заметили струю дыма справа от холма, расположенного в том же хребтике, на котором стоит Потала. Сопровождающий разъяснил, что это огненное погребение, кремация. Кроме того, есть небесное погребение — труп рубят на куски, кости дробят и смешивают с тестом и все это отдают на съедение птицам, главным образом воронам. Они привыкли к

людям, как к кормильцам и как к пище, и не боятся их. Если птицы не едят трупа — это значит, что человек был плохой, и ему в следующем воплощении суждено понизиться в ранге. При грешной жизни в течение многих поколений можно доказаться до воплощения в насекомых и в прочую нечисть. Есть еще и водное погребение. К трупу привязывают груз и опускают в воду, в речку или озеро. Поэтому не рекомендуется пить воду из рек, не прокипятив ее. Если рыбы съедают тело — хорошо, не съят — грешником был покойный. В землю хоронят очень редко.

После ужина Сюй Дин сказал, что мы выходим в разведку даже в том случае, если самолеты из Синина не придут. Сборы заканчиваются завтра, во второй половине дня.

В нашей помощи при подготовке к выезду нужды нет.

29 октября. Дорога Лхаса — Ямбадинг

Выехали около 11.30 на одиннадцати автомашинах, из них на пяти солдаты и офицеры конвой. Нам выделили маленький вездеход типа ГАЗ-69. На такой же машине едут секретарь Партийного комитета Шигадзе тов. Лян Сюаньсань, командир полка в Шигадзе тов. Чжан и майор, его помощник.

Опять проезжаем мимо громадного монастыря Брайбуя, так поразившего наше воображение на пути в Лхасу.

По дороге в Лхасу очень оживленное автомобильное движение. Автомашин здесь несравнимо больше, чем на шоссе Пекин — Тяньцзинь. Мы встретили две большие автоколонны. Одна везла бензин в бочках, вторая — цистерны. Немного погодя навстречу был рейсовый автобус из Синина, полный народу, с багажом, привязанным на крыше. Семь суток из Синина в Лхасу на рейсовом автобусе — это производит сильное впечатление! Совсем недавно требовалось более 100 дней, чтобы пройти это расстояние с караваном яков.

В Ямбадинге обедали вместе с тов. Ляном. Он очень интересно рассказывал о панчен-ламе, главная резиденция которого находится в Шигадзе.

Тов. Лян видится с панчен-ламой регулярно два раза в месяц. Панчен-ламу зовут Чугиганца, ему сейчас около 22 лет (родился в 1936 году в провинции Цинхай, вне собственно Тибета: в Цинхае живет очень много тибетцев, переселившихся туда в разное время). По достижении совершеннолетия — у тибетцев оно наступает в 18 лет — он приехал в Тибет. Панчен-лама дважды был в Пекине, очень многое осматривал в Центральном Китае. Особенно сильное впечатление на него произвела техника, и он ею увлекся. Центральное правительство выделило в его личное пользование отличную легковую автомашину. Он научился сам управлять ею и, отъехав на некоторое расстояние от монастыря Дашилуμπο, меняется местом с шофером и сам ведет машину. Он часто ездит, например, из Шигадзе в Лхасу для встреч с далай-ламой, отношения с которым у него не только официальные, но на самом деле близкие, дружеские. Тов. Ляну приходилось неоднократно беседовать с панчен-ламой, убеждать его, что работа в качестве шофера может подорвать его автори-

тет среди верующих. На некоторое время это помогает, но затем живой бог снова садится крутить баранку...

В Ямбадинге мы получили известия, что грузы из Сянина — два самолета — прибыли на аэродром Дансюн. Сроков их переброски в Шигацзе пока не знаем.

Започевали в Ямбадинге.

30 октября. Ямбадинг — Шигацзе

Часов в шесть утра колонна наших машин переезжает мост, выходит в луговую долину и устремляется вперед.

По пути на Шигацзе мы пересекли два перевала: Шигу-ла, или Сюйге-ла, что в переводе означает «Белая бумага», высотой 5250 метров, и Тунса-ла, высотой 4800 метров. Сюйге-ла — высочайший в мире перевал из тех, через которые проложены автодороги. Рядом с перевалом, впереди справа, большая заснеженная вершина с резкими очертаниями, технически довольно трудная, на взгляд 5-й В категории трудности. Ее высота, как говорят, около 7100 метров. Название вершины одновременно с перевалом — местных жителей не интересуют вершины как таковые, вот перевал, через который можно проехать, совсем другое дело*.

На перевале Шигу-ла была небольшая остановка, чтобы дать остыть моторам. Мы обратили внимание на хорошее состояние полотна: выбоины регулярно засыпают, дорогу постепенно улучшают и расширяют. Таких участков, где не могут разъехаться две машины, почти уже не осталось. Дорога хорошо спланирована. Повороты на серпантинных плавных и врезаны в коренной склон, так что получается как бы корыто, из которого машина не может выпасть. Покрытие дороги в основном грунтовое, но во многих местах приступили к засыпке полотна гравием и щебнем.

На склонах и в особенности на дне долин неплохие пастбища. Почти везде замечаем пасущихся яков или овец. Очень большое стадо яков было перед снежной вершиной Шигу-ла. Часты колонии арчи и другого кустарника, мне ранее не встречавшегося.

Колонна выезжает к громадной реке. Спокойно и величаво текут ее глубокие воды. Это Цанпо, верховья Брамипутры, крупнейшая река Тибета, почитаемая священной и в Тибете, и в Индии...

Машины останавливаются у паромной переправы. Сходим на берег, наклоняемся к воде, погружая в нее руки, и опускаемся на камни, не в силах унять внезапно нахлынувшего волнения. Между пальцами, поблескивая в лучах заходящего солнца, струится вода Брамипутры. Не Оки, не Невы, подумай только — вода Брамипутры! Трое пожилых людей со смущенными улыбками и повлажневшими глазами сидят на берегу и, как дети, ласкают бегущую воду...

Расспросили, водится ли здесь рыба. Говорят, что рыбы в реке очень много, но тибетцы ее не ловят и в пищу не употребляют, считая, что в рыбах воплощается Будда. Здешные китайцы (в Дартуге живут паромщики и взвод охраны) рыбу ловят, но тай-

* В книге А. Уиннингтона «Тибет» (Инииздат, 1958, с. 215) эта вершина названа Чомо-Ганга, ее высота указана — 25 600 футов (около 7800 м).

ком, чтобы не нажить неприятностей — это так житейски понятно...

После переправы дорога идет по правому берегу Брампутры навстречу течению реки.

В кустарнике, что растет на островах и кое-где на берегу, много дичи. Мы очень близко видели серо-черно-белых цапель. Уток непривычной раскраски, красных — такого же оттенка, что и одежды лам. Этих уток считают особенно священными, полагая, что в красных уток перевоплощаются ламы. Спустили несколько зайцев — они выскочили чуть ли не из-под колес и долго бежали по дороге...

ГАЗ-69, в котором следуют Лян Сюаньсань, комполка тов. Чжан и майор, почти сразу же после переправы быстро уезжает вперед, без конвоя. По-видимому, в районе Шигацзе сейчас спокойно. Мы тоже движемся с большой скоростью, но частенько отстаем от грузовика охраны, чтобы фотографировать.

К вечеру доехали до Шигацзе, пробыв в пути 13 часов.

Шигацзе открывается видом на замок, стоящий на холме. Он выдержан в том же стиле, что и Потала, но строже и меньше по размерам. Построен он еще при четвертом далай-ламе. Замок прежде принадлежал светским властителям округа. В 1643 году, при пятом далай-ламе, войскам монгольского вождя Гуши-хана стоило большого труда взять его приступом. Теперь в этом здании помещается отделение кашага — местного правительства далай-ламы.

Одновременно в речной долине (Шигацзе стоит на реке Нянгчу, впадающей в Цангпо с юга) показывается большая роща лиственных деревьев. За рощей видны постройки города и открывается панорама очень большого монастыря Дашилумпо, в котором сейчас около 4000 лам. Это богатейший монастырь Тибета и резиденция панчен-ламы. Пять храмов с золотыми кровлями, сложенные из каменных плит и окрашенные в коричневатый цвет, содержат в себе надгробия пяти панчен-лам. На северо-восточном краю монастыря привлекает к себе внимание громадная стена, вернее, тонкое очень широкое и высокое здание. В этом здании выставляют большое изображение будд в день годового праздника. Стена эта выглядит весьма грозно и по первому впечатлению похожа на какую-то страшную боевую башню. Богатства Дашилумпо не раз привлекали к себе внимание больших и малых грабителей.

Как и в Лхасе, здесь много зданий, построенных недавно на средства Центрального правительства. Строительство продолжается и сейчас. Строят глинобитные дома под хорошей крышей, внутри домов стены выбелены известкой. Пол глинобитный. В городе электрическое освещение, часто установлены громкоговорители. Столбы электропроводки всюду в городе, и это заставило нас обратить внимание на то, что телеграфной проводки вдоль шоссе мы не видели.

Старый город теснится у подножия холма.

Нас привезли в один из кварталов за глиняной стеной и поместили, как сказал Пен Шули, в гостинице. Живем по двое в комнате.

Окна выходят на внутренний двор. Ворота на улицу из толстых досок, скованы прочными железными полосами. В стенах во многих местах бойницы. Даже в окнах уборной, выходящих на

улицу, наскоро заложенных кирпичами, устроены бойницы. Эта сторона стены выходит на монастырь Дашилумпо — из бойницы вид его самый живописный...

Немного погодя зашли с визитом вежливости три члена Партийного комитета Шигацзе. Говорили на общие темы. Выяснилось, что уже отобраны посыльщики для участия в походе вместе с нами. Это коренные тибетцы, все или члены партии, или комсомольцы. Начальник отдела иностранных дел сказал в разговоре, что он сопровождал Уинингтона, входившего в состав группы корреспондентов демократической печати, которая посетила Тибет во второй половине 1955 года. Мы сказали, что у нас вышла его книга, и Белецкий обещал в следующий раз привезти сюда наиболее серьезные книги на русском языке, посвященные Тибету.

Зашел разговор о снежном человеке. Он начался с упоминания о том, что имеются случаи нарушения границы иностранными реактивными самолетами. Есть и случаи перехода пеших. Нарушители в оправдание говорят, что заблудились, занимаясь поисками снежного человека. Члены комитета сами ничего достоверного о снежном человеке не знают. Среди коренных тибетцев, заслуживающих доверия, рассказы о снежном человеке считаются легендами. Всерьез в существование снежного человека тибетцы также не верят. Слухи о нем распространяются с юга, из Непала и из Индии. Члены комитета полагают, что эти слухи имеют явную политическую направленность, как оправдание случаев нарушения государственной границы.

31 октября. Шигацзе

Сегодня обратил внимание на то, что офицант, приносящий нам еду, имеет под белым кителем кобуру с пистолетом. Выяснилось, что это один из сотрудников Партийного комитета Шигацзе, который обслуживает нас, так сказать, в порядке дополнительной нагрузки. Дом, в котором мы живем, не является гостиницей. Это дом Партийного комитета, в котором сейчас размещают приезжих.

При сборах на прогулку выяснилось, что из Лхасы нас сопровождает младший лейтенант Ван, назначенный генералом Тань Гуаньсань для нашей личной охраны. Первый раз в жизни о моей персоне заботится телохранитель.

По дороге слева на пригорке — небольшой монастырь: храм Гэсара. Сразу вспоминается выставка картин Николая Константиновича Рериха, что была недавно в Москве, и полотно «Гэсар-хан»: сказочный всадник натягивает лук, чтобы пустить стрелу-молнию вдаль, туда же, куда мчатся небесное пламя, охватившее весь горизонт... Храм посвящен именно этому Гэсар-хану. Гэсар-хан, или, в другом произношении Кэсар-хан, — популярный герой многочисленных тибетских народных сказаний. С его именем связаны народные мечты об освобождении от нечестивых властителей Лхасы и воцарении всеобщей справедливости и благоденствия, о превращении Тибета в земной рай. В этих сказаниях переплетаются мечты о священной стране Шамбала, вход в которую находится на пяти вершинах Канченджанги, справедливые законы которой будут распространены повсеместно, с мечтами о пришествии грядущего Будды, с легендами о подвигах

Госар-хана, непобедимое войско которого освобождает простой народ... Главным местом почитания Шамбалы считается монастырь Дашилуμπο.

Чрезвычайно любопытны предсказания, о которых стало известно Н. К. Рериху во время его тибетского путешествия.

Согласно этим предсказаниям, во множестве появившимся после октября 1917 года, в 1936 году на тибетскую землю придет некто очень большой и воцарится всеобщая справедливость. Новая эра в отличие от прошлых наступит стремительно. Все свершится очень скоро, при жизни этого поколения: «Все вожди Шамбалы уже воплотились». В этих предсказаниях в обычной для них аллегорической форме подчеркивается, что новое придет в невиданном и непонятном облике и будет казаться отталкивающим. Об этом рассказывают так.

«Человек двенадцать лет искал Майтрею Будду (грядущего Будду). Нигде не нашел, разгневался и отказался от поисков. Но, увидев, как странник конским волосом пилит железную палку, приговаривая:

— Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю.

Смутился человек.

— Что значит мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям.

И тогда явился человеку сам Майтрея Будда и сказал:

— Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём.

Поехал человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

— Почему бежите вы, люди?

— Что за ужас у тебя на плече? Пес смердящий, облезший, весь в язвах...

Опять не увидели люди Майтрею Будду. А увидели, чего каждый достоин...»

Религия и религиозные сказания оказывают большое влияние на простой народ в Тибете. Религия жива, она всюду, и ее средствами ведется повседневная идеологическая работа, в которой отражаются самые последние новости. Активно ведет ее и один из духовных вождей Тибета — панчен-лама. Такие вот предсказания облегчают ему установление самого тесного взаимопонимания с народом при проведении коренных социальных преобразований: ведь теперешний панчен-лама пришел на землю, родился именно в 1936 году...

Осматриваем школу, расположенную на территории монастыря. Это светская школа. Монастырь выделил площадь для постройки зданий школы добровольно. Сейчас школа — шестилетка. Но уже организуется седьмой класс (в Китае учатся 12 лет: шесть лет начальной школы и шесть лет средней). Учатся шестьсот детей тибетцев всех сословий. Состоятельные люди охотно посылают своих детей в эту школу. Преподаватели — или тибетцы, получившие домашнее образование здесь же, в Шигацзе, или ханьцы. Последние преподают, например, конституцию КНР и историю. В школе преподаются девять предметов: тибетский язык, история, география, естествознание, арифметика, рисование, пе-

ние, физкультура; по утрам дети молятся и изучают священные тексты. Такая школа в Шигацзе одна. Директор школы — тибетец, нас с ним знакомят. Умное чистое лицо, аккуратная темная одежда чиновника — длинный халат из темно-серой ткани в мелкую клетку.

Невдалеке от школы — замок, тот самый, что построен еще при четвертом далай-ламе. Пройдя мимо холма, на котором он стоит, осмотрели рынок. Торговые ряды — каменные длинные площадки под навесами — построены недавно на средства правительства панчен-ламы. До их постройки торговали, разложив добро на земле. Торговая площадь в Шигацзе превышает по размерам базар около храма Джоканг в Лхасе. Кроме торговли, рассчитанной на удовлетворение местных нужд, Шигацзе ведет и крупную оптовую торговлю. В качестве распределительного центра для торговли с зарубежными странами Шигацзе имеет большее значение, чем Лхаса, — в Шигацзе скрещиваются торговые пути в Индию и в Непал. Одна из дорог в Непал проходит через Шекар и Тингри — как раз по тому направлению, что новая автодорога и наш путь в Ронгбук.

Мы сделали много снимков — и людей, и домов. Издали, с бугра, сняли монастырь Дашилаупо и дом в нем наверху, где живет панчен-лама. Это один из домов с желтой, золотой крышей.

На обратном пути встретились несколько мальчишек лет по десяти-двенадцати, смешливых, озорных — остриженные, в красных рясах — монахи... Часто в монастыри отдают детей совсем малышами...

Заходили в государственный китайский магазин. Цены в нем как в Пекине, несмотря на огромные расходы по транспортировке грузов. Очевидно, торговля ведется с государственной дотацией.

На двери одного из домов видим... свастику. Возле дома резвятся ребятки. Фашизм и война привили определенно-отрицательное отношение к этому знаку, и в сознании не сразу укладывается, что перед нами отнюдь не фашистская комендатура. Первоначальный, древний смысл этого буддийского символа, — знак долголетия, добрый и жизнеутверждающий символ... Свастика долго еще будет служить нам темой острот и приправой к разговору, особенно при попытках усесться на брыкучего конька, на лбу которого красуется этот знак — имеющий лишь тот смысл, что хозяин лошади желает долгих лет жизни своему кормильцу...

Немного погодя, в середине дня, состоялся визит к нам главного министра панчен-ламы. Пен Шули называл его Дзаза.

Наши китайские друзья явно смущены визитом. Они были обязаны проводить в жизнь решение не раскрывать планов разведки и экспедиции перед панчен-ламой и его окружением, а тут необходимо иметь разговор с его ближайшим сотрудником по управлению. Сюй Дин просит нас аккуратно отвечать на вопросы и предоставить вести разговор ему. Желание хозяев для нас священо, и мы готовимся черное и белое не называть, да и нет не говорить.

Министр прибывает в роскошной английской легковой машине прямо в наш двор. С ним свита — древний и очень святой старец, шофер-тибетец, по внешнему облику похожий на принарядившегося шофера Памирского автотранспортного треста, и мо-

лодой тибетец в хорошей одежде. Посетители выходят из машины. Сюй Дин приглашает их войти в нашу гостиную, где специально приготовлено угощение — чай, сладости, закуски, сигареты. Происходит церемония представления. Ее важнейшая часть — взаимный обмен хатá, шарфами стастья. Хата несколько напоминает полотенце с бахромой на концах. Древняя церемония передачи хата считается выражением всяческого доброжелательства и очень ценится тибетцами. Любые слова, любые подарки становятся неизмеримо значительнее, если сопровождаются подношением хата. Начинает церемонию тот, кто пришел с визитом, в данном случае — Дзаза.

Завязывается беседа на общие темы, взаимные любезности. Чувствуется, что Дзаза отлично знает о цели нашей группы. Прищурив и несколько отведя глаза, он любезно желает Посетительной делегации Всекитайского комитета физкультуры с участием трех советских специалистов хорошего здоровья. Он желает, чтобы всем нам было приятно в Тибете и в Шигацзе, чтобы советские товарищи легко перепесли непривычный для них климат Тибета, желает успеха в нашей деятельности, направленной на благо Китайской Народной Республики и дела социализма. Дзаза приглашает весь состав делегации и особенно трех друзей из великого Советского Союза посетить вечером бал в городском клубе, который он устраивает в честь делегации.

Сюй Дин держит ответную речь в таком же стиле, не требующем упоминания о конкретных делах. Е. А. Белецкий, оказавшийся великим мастером парадных речей, сказал несколько слов от нашего имени — о том, что мы счастливы посетить Тибет, передать привет от народов Советского Союза, лично видеть эту полубогатую страну, ее природу, ее города и дороги, ее замечательно красивые монастыри. Мы, возвратясь в СССР, расскажем советским людям о Тибете и будем счастливы продолжить начатое знакомство.

Вечером состоялись танцы.

Они были как-то непринужденнее, естественнее, чем в Лхасе. В зал входили любые жители Шигацзе, имевшие намерение посмотреть гостей из далеких земель и потанцевать.

Вначале мы пользовались большим успехом у местных дам. По-видимому, они хотели оказать гостям подчеркнутое внимание. Мне особенно запомнился танец с супругой Дзаза — полной, важной, высокого роста, с царственной осанкой. Она по праву и по существу первая дама Заднего Тибета — ведь панчен-лама холост...

Вначале был приглашен Евгений Адрианович, глава нашей делегации. Маленький, толстенький, вероятно опасаясь произвести невыгодное впечатление, или попросту не рискуя обнаружить полное неумение танцевать, он мило заулыбался, отрицательно замахал ручками, показывая на меня. Мне не оставалось иного выхода, как принять приглашение. Хотя танцор я никудышный, однако я твердо помнил, что вести в танце должен кавалер. Два или три раза, напрягая все силы, пытался я кружить свою даму так, как, казалось мне, полагается делать это в исполнявшемся танце. Увы, все было напрасно. Наконец, я сдался и в течение долгих минут, показавшихся мне вечностью, партнерша кружила меня, заставляя покорно следовать ее воле. Я до сих пор переживаю свою неловкость...

С КАРАВАНОМ ПО ТИБЕТУ

*...И караваны
Идут, звеня, издалека.*

М. Ю. Лермонтов. Демон

2 ноября. Первый день пути

Выступили в полдень. В колонне 16 вьючных ишаков, несколько верховых лошадей и 4 двухколесных арбы с колесами от грузовиков. В каждую повозку запряжено по два мула. Нас пригласили сесть в арбы на груз. Вначале, не разобравшись, мы последовали приглашению. Затем увидели, что солдаты охраны идут пешком, неся на себе, кроме оружия, скатки кило по двадцати. Мы пососкакивали с повозок, а солдатские укладки положили на арбы.

При выезде из Шигацзе справа от дороги разворачивается панорама громадного монастыря Дашилумпо, богатейшего в Тибете.

Он располагался на склоне холма.

Облик громадного средневекового монастыря остался таким же, как много десятков и сотен лет назад. Впрочем, не совсем: теперь вдоль дороги проходит высоковольтная линия. Странно выглядит на фоне древнего и такого живого монастыря эта линия электропроводки, с трансформатором, укрепленным на одном из столбов.

К 16 часам вошли в Латан. Это небольшое селение неподалеку от одноименного монастыря, расположенного за некрашеной глинобитной стеной. В Латане готовят горячий обед.

На наших глазах совершена блестящая сделка: у местных жителей за два серебряных юаня купили три корзинки кизяка. Очаг складывают прямо на дороге, посреди селения. Пристраивают на него большой котел, наливают воды, бросают под котел груды кизяка, суют пучок сухой травы, поджигают. Тибетка, у которой купили кизяк, приносит мехи — снятую мешком овечью шкуру, с металлической трубкой, вставленной в одну из бывших ног. Раздувают огонь, кипятят воду, варят лапшу...

Вокруг столпилось чуть ли не все население поселка, прибежали даже монахи из монастыря, даром что до него с километр, — уж очень, наверно, любопытную картину представляет наша компания... Через несколько минут поднимается ажиотаж — около животных каравана появился свежий навоз! Бегом, наперегонки бросаются к нему тибетки, собирают прямо руками — еще бы, три корзинки — два юаня!..

Из Латана выходим через пару часов. Через час нас догоняют три грузовика с солдатами. Нам предлагают сесть в машины и везут километров на 30 вперед. В темноте останавливаемся на ночлег у маленького придорожного селения. Темнота — хоть глаз выколи. Ищем электрические фонари. При себе ни у кого из нас нет — фонари в рюкзаках, рюкзаки в караване, а караван остался в трех десятках километров сзади. Солдаты устанавливают, что оба глинобитных домика для ночлега непригодны. Ну и слава богу, расположился спать на свежем воздухе. Надо только найти площадку поровнее и в заветерочке. Ногами на

ощупь ищем ровную площадку, то попадая в какие-то ямы, то спотыкаясь о камни. Наконец, находим достаточно большую площадку, но что-то она подозрительно мягкая. Зажгли спичку — полно павза, и не только сухого... Ага, вот там у каменной ограды площадка с травкой. Правда, придорожная трава вся в густой пыли — не беда, наши вещи через пару дней будут такого же цвета, как и придорожная пыль, как бы мы их ни берегли. Садимся, прислонясь к стеночке, закуриваем. Спать будем здесь, вот лишь бы найти вещи. Две машины идут обратно за грузами. Пен Шули говорят, что придут через час. Подождем!

3 ноября. Сабудидин

Температура в восемь утра минус три градуса, высота по альтиметру 3900 метров, погода ясная, безветренная.

Вышли с бивака в половине десятого. Едем на грузовых автомашинах еще 35 километров. Часть грузов на машинах, часть идет вьюками на ишаках, часть на арбах. В 10.45 прибыли в большое селение Сабудидин. Здесь будет подготовка вьючного каравана и ночевка. Сабудидин — уездный центр, цун, и первое тибетское селение, которое мы успели рассмотреть более или менее детально. Расположен он на высоте 3750 метров.

Прежде чем попасть в Сабудидин, пересекаем вброд довольно широкую речку. Наша машина, сбившись с брода, попадает на глубокое место, водой заливает мотор, и он глохнет. Долго сидим посреди речки, пока не подоспевает на выручку вторая машина. Между рекой и селением широкие поливные поля, рассеченные на прямоугольники арыками. Ячмень уже сжат в снопы и сложен на току, часть полей вспахана под язь.

Само селение лепится на косогоре. В нескольких местах небольшие рощи тополей, посаженных очень густо. Над домами развешаны гирлянды каких-то флажков. На одной из скальных вершинек неподалеку высится средней величины монастырь, к нему ведут зигзаги вьючной тропы. В селении множество домов, обычно высотой в два этажа. Дома глинобитные, ограды вокруг них — тоже. Стены грубо покрашены известкой. Тут же видим, как это делается. Тетушка с ведром раствора залезает на крышу — у домов плоские крыши, огороженные невысоким барьером, — и, перегнувшись через барьер, хлещет по стене тряпкой, смоченной в растворе. Верхняя часть стены, куда она достает тряпкой, оказывается окрашенной более или менее ровно, низ же — желтая глина, местами покрытая струйками стекавшего раствора...

Машины останавливаются перед въездом в селение и разгружаются. Нас проводят в один из домов, в парадную комнату на второй этаж. На второй этаж попадаем по крутой приставной лесенке. Пока идем, видим на первом этаже помещения для скота, кладовые для соломы, деревянные сохи и прочую хозяйственную утварь. Глиняные стены внутри покрашены масляной краской и сверху нее расписаны картинами сказочно-религиозного содержания. Мне бросилось в глаза явное смешение китайской и индийской тематики. На одной из картин китаец-маньчжур с косой и длинными усами едет верхом на олене, на другой изображен слон, на слоне верхом сидит обезьяна, на плечах у обезья-

ны заяц, на зайце — ворон. Вторая картина символизирует мир и согласие в семье.

Хозяева привносят в комнату несколько складных тюфяков, крытых шерстяной дюмотканой материей и внутри набитых шерстью. Тюфяки раскладывают вдоль стен и жестами приглашают садиться. Потом хозяйка присылает сына. Он приносит чайник и несколько пинал и угощает чаем. Вкус его очень непривычен — чай ссленый, приправленный маслом.

По привычке, усвоенной в караванных переходах по советскому Памиру и Тянь-Шаню, спускаемся во двор, чтобы помочь караванщикам убрать грузы, взять вещи, требующиеся для ночлега. Подходивший Пен Шули объясняет, что мы занялись не своим делом. Забота о грузе лежит на караванщиках и на солдатах. Они уберут грузы на ночь и принесут к нам в комнату все, что требуется, — нужно лишь сказать, что именно, какие вьюки. Нехотя уступаем воле наших друзей и поднимаемся опять в комнату.

Сидеть там без дела скучно, и мы просим разрешения побыть на свежем воздухе на плоской крыше дома. Опять переговоры Пен Шули и Сюй Дина с охраной, на крышу ставят двух солдат с винтовками и после этого приглашают туда нас...

Выходим на крышу. Ветер колышет флажки, гирляндами развешанные на уровне лица на веревочках или укрепленные на пучках веток, что установлены на башенках по углам дома. На каждом флажке тексты буддийских молитв; каждое трепетание флажка на ветру эквивалентно произнесению текста молитвы вслух. И вот, развесив флажки и используя даровую энергию ветра, хозяева дома таким механизированным способом добиваются заслуг перед богом. Нам показывают небольшую постройку на ручье, что-то вроде водяной мельницы. Это и в самом деле мельница, но вращаются не жернова для помола зерна, а большие барабаны с запрессованными в них текстами молитв. Хозяин мельницы капитально механизировал приобретение религиозных заслуг — в барабане сотни тысяч молитв, и каждый поворот барабана снимает с хозяина бремя множества грехов...

Во все глаза смотрим мы вокруг...

А какая своеобразная планировка селения. Чтобы не уменьшать площади полей, дома построены на косогоре, на склоне хребта, ограничивающего долину. Глиняные дома в беспорядке лепятся один к другому и один над другим, образуя бесчисленные закоулки и внутренние дворы. Часто крыша одного дома служит как бы верандой другого, расположенного несколько выше по склону холма.

Над селением тучами летают сизые голуби и пестрые сороки. Они совершенно не считаются с присутствием людей. Садятся в двух шагах на крыше, клюют насыпанное для просушки зерно. Во дворе они сплывают под ногами людей, у лошади, разгребая навоз, выискивая съедобное... Мы вооружились фотоаппаратами и бродим по крыше, снимая чуть ли не все подряд, — так трудно устоять перед искушением, так непривычно все вокруг...

Вот тибетцы — местные жители, и среди них дедушка с молитвенным барабаном, вращаемым автоматическим движением кисти руки, — собравшись группой и оживленно обмениваются мнениями, показывая то на нас, то на солдат, то на грузовики, стоящие неподалеку.

А вот через проем видна внутренность соседнего дома. А там... Там, освещенный ярким солнцем, стоит грубо сколоченный из бревнышек самодельный ткацкий станок. За ним работает пожилая женщина. Все на виду — и кусок готовой полосатой шерстяной ткани, и изготовление пряжи; рядом сидят двое детей и еще одна женщина и усердно сучат из шерсти нитки.

Издали доносятся песни. Тибетцы так жизнерадостно поют во время работы! По вечерам, после захода солнца, эти мелодичные песни производят сильное впечатление. Песни, видимо, и рассчитаны на исполнение в поле — в концертном зале в Лхасе они не звучали...

Стойкость и жизнерадостность тибетцев вызывают удивление и восхищение. Кажется, нарочно не придумаешь более трудных условий жизни. Их поля и селения расположены на высоте четырех тысяч метров — ведь это уровень вершин Альп и Кавказа. Резкие смены температур, пыльный ветер половину дня, сухость воздуха такая, что трескаются губы и пересыхает горло. Воду для орошения полей пужно подводить черт-те откуда. Неприхотливый ячмень и тот еле вызревает. Приготовление пищи — целая проблема: из-за низкого атмосферного давления вода кипит при низкой температуре, и крупа не разваривается. В качестве топлива — кизяк — поди-ка, побегай за ним. Мы видели, как хозяйки налетали на навоз от животных из нашего каравана в Латапе — бегом, наперегонки, собирая его руками и засовывая куда попало. Ежедневная пища — соленый чай и мука из перемолотых зерен ячменя — знаменитая цзамба, один из наименее питательных продуктов на свете, и то не вдоволь. Средства сообщения хуже некуда: пешком, а грузы на себе или выюками. Огромная часть мужчин, очевидно, наиболее способных, отвлечена от нормальной жизни и находится в монастырях — шутка ли, сто тысяч лам на миллион двести тысяч всего населения! В духовной сфере — суеверия и глубокое убеждение в том, что ламаизм с его учением о бесконечном круге переселений души — корень всей жизни. Они считают, что окружающий мир населен несметным количеством злонамеренных духов, злобных демонов, которые причиняют человеку все затруднения и горести. Демонов нужно умиротворять ежедневно, ежеминутно, в любом положении; только благочестивой жизнью в течение многих поколений можно спасти душу. Иначе цепочка переселений души приведет к воплощению в животное, в насекомое — душа может принять самый жалкий облик, полностью сохраняя человеческую способность мыслить и страдать.

И над всем этим — крепостная зависимость, куча натуральных повинностей. Поживи-ка в шкуре тибетца! А он живет себе, и радуется жизни, и не вешает носа...

Привосят ужин — лапша, к ней отдельно немного мяса, котелок чая. В составе разведки пожилой повар-китаец. Ему пришлось затратить часа четыре, чтобы сварить все это на жаровнях с кизяком.

Устраиваемся спать. Нас пятеро: Пен Шули, Ло Ван и мы трое. Сдвигаем вместе шерстяные тюфяки, накрываем их желтым полотнищем — противоприпитной накидкой, как оно у нас называется в шутку, раскладываем спальные мешки, я и китайцы выкуриваем по отходной сигарете... Кончается второй день настоящего пути.

Но лет, день еще не кончился. Приносят письмо, составленное солдатами охраны. Они писали:

«Дорогие советские друзья и все члены посещательной делегации!

За последние два дня, когда мы вместе делали походы и полевки, мы глубоко почувствовали вашу заботу о нас, вашу чуткость. Так заботится старший брат о младшем. Так, например, вы шли пешком и дали нам подводы для перевозки наших укладок. Ваш доктор осматривал нас; вы заботились о нас в бытовом отношении. Все это затронуло наши глубокие чувства. Благодарим вас, советские друзья и члены делегации.

Мы заверяем вас, что будем преодолевать любые трудности на нашем дальнейшем пути и обеспечим вам полную безопасность на вашем пути до цели.

Вы пока еще не совсем привыкли к климату Тибета. Желаем вам сберечь ваше здоровье.

Большевистский привет.

3.11.58»

Подписи всего состава 1-го взвода
7-й роты.

Подлинник этого письма хранится у Пен Шули, который сделал для нас его перевод. К этому, может быть, следует лишь добавить, что по возвращении в Шигацзе весь состав охраны получил выговор от начальства за принятие помощи в транспортировке грузов. В походе отрабатывалась учебная задача: марш взвода в условиях Тибета в отрыве от баз. Принятие помощи означало намеренное уменьшение трудностей учебной задачи...

4 ноября. С вычным караваном — в путь!

Из Сабудидина до самого Эвереста пойдем вычным караваном.

Подъем сегодня в 7.30. К восьми надо упаковать спальные принадлежности и сдать караванщикам рюкзаки с личными вещами. Спускаемся во двор завтракать. Здесь уже распределяют грузы между только что нанятыми караванщиками. Стоит невообразимый галдеж. Грузы делают по жребью, но принцип жеребьевки я не понял. Главную роль играют какие-то камешки, что передают из рук в руки.

Выясняется, что смена каравана будет производиться в каждом уездном центре. Караванщики имеют право перевозить грузы только от родного уездного центра до соседнего или обратно. Это повелось издавна, когда была в ходу натуральная транспортная повинность «ула». Говорят, что, кроме того, такой порядок связан и с трудностью объективного учета объема поправки подножного корма.

Расчеты за караван уже произведены. Мы не догадались попросить показать нам эту процедуру, а китайцы, очевидно, сочли ее прозаической подробностью и не стали беспокоить нас. Очень жаль. Мы установили только, что платят серебряными юанями: бумажные деньги здесь не ходят. В четырех ящиках, которые тащат два сильных мула, содержится сумма, необходимая для оплаты каравана до Ронгбука.

Выступили около половины десятого, китайские и советские альпинисты верхом, носильщики, солдаты и караванщики пешком. Едем шагом, просят не удаляться от охраны. Перед колон-

ной верховых идет группа солдат, сзади нее тоже — что-то вроде личной охраны. Кроме того, несколько солдат сопровождают каждую группу каравана. Грузы охраняют явно не так тщательно, как людей.

Первый кавалерийский дебют в Тибете, которого я так опасался, сошел вполне благополучно. Впрочем, это следует отнести главным образом за счет лошадей. Худые, заморенные, бедняги и не помышляли выкидывать какие-нибудь фокусы. Несколько расхрабравшись, я попробовал перевести лошадь на рысь. Куда там! Она только укоризненно взглянула на меня и продолжала двигаться шагом...

Около 13.30 подошли к огромному палаточному городку — базе строительства автодороги на Ронгбук. Лагерь здесь организован лишь вчера. На огромной площади, на плоском дне долины, установлены белые и зеленые шатровые палатки — в несметном количестве. Громадные штабеля мешков с рисом и мукой. Грудами навалены лопаты, ломы, кирки, запасы бревен для мостов. Несколько грузовиков разгружают: вновь привезенные запасы. Тут и там тянутся караваны яков и ишаков, доставляя грузы группам, уже вышедшим вперед, к перевалу.

В лагере остановка на полчаса. Поговорили, угостились чаем и вареным рисом.

На сегодня на строительстве дороги работает около тысячи человек, из них четыреста человек тибетцев, остальные ханьцы. Как правило, ханьцы — демобилизованные из армии. Тибетцам платят в день один юань серебром. О пропитании тибетец заботится сам, тратит свою долю или свои деньги.

Немного погода — снова в путь.

Видим на работе пока одних лишь ханьцев. Нам говорят, что здесь трудный участок, что тибетские рабочие используются главным образом на земляных работах. Механизации нет. Все выполняется вручную — лопатами, ломом. Ручными молотами дробят камни, кирками разрабатывают глинисто-галечниковый конгломерат. Взрывных работ также не производят, участки скал пока обходят. Грунт перемещают в мешках, в корзинках или в жестяных ковшах на бамбуковых коромыслах.

Через некоторое время видим и тибетцев. Они роют траншею при подъеме на землянистый холм. Тибетцы часто работают в паре, муж с женою. Он копает землю лопатой, а она веревкой, привязанной к лопате у штычка, помогает ему выкинуть грунт подальше.

Места здесь голые, пустынные, селений и полей не видно. Лишь изредка кусты высохшей травы, желтой и ломкой. Галька, песок, глина, сильный ветер несет клубы пыли, солнце нещадно припекает. А в затененных местах ледок. Одна за одной тянутся бесснежные горные цепи, громоздясь бесконечными волнами и теряясь вдаль. И неожиданно широкое, открытое, какое-то радостное небо...

Часов в восемь вечера остановились на ночевку в маленьком поселении на пологом берегу ручья. Сейчас сравнительно тепло — в девять вечера 8 градусов тепла. Но небо ясное, и к утру, наверно, опять подморозит. Солдат помещают под крышу. Мы палатки ставим в палатках. Группа за группой подтягиваются караваны, и вот уже в селении не повернуться. Грудами навалены вьюки и седла, повсюду целые стада ишаков. Пофыркивая, мота-

ют головой лошади. Разложено много костров — солдаты, караульщики и альпинисты готовят ужин. В козлах составлены ентювки, по сторонам выставлены часовые. В заветренных местах на ровных площадках поблескивают серебристые палатки.

Сидим, покуриваем, смотрим. Слабые порывы ветра наносят запах кочевья — кислотоватого дымка костров, пота еще не остывших лошадей. Перед глазами стоят сцены лагеря строителей, работ на шоссе, переселения народов... Какой же силой духа должны обладать люди, чтобы жить и строить здесь, в этой невероятной, неземной, почти марсианской обстановке! И вся каша заварена для обеспечения восхождения. Вот как, оказывается, суждено осуществиться мальчишеской мечте об Эвересте...

5 ноября. Перевал Тоу-ла, 4450 метров

Проснулись поздно, замешкались со сборами в дорогу и приготовлением завтрака — еще не приспособились к кочевой жизни. Холодно — в половине девятого два градуса мороза. Сегодня все сосредоточено на небольшой площади, все сборы у нас на глазах.

Караульщики отлично знают свое дело. Вот подогнали уже оседланных ишаков, таких же маленьких, лопоухих и забавных, как и везде. Одни держат ишака, двое взваливают на седло заранее спаренные вьюки, крепко привязывают их шерстяными веревками. Минута-полторы — и шлепком по крупу ишаку дают понять, что он готов к дневным трудам. Тут же берутся за следующего... Вьючка одновременно происходит в нескольких углах площадки.

Постепенно колонна втягивается в свой однообразный тягучий ритм. Цокают копыта по гальке, бренчат у кого-то котелок. Ни кустика, ни травинки. Начинает припекать солнце, появляется ветер, вздымая пыль, а чуть позже и песок. То тут, то там в разных концах долины возникают пылевые смерчи. Лица покрываются сероватым пушком пыли, на зубах хрустит песок, губы и ноздри сохнут, кое у кого успели потрескаться. Глаза воспалены. Пыль проникает даже под защитные очки и раздражает веки. Почему-то стали сухими и ломкими ногти на руках. Жарко. На ходу, не слезая с лошади, то один, то другой стягивает с себя овчинный тулуп, пристраивает его на седло. Привстает на стремянах, передавая тяжесть тела на другую ногу — уж очень затекают ноги. Подъезжает к соседу, оба закуривают, обмениваются парой слов и снова замолкают.

Постепенно долина сужается, скал становится больше, противоположный склон плавно набирает крутизну и превращается в сухую скальную стенку однообразного серовато-пыльного цвета. Тянется время, медленно бредет караван, по равнодушному небу плывут редкие облака... И опять цокают копыта, и по-прежнему бренчат котелок, и неустанно гонит клубы пыли ветер, и как бичом хлещут, обжигая, солнечные лучи. Солнце поднимается все выше...

Долина резко поворачивает налево, и все меняется. Под ногами лошадей трава, хотя уже и засохшая, но настоящая густая трава. Всюду вьются прозрачные ручьи, множество кустов по берегам. На противоположной стороне, на утесе, живописный замок, окруженный деревьями, с гирляндами флажков. А на скаль-

ной стенке справа от нас, на невозможной крутизне, высоко над долиной прилепились постройки небольшого монастыря, еле заметные отсюда. Тропа ведет к замку на утесе, пересекая луга, такие веселые, радостные. Краткий привал.

Народ весело плещется в воде, смывая пыль. Пен Шули обва-ружил в ручье рыбешек и, смеясь, пытается поймать их руками...

Чудесное место, райские луга, и не хочется уходить отсюда. Причина всего — вода, которой здесь вдоволь.

Однако старший лейтенант Ван Тиню, взглянув на часы и пошептавшись с Пен Шули, вдруг четко и протяжно подает команду по-русски:

— Па-а-а ко-о-о-ня-я-м! Па-а-шли-и! — и, улыбаясь, жестами приглашает двигаться вперед.

Приближаемся к замку. Он построен на небольшой площадке утеса и отделен от луга десятиметровым обрывом. Двухэтажное здание окружено деревьями, выросшими, кажется, прямо на голой скале. Утес стоит особняком, отделившись от скального массива, и крепостца господствует над долиной.

Тропа сворачивает влево, углубляясь в короткое узкое ущелье. По выходе из него опять иссушенные склоны гор, опять камни под ногами, опять пыль и песок. Новый поворот ущелья. Сегодня мы сильно лавируем, но в общем движемся в южном направлении.

Подходим к перевалу и останавливаемся перед подъемом на него. Это Тоу-ла, 4450 метров. Отдых, завтрак всухую: обедов с горячей пищей теперь не делаем, они отнимают слишком много времени.

Мы расположились на краю пашни рядом с селением из нескольких домов. Впереди вправо видна перевальная седловина. Она расположена в бесснежном хребте. К седловине тянется выучная тропа, вилля среди выходов скал, пересекая множество оврагов.

Дорога на Ронгбук пойдет через перевал Тоу-ла.

Спуск с перевала крутой, тропа змейкой вьется по скальным террасам. После перевала опять безжизненные сухие ущелья. Резкий встречный ветер. Облака пыли сокращают видимость до сотни-другой метров. Пыль лезет в горло, дышать трудно, мучает кашель, капюшон штормовки не спасает. Проходит час, проходит другой — все та же жара, все тот же ветер, все та же пыль. К счастью, кончается день.

Часов в семь ущелье вывело нас в широкую ровную долину. Вся она распахана, тут и там селения. Еле-еле видно дальний склон долины. Остановились на ночлег в первом же селении. Десяток жилых домов, рядом с ними на склоне монастырь — окрашенное в красный цвет двухэтажное глинобитное здание. Высота 4000 метров.

Несколько минут ожидания, потом команда: ночуем в крайнем доме. Лошадей заводим во двор, отдаем хозяевам. Нас помещают в молитвенном помещении. Такие комнаты есть в каждом доме. Множество чаш из латуни с какой-то прозрачной жидкостью — святая вода? В четырех сосудах с маслом плавают фитили и горит огонек. Огонь поддерживают неугасимо. Стены глиняные, оштукатуренные, расписаны религиозными сюжетами. Висят маски будд, в шкафу из полированного дерева за стеклян-

ными дверцами несколько статуэток. Они называются «цаца» — так вот откуда это сочное название! На потолочной балке навешено множество почти одинаковых флажков с изображением сидящей женщины. Однако окраска тела разная — белая, черная, красная, коричневая, желтая, и несколько отличающиеся одна от другой виньетки.

В молитвенном помещении нельзя курить, нельзя трогать вещи и разводить огонь. Опасаясь печально обидеть хозяев, нарушив какой-нибудь неизвестный нам обычай, переходим в соседнюю комнату.

Еду повар альпинистской группы варит плохую, малопитательную, и нам приходится худо. Перед концом дня готовы отгрызть уши у лошади, чтобы хоть чего-нибудь пожевать.

6 ноября. Древняя столица Тибета

В путь вышли в половине десятого. Под безоблачным небом идем по долине, уходящей в направлении на юго-юго-восток. Далеко впереди верховья долины замыкает пологая вершина с вечными снегами на северо-восточной стороне вершинного гребня.

Часа в три дня справа по ходу на холме показалась пятиглавая постройка — неужели христианская церковка? Уж слишком это неподходяще для Тибета. На всякий случай снял ее телевизором, хотя все равно слишком далеко. Пока возился с фотоаппаратом, сидя за придорожной изгородью, был предметом пристального внимания молодых солдат конвоя. Каждое мое движение они встречали дружным смехом.

После краткой остановки вновь трогаемся в путь. Почти сразу приходится перебредать неглубокую речку. Она всего по циклолетку, однако пешим приходится разуваться, чтобы не мочить обувь.

Когда закончили переправу, далеко впереди показалась какал-то большая постройка. Выглядит она необычно: у нее почти вертикальные высокие стены. Это отходит от традиционных канонів тибетской архитектуры, и кажется, что видишь какое-то современное промышленное здание.

Подъехав ближе, начинаем различать, что постройки имеют золотые крыши с башенками. Слева, через речку, показывается серия больших и богатых чортеней. Всего их девять... Почти сразу за чортенями теснятся множество построек, избегающих от реки высоко вверх по горному склону — целый город.

Постепенно разворачивается панорама города. Она сказочно красива. Дома построены на разных уровнях горного склона. Слияясь один с другим, они создают впечатление одной многоэтажной постройки, поражающей высотой и размерами. По мере приближения становятся различимыми отдельные постройки, изогнутые крыши и бесчисленные золотые шпили на них.

Не сходя с лошадей, вертвмся в седлах, пытаюсь заснять город. Здесь я остро пожалел, что взял с собою только черно-белую пленку, опасаясь попортить цветную при транспортировке. Перед нами — древнейшая из столиц Тибета, город Сакья*. В 1275 году юаньский император Хубилай вверил управление Тибетом Пакба-ламе, главе буддийской секты Сакья-ба, сочетав в

* Пен Шули произносил название города «Сача» или «Сачтя».

его руках гражданскую и духовную власть. Сакья была резиденцией Пакба-ламы и его преемников, правивших Тибетом около семидесяти лет. А «завод» с вертикальными стенами и золотой крышей — крупный монастырь и крепость Лхаканг-ченпо, знаменитый редчайшими тибетскими и санскратскими рукописями своей библиотеки. Многие из рукописей имеются только здесь и нигде больше.

Вблизи городские постройки выглядят убого. Бедные, даже ободранные домишки, стены из глины, гряды сохнувшего на крышах кизяка. Правда, все это дома простопародья. Вверху по-прежнему сверкают золотом богатые дома и монастыри. Но уже можно разглядеть, что «золотые» крыши сделаны из черепицы, имеющей желтый цвет, а красный цвет — это естественный цвет здешней глины.

Опять показываются чортени — теперь они видны с другого направления. Один из шпилей сильно покорсился.

— И за чем только смотрит здесь горсовет? — немедленно откликается Толи.

Подходим к дому уездного правительства. Он просторен и внушителен. Те же два этажа, но высоких, и большие застекленные окна. Откуда привезено это стекло?

Нас проводят на второй этаж, в просторный зал. Входит с приветствием тибетский чиновник, прибывший из Шигацзе для организации каравана, приглашает чувствовать себя как дома и располагаться на отдых. Выясняется, что с караваном все в порядке. Здесь грузы передадут караванщикам, нанятым в Сакья. Предупреждают, что жители Сакьи издавна славятся вороватостью, что надо беречь вещи.

Бродим по помещению, разглядывая роспись на стенах, фотографируем ее, пользуясь достаточным освещением: нет еще и четырех. Роспись опять с явным смешением китайского и индийского влияния. В одной из комнат на стене висит цветная литография — групповой портрет Мао Цзэдуна, Джу-Дэ, далай-ламы и панчен-ламы.

Свет быстро меркнет — небо опять затягивается облаками. Мы начинаем — неужели погода портится всерьез? Что же сможем мы увидеть на Эвересте?

Плата за караван — 995 юаней серебром. Караван пойдет с нами до Шекара.

Чиновник составляет документ — расписку, свидетельствующую об уплате за караван. Он пишет, держа лист бумаги на коленях. Оказывается, на коленях пишут вполне сознательно — класть бумагу на стол попросту не полагается, это считалось бы неуважением к тибетскому языку, на котором написаны священные тексты. Ну и дела! Вместо печати он прикладывает свой палец, смочив его чернилами.

Приходит группа караванщиков. Приносят большой деревянный поднос, на него кладут рубаху одного из тибетцев и, быстро пересчитав серебро, перекладывают туда. Занятно они считают монеты. Старший пересчитал два столбика по 20 юаней — самый низкий и самый высокий, сравнил их с высотой остальных столбиков — и дело с концом.

Внезапно дошло, почему возникает ощущение сказочности какадый раз, как сталкиваемся с чем-нибудь самобытно-тибетским: живое средневековье в 1958 году!.. А вместо фантастической ма-

шим времени у нас для путешествия по средним векам вполне реальные простецкие коняги со свастиками на лбу...

7 ноября. Видим Эверест

Выход задерживается в связи со сменой каравана.

Часов в восемь утра выхожу на крышу дома — превосходное место — плоская крыша тибетского дома! — и при боковом утреннем освещении снова разглядываю город и монастырь. Небо ясное, безветренно. Медленно светлеет восток, первые лучи солнца освещают город, давая резкие тени, придавая объемность панораме, оживляя яркую красоту древнего города. Удивительная сила таланта тибетских зодчих, их умение использовать рельеф, краски и пропорции, способность при более чем скромных технических средствах создавать зрительные эффекты такого мощного психологического воздействия...

Наконец в десять утра — снова в путь.

От монастыря к городу тянется что-то длинное — мост не мост, стена не стена, а на этом сооружении сбоку, на уровне глаз, вмазаны камни с высеченными на них текстами. Подобные стены есть в каждом тибетском селении. На камнях высечены слова священной молитвы буддистов: «Ом мани падме хум. Ом мани падме хум. Ом мани...» Слова эти повторяются бесконечно. Стены полагаются обходить утром по часовой стрелке и прочитывать от корки до корки. Поразительная забота, с которой они содержатся, особенно если учесть, что подавляющая часть населения неграмотна...

Немного за полдень достигаем перевала Чушу (высота по anerоиду 4750 м). Появляются редкие облачка. Пологий подъем плавно выводит на широкую плоскую седловину. Сый Дин дремлет, покачиваясь в седле. Тропа проходит мимо традиционного холмика из камней, скопившихся веками на высшей точке — проходя перевал, полагается добавить в эту кучу по камешку или воткнуть ветку с молитвенным флажком.

Впереди, за грядями холмов, сквозь дымку светлыми теньями проступают очертания громадных снежных гор.

Чем больше вглядываюсь, тем сильнее впечатление, что вершины чем-то очень знакомы. Лошадь делает еще несколько неторопливых шагов. Солдаты головного отделения начинают спуск с перевальной седловины по пологому склону, засыпанному обломками камней. Лошадь нагибает голову, щиплет траву. Продолжаю вглядываться. Вначале робко и неуверенно, потом все отчетливей вызревает мысль, которая затем овладевает всем моим существом.

— Ведь это же... Это же Эверест! Самая правая вершина — Эверест!

В памяти встают фотографии и карты, над которыми склонялся годами... На нас смотрит Северное ребро, седловина, что левее — Южное седло, вершина слева от седловины — Лхо-тзе, верхушка хребта, едва выглядывающая из-за холмов, — Нуп-тзе, а острая вершина далеко слева от этой группы — Макалу!

Здравствуй, Эверест, здравствуй, Джомолунгма! Вот мы и увиделись с тобой наяву, вершина моей мечты. И ты, по тибетскому обычаю, приветствуешь нас белым облачным хатом. Спасибо, Джомолунгма! Мы шли к тебе с края света, и мы увиделись с тобой

седьмого ноября. Мы не забудем теперь ни облачного хата, которое так близко и священно для тебя, ни этой даты, что священна для нас...

Кто сердцем, кто разумом постигая свершившееся, один за другим прекращаем движение. Караван останавливается. Неодоимые солдат — для отдыха не подходит ни время, ни место — сменяется улыбками, когда они узнают, что впереди — Джомолунгма.

Спешиваемся, достаем бинокли и фотоаппараты. Левая грань ребра положе правой, по которой делались все попытки подъема с севера. Однако детали строения склонов неразличимы. Очень жаль — с нашего направления вершину, кажется, еще никто из альпинистов не наблюдал. А ведь левая грань защищена гребнем от страшного западного ветра — там теплее. Но насколько удобно там идти?

Как бы там ни было, наша цель уже видна, и всеми овладевает чувство глубокой радости.

8 ноября

Идем на юго-запад по течению реки. Небо ясное, ветра нет, ласково греет солнышко. Кругом луга, пашни, очень много ручьев — места по тибетским меркам благодатные, хотя, конечно, никакого сравнения с зеленым Подмосковьем. Долина густо заселена. Повсюду селения, повсюду пасутся стада овец, яков. А по убранным полям солидно и неторопливо похаживают журавли. Эх, куда занесло их, сердешных! Спустили нескольких зайцев. Они очень пугливы и улепетывают, не подпуская близко. Зайца тибетцы считают очень мудрым — не за это ли качество? Еще преодолеваем охотничий азарт. Такого обилия дичи никому из нас раньше видеть не приходилось. Заповеди буддизма превратили Тибет в громадный заповедник.

Часов в двенадцать далеко слева был виден оригинальный монастырь, точнее, его крыши. Множество серо-серебристых башенок такой же формы, как китайские «домны» в Синьне. Башенки кажутся стоящими прямо на склоне холма.

Все порядком устали. Медленно бредет караван, увязая в песке, лавируя среди кочек, заросших какими-то колючими кустиками типично пустынного вида. Этих кочек множество. Ветер переметает песок. Встретив кустик, песок отлагается в ветвях, задерживается. Борясь за жизнь, кустик прорастает через песок, и так год за годом постепенно образуется большая кочка. Она кажется такой мягкой, так манит присесть на нее. Однако делать эту оплошность дважды не станешь: это то же самое, что усестись на ежа... Всюду, куда ни посмотри, — песок, пустынная колючка, обточенные песчаными бурями голыши.

Неожиданно среди моря песка показывается небольшое ярко-зеленое пятно: теплый источник выбивается из-под земли, неся с собой жизнь. Яркая зелень травы кажется перереальной — мы успели от нее отвыкнуть.

Источник обнесен невысокой каменной кладкой. Она задерживает воду, образуя как бы большую ванну. Солдаты затеяли мыть головы и ноги, радуюсь даровой бане. Мы присоединились тоже. Караван здесь как-то разбился на маленькие группы, идущие

щие разрозненно, и растянулся километра на полтора. С мытьем мы отстали от конвоя, вызвав небольшую панику...

Около источника тропа круто повернула, и мы идем теперь на северо-запад. Вечереет. Немного не доходя до очередного перевала, остановились на ночлег. Высота по anerоиду 4050 метров, время 19 часов, температура восемь градусов тепла. Облаков нет.

Около десяти вечера путешествие приобретает дополнительную пикантность. Пен Шули сообщает, что принята радиограмма из Шигапзе. Вооруженный отряд мятежников, численность которого точно неизвестна, располагающий двумястами лошадей и тремя сотнями яков и ишаков, движется вслед за нами в направлении на Сакья-Тингри. Это — остатки большой группы, разгромленной восточнее Лхасы. Во главе группы остался ее прежний руководитель, бывший китайский кадровый работник. Отряд располагает радиостанцией. Ранее он ставил себе исключительно политические цели, какие намерения у отряда сейчас — неизвестно. Нас всех призывают к бдительности. Под горячую руку солдаты, затеявшие мытье у источника, получают выговор. Командование конвоя решило ускорить темп движения и продвигнуться в места, более удобные для обороны... Евгений Адрпанович, включившись в обсуждение, — офицеры почуют рядом с нами — вполне серьезно и солидно дает советы командованию конвоя, как лучше действовать, пересыпая их рассказами о своих подвигах во время войны...

9 ноября

Поеживаясь от мороза, нацепив на себя все теплое, выходим в половине десятого. Объявлен порядок движения: ни в коем случае не перегонять конвой и не отставать от него, по красной ракете спешиваться и укрываться от обстрела...

От почевки идем в направлении на перевальную седловину в землистом хребте. Начинаем подъем. Лошаденки слабые и часто останавливаются. На перевал ведем их в поводу, при спуске тоже. Мы придерживаемся тибетской поговорки: «Конь, который не может поднять тебя на перевал, не конь, а мужчина, который едет верхом с горы, не мужчина».

В 12.30 мы на перевале Чау-ла, высота по anerоиду 4750 метров. Отсюда опять видна группа Эвереста, теперь она заметно ближе, но опять не видно деталей.

Сразу после перевала расположена широкая котловина с плоским дном. Справа от дороги в ней довольно большое мелководное озеро Чау-сий-цо, размером на глаз что-нибудь 3×2 километра. Похоже, что оно — рудимент некогда огромного озера, занимавшего всю котловину. Озеро только совсем недавно отделилось от протекающей рядом реки Пуин-чу, пропильшей хребет слева от перевала Чау-ла. Перемычка между рекой и озером едва заметна, песок еще не успел покрыться травами, как вся остальная часть котловины.

Вода в озере, вероятно, слегка солоноватая — видны выпоты соли на берегах, но лошади охотно ее пьют. Здесь пропасть водоплавающих птиц. Ясно видели уток, на этот раз белых с черными краями крыльев, и больших голенастых птиц розовато-белого цвета, возможно, фламинго. Эти стояли далеко от нас на

мелководье. Ляда на озере не было. Посреди озера — остров, своими очертаниями удивительно напоминающий военный корабль...

В семь часов остановился на ночевку в небольшом селении на высоте 4050 метров. До Шекара остался один перевал. Самый хороший дом в селении — монастырь. На его плоской крыше толпятся ламы. Рядом небольшое, явно искусственное болотце со скошенной травой, размером сотни в две метров. В нем, когда пригляделись, масса матерых красных уток. Монахи содержат болотце в порядке, как место для подкормки диких уток. Утки подпускают на несколько шагов, а потом медленно и важно отходят, часто даже не пытаясь взлететь...

10 ноября. Шекар

Каждое утро, покидая отведенный для постоя домишко, видим одну и ту же картину. Пока выйдут караван, чуть ли не все население поселка, и стар, и млад, и ламы, и простолюдины, прихватив ребятшек, собираются вокруг и с простодушным любопытством смотрят на сборы.

Казалось бы, пора привыкнуть?

Но привычки не создается. Каждый раз ранит и вновь бережит душу эта ежедневная демонстрация повсеместной, поголовной, потрясающей бедности. Сегодня это чувство в особенности сильно. Так убоги в этом селении облупленные, полуразвалившиеся глинобитные лачуги. На всех без исключения людях — ветхая, выгоревшая, истрепавшаяся, чиненая-перечиненая одежда из овчины и домотканого сукна — заплатка на заплате. Истощенные, болезненные, преждевременно состарившиеся лица. И масса детей — на руках, на плечах, привязанных за спиной под халатами. Тройка карапузов, мал мала меньше, выпитив вадутые животы — голышом на утреннем морозе, — топают кривыми ногами, взобрались на кучу мусора, чтобы лучше видеть. И так ласково и внимательно люди к детям, с такими ясными улыбками слушают их лепет...

С искусственного болотца долетает сытое криканье красных уток...

Слов нет, похвальна подчеркнутая забота монахов о диких утках и о прочей дикой живности. Но люди, с их лачугами, с их лохмотьями, с их неустроенным бытом — их-то здесь считают за живые существа?

В полдень прошли мимо пяти уступчатых глиняных пирамид, окрашенных известью. Посреди долины высится большая, высотой метров в шесть, пирамида, а вокруг нее, образуя крест, еще четыре, поменьше размером. Назначение пирамид осталось неизвестным.

Часа в четыре дня направо по ходу отъезжается широкая поперечная долина — она ведет в Шекар, где предполагается сегодняшняя ночевка.

Шекар виден издалека благодаря своеобразному расположению его монастыря. На стоящей одиноко острокопечной горюшке, возвышающейся на несколько сотен метров над долиной, от самого подножия выстроены высокие прочные стены с боевыми башнями и бойницами. Стены эти смыкаются на вершине. Внутри пространства, огороженного стенами, в ложбине над высокими кру-

тыми обрывами теснятся белые многоэтажные строения монастыря. Пройти в него можно только по узкой тропе, вырубленной на скальном отвесе, к тому же сквозь несколько внушительных боевых башен. Ого! Святые отцы неплохо разбираются в фортификации и не жалея труда, чтобы преградить доступ к своим святыням. Таких мощных оборонительных сооружений мы еще не видели. Похоже, что паломникам, желающим во что бы то ни стало посетить монастырь, надо сколачивать осадную армию...

Впрочем, монахи Шекара заботятся отнюдь не о буддийских святынях. Моральные принципы буддизма здесь только для отвода глаз, в народе же властители Шекара известным тем, что в течение нескольких веков совмещают святые дела со спекуляцией золотом, на попрание спекуляции не имеют себе равных, по крайней мере, в Тибете... Россыпи и выходы коренных золотоносных пород довольно часты в Тибете. Однако ламы из Шекара не угруждают себя организацией их разработки. Есть более верные средства приобрести дешево: использовать неурожай, падеж скота, голод, болезнь... Дело приносит верный и немалый доход, и, не желая рисковать потерей добычи, святые отцы превратили монастырь в крепость...

«Сердца их чернее угля и тверже камня», — говорит народная тибетская поговорка.

Передвигаемся все ближе к Шекару по тропе, идущей вдоль реки. Потянулись обработанные поля, пересеченные оросительными каналами. Урожай уже убран. Панорама Шекара к этому времени развернулась полностью. Можно в деталях рассмотреть городок, теснящийся у подножия монастырской горы-крепости. Дома в городе в большинстве глинобитные, очень бедные, выходят на улицы глухими стенами. Улочки узкие, едва разойдутся две навьюченные лошади. Затеяливо льются они, без всякого видимого плана. Слева от города за глинобитной стеной богатая усадьба какого-то шекарского начальства, окруженная роскошным парком.

К городу подошли в шесть часов вечера. Высота по anerонду 4200 метров, температура 12 градусов тепла.

Шекар — уездный центр Переднего Тибета. Поэтому, опасаясь недружественных выступлений, опять, как в Сакья, пулеметчики занимают огневые позиции, опять посылается отряд для прочесывания города.

В Шекаре, как и во всяком уездном центре, полагается иметь лошадей. Сюй Дин отправляется с переводчиком разговаривать с властями. Возвращается он в восемь вечера, явно расстроенный, и сообщает, что вследствие усталости конвоя завтра будет дневка. Мы проведем ее, не выходя из дома.

Окончание на стр. 129

ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ

*(Рассказ о путешествии)**Окончание. Начало на стр. 56*

11 ноября. Дневка в Шекаре

Следующий день начался драматически: внезапно послышался сигнал горна. Китайцы, ранее почти все участвовавшие в боях с чанкайшистами, узнали гоминьдановский сигнал тревоги. Тут же голосом был подан сигнал тревоги и у нас. Солдаты бросили варить еду, схватили личное оружие, потащили пулеметы на огневые позиции, приготовились к бою... Между тем наблюдатели доносили, что на городскую площадь собираются солдаты местного гарнизона войска далай-ламы. Минут через сорок — через час их набралось человек восемьдесят. Подходили понемножку, вразвалочку. Вооружены чем попало — старые, неоднотипные винтовки, чуть ли не кремневые, у одного американский автомат, у некоторых пики и сабли. Пулеметов нет, минометов и гранат нет... По мере того, как разворачивалась эта картина, лица у военных светлели, они заулыбались. Тибетские солдаты построились и начали маршировать. Одновременно поднялся хохот среди солдат конвой — строевая подготовка оказалась никудышной... Военный парад явно способствовал разрядке несколько нервного напряжения, в котором находился отряд с момента получения известия о движении вслед нам вооруженной группы.

В 14 часов поднялся сильный ветер с юго-запада, гонит по долине тучи пыли. Безоблачно. Наши тибетцы и проводник играют в кости. Два кубика с очками помещают в деревянную чашку, похожую на пиалу, встряхивают и, сильно взмахнув, ударяют по мягкой подушечке, обшитой кожей, не давая при взмахе костям выпасть. Потом считают очки. Игроки в страшном азарте.

Я внимательно разглядел одежду караванщиков, сидящих рядом. Основу одежды составляет длинный халат — чуба, — сшитый из домотканой шерстяной материи или из овчины. Полы чубы доходили бы до щиколоток, но ее подпоясывают, подняв полы до колен. Над поясом образуется большой напуск. Этот напуск выполняет роль кармапов и рюкзака одновременно — в нем хранятся вещи первой необходимости: мешочек с цзамбой, чашка, из которой пьют чай и едят цзамбу, табак, зажигалка. Чубу надевают либо на голое тело, либо чаще на рубаху, сшитую из ма-

терии потоньше. Штаны из овчины мехом внутрь или из плотной материи. На поясе поверх брюк на крепкой тесьме-поясе привязан большой кожаный кошель, в котором хранят металлические деньги. На ногах сапоги с толстой подошвой. Она сшита из шерстяной нитки. Голенища сапог сзади разрезаны. Штаны заправляют в сапоги, и, чтобы голенища не спадали, под коленкой сапоги подвязаны шерстяной цветастой тесьмой. Никаких носков или портянок не употребляют — в сапог кладут для мягкости пучок сухой травы или соломы. За голенище заткнут нож с крепким большим лезвием, не столько оружие, сколько инструмент. Чаще всего ножи из Шеффилда или Золингена. Голова часто ничем не покрыта, тогда видны волосы, черные, спутанные, грязные, заплетенные в две косы, обернутые вокруг головы. Короткая стрижка волос встречается, но не часто. Иногда на голове меховая шапка, украшенная «золотым» шитьем. Она имеет спереди козырек, который можно приспосабливать так, чтобы загородить глаза от солнца. Часто носят темные очки, чтобы уберечь глаза от пыли и яркого солнца. Правый рукав чаще всего сброшен, открывая тело. Этот старинный обычай, освященный традицией, очевидно, помогает регулировать температуру тела — в холодное время, утром, чубу надевают в оба рукава.

Все страшно грязно — не моются по году. Бытует поверье, что тот, кто моется, лишь открывает болезням дорогу внутрь себя. Вначале это производило на нас отталкивающее впечатление. Но постепенно мы на собственном опыте убеждаемся в том, что в существующих условиях мыться, по существу, некогда или нелегко. Утром отрицательные температуры, руки покрыты корочкой льда, а других источников воды нет. На таком холоде не становишь особенно размышлять. Днем, когда тепло, обычно поднимается сильный ветер. Он гонит клубы пыли, и в это время умываться бессмысленно. К вечеру, когда ветер стихает, опять становится холодно. Уже в Шекаре мы с некоторым удивлением поймали себя на том, что в последнее время умываемся не каждый день... Так же, как караванчики, выглядят почти все тибетцы.

Цен Шули сообщает, что нанят караван на этап пути до Тингри (он произносит: Типжи). Опять оплата серебром.

На крыше дома непременно дежурит отделение солдат и стоит заряженный пулемет.

В 20 часов на крыше, на высоте роста, нормальный замер дал +5°C. Дом расположен на склоне горы, врезан в него, возвышаясь над склоном метра на два.

К вечеру получен ответ из Шигаце на радиозапрос — нельзя ли, начиная с Тингри, уменьшить конвой. Сказано категорически «нет» и дано обоснование. Обстановка сейчас осложнилась. Две вооруженные группы активно действуют в районах работы экспедиции...

По нашему настоянию питание всех участников альпинистской разведки будет с завтрашнего дня улучшено. Мы опасаемся, что народ ослабеет и не будет в состоянии ходить в горы.

СЕРДЦЕ ГИМАЛАЕВ

*«Паучились ли вы радоваться препятствиям?»
Надпись на одном из тибетских
перевалов*

*«Путник, помни: ты здесь — как слеза на рес-
нице».*

*Поговорка памирских
таджиков*

13 ноября. Тингри

От Цагу до Тингри предполагается долгий переход. Собирались в дорогу и выючили караван в темноте, с фонариками. Вышли в семь часов. Почти совсем темно, полоска тропы едва заметна. Беззвучно, безмолвно движется колонна, словно целочка тенью перемещается в предрассветной тиши. Основным ориентиром служат контуры бесснежного хребта, что громоздится слева и загораживает часть звезд на небе. Вполне рассвело к половине девятого. Температура продолжала падать и к девяти часам достигла минимума — четырнадцати градусов мороза.

При переправе через ручей недалеке от этого селения навстрочу попадаются караван. Его сопровождает высокий молодой человек с гордой осанкой. За плечами у него винтовка, в дуло воткнут султан из красноватой шерсти. Как-то очень он не похож на забитых тибетцев, встречавшихся нам в уездах Переднего Тибета. Не меньшее удивление вызывают украшения на ишаках. На шею каждого надето нечто вроде ошейника, к которому прикреплены пустотелые ярко начищенные латунные шары. В шарах что-то перекатывается и позванивает при каждом шаге. К нижней части ошейника привязана большая кисть из шерсти, окрашенной в красноватый цвет. Такие же, но меньшего размера кисти повязаны повсеместно на всей упряжи. Везде, где только можно, к сбруе прикреплены начищенные латунные блинчики. На выюке переднего ишака укреплено знамя — государствен- ный флаг Непала. Толя Ковырьков, разглядев все это великоле- пие, закатывается хохотом. Несколько отдышавшись, он заявляет, что неплохо бы войти с ходатайством о награждении подобными ук- рашениями спортсменов-рекордсменов. Вот было бы разговоров!.

Между тем караван, пересекая луг, к трем часам подошел к большому селению. Это — Тингри. Его высота по альтиметру 4250 метров оказалась несколько меньше, чем указано на карте.

Тингри — нечто вроде перевалочного пункта для торговли с Непалом. До границы, до перевала Нангпа-ла, рукой подать. — из Тингри до ближайшего селения в Непале один переход. Граница здесь открытая, для ее перехода не требуется паспортов. На лугу пасется масса караванных животных — яки, лошади, ишаки, мулы. Штабелями сложены грузы. Выюки с товарами почти все обшиты свежими шкурами. Прямо на улицах, на земле, разложено добро и плет торговля всякими нелегальными товарами.

При въезде в Тингри опять собралась толпа любопытных. Одеж- да тибетцев носит здесь явные следы европейского влияния — на молодых людях тенниски, куртки на «молниях», темные очки для защиты от солнца. В толпе двое молодых мужчин спортивного вида, одетых в альпинистские костюмы. Очевидно, они из Непа-

ла. Я снял одного из них — уж очень мне понравилось открытое выражение лица.

Нашему отряду отвели на постой дом богатого купца. В доме чисто, удобно, уютно. Кровати покрыты чистыми белыми покрывалами, подушки в белых наволочках. Невольно оглядываем себя — мы настолько грязны, что впору сидеть на полу, не прикасаясь к окружающим нас чистым вещам, — укатали нас сивки на тибетских горках. Видимо, поняв наше затруднение, хозяева накрывают темным ковром сундучок у окна, придвигают к нему стол, жестами приглашают садиться...

В комнате, где почуем, — письменный стол, на нем бумага, счета, чернила для автоматической ручки и несколько авторучек фирмы «Паркер», лампа с ториевой горелкой, электрические фонари нескольких типов. На стенах множество фотографий хозяина и его семьи, некоторые из них цветные. Висит зеркало, и на самой его середине наклеена этикетка «Сделано в Бельгии». На стене маузер в расшитой кобуре, в темной кладовушке за дверью — вилтовки, патронташи с патронами к ним: хозяин сам заботится об охране товаров. В доме деревянные пол и потолок, что нам до сих пор в тибетских домах не встречалось. В окна вставлены стекла. В углу комнаты сложены штабелем стальные выючные чемоданы.

Наш хозяин носит длинные косы и большую серьгу из бирюзы в левом ухе; хозяйка острижена коротко.

Угощают чаем — кипяток из термоса, зеленый чай в красочной коробке, конфеты. И все из рук красивой, слегка полноватой и, о боже, чистой хозяйки, кокетливой, хорошо одетой!..

Но нам не сидится в доме, хочется как следует наглядеться на великолепную панораму Гималаев.

Взор невольно останавливается на массиве Чо-Ойю — Гьячунг-Канг. Он ближе всего, он перед глазами. Светлой тенью вздымается над широким плоским лугом громадный массив. На четыре километра возвышается он над лугом — холодный, заснеженный, затененный. Он нигде не освещен солнцем. Ровной линией тянется гребень стены, почти не имея понижений между Чо-Ойю — пиком 7839 и Гьячунг-Кангом.

Высока стена Чо-Ойю — Гьячунг-Канг — восемь километров, шутка ли! Однако она закрывает лишь подножие Эвереста, но не в состоянии закрыть его вершину. Как пик 7181 мал в сравнении с Чо-Ойю, так массив Чо-Ойю мал в сравнении с Эверестом. Четко вырисовывается на фоне неба сверкающая вершина Эвереста, видна часть северо-восточного гребня, желтые скалы и верхняя часть Большого кулуара. Большой кулуар все время в тени. Однако деталей рельефа не видно даже в самые сильные бинокли. Самое большее, что можно разглядеть сейчас, — лишь подступы из Тингри к перевалу Ламу в поперечном хребте, что отделяет нас от ущелья Ронг-чу, в верховьях которого залегает ледник Ронгбук. Путь из Тингри на перевал идет по восточной стороне плоского луга, вверх по речке и далее — по ущелью, пролегающему с запада на восток между снежными хребтами, тяготеющими к Гьячунг-Кангу, и бесснежными хребтами на север от них.

На запад от перевала Нангпа-ла новая группа снежных вершин, ярко освещенных солнцем. На глаз они невысоки, большинство вряд ли превышает по высоте семь километров, но их мно-

жество! Для альпинистского освоения западной группы вершин нужно несколько лет работы сильного коллектива.

Спать улеглись как обычно, расстелив «противоинфитную пакидку» и спальные мешки на полу.

С утра торчим на крыше. Это не только желание полюбоваться тем, как под первыми лучами солнца в предзакатной мгле загораются снежные вершины и переливаются теплыми оранжевыми тонами. Есть и более прозаические соображения: хочется понаблюдать, в какое время дня освещены солнцем склоны вершин. Те, кто бывал высоко в горах, знают, какой пронизывающий холод царит там до прихода солнца.

И вчера, и сегодня мы с небольшими перерывами снимаем панорамы. Это дало возможность заснять все вершины при всех возможных типах освещения. Чувствуется, что телеобъективы 13,5 сантиметра здесь недостаточны. Очень подошли бы объективы с увеличением порядка десяти или выше: съемки издали могут дать превосходные материалы, без искажения перспективы из-за наклона камеры.

Спускаемся с крыши в дом. Там тоже происходят интересные вещи. В комнату к Сюй Дину — маленькую и тесную, так что не повернуться, — пришел торговец, привез продавать высокогорные утепленные ботинки на либре, примус и пуховую куртку. Торговец что-то горячо говорил, показывал на товар, и то и дело выбрасывал кулак, отставив большой палец вверх. Кинди-Танзен переводил его слова на китайский, а потом, осматривая вещи и заметив изъян — масляное пятно на куртке, — тыкал пальцем в изъян и повторял почти тот же жест, но только отставлял мизинец, цокая языком и укоризненно качая головой. Сценка была понятна без слов. Я проверил через Пен Шули: в самом деле, поднятый вверх большой палец означает здесь «хорошо», мизинец — «плохо». Кто же изобрел, а кто заимствовал этот жест? С теплыми вещами у нас туго, и Сюй Дин купил ботинки и куртку.

В половине первого мы опять были на крыше — как раз вовремя, чтобы увидеть двухмоторный самолет над западной группой вершин. Он пришел со стороны Непала — Индии и удалялся туда же, оставив ясно видимые полосы конденсации. То же самое видели китайцы вчера.

Между делом осматриваем с крыши поселок. Внимание привлечено тем, что в Тингри нет монастырей, по крайней мере, крупных. Мы так и не поняли, в чем тут дело — в близости границы или в том, что ламы не уживаются с торговцами. Зато полно воронов. Повсюду сидят они, черные, гладкие, зловеще спокойные, внимательно осматривают кругом. Так и кажется, что черные могильщики приглядываются к каждому, еще живому: скоро ли кончишь ты свой путь, скоро ли попадешь на закуску?

15 ноября. На перевал Ламу

В семь утра температура минус 13 градусов. В девять часов покидаем селение. Безоблачно, слабый ветерок. Над главным хребтом — полупрозрачные очень высокие облака.

Местность голая, унылая, хотя даже на самом перевале есть земля и растет мелкая травка, сейчас вся иссохшая. Лошади собирают ее с жадностью. Прокладка дороги на перевал, по-види-

мому, особых трудностей не представит — подъем плавный, пологий, широкий, так что, наверно, нетрудно будет заложить серпантин.

В 16.30 прошли перевал Ламу. Высота его по anerоиду 5150 метров. Сразу же начали спуск в долину Ронг-чу: на перевале сильный ветер.

На почлег остановились в 17 часов, несколько спустившись с перевала, на высоте 4825 метров, около небольшого ручейка. Похоже, что здесь часто ночуют: видны следы костров, сложены стенки из камней для защиты от ветра. Караван подошел в 18.15, за восемь часов движения отстал на час с четвертью. Сразу же измерил температуру: $+0,5^{\circ}\text{C}$, солнце село около часа назад, зайдя за окрестные горы.

Ночевку организовали в палатках, испытывая при этом радостное чувство возвращения к привычным условиям существования. Замерил разницу температур внутри и вне палатки. Она составляет около шести градусов. Караванщики располагаются спать, укрываясь от ветра за стенками из камней или из вьюков. Спят они в той же одежде, что надета на них днем — никаких других средств утепления у них нет. Военные ставят кониковую палатку. Им приходится трудно — палатка большая, тяжелая, и даже слабый ветер рвет ее из рук. Ставить палатку приходилось, похоже, только старшему лейтенанту и капитану — солдаты осваивали эту науку впервые. С нашим участием дело наладилось.

Сразу же после этого всей компанией беремся за заготовку «дров». Вырываем руками прямо с корнем какие-то мелкие кустики, крушим их ледорубами — повару не на чем согреть воду...

16 ноября. Ущелье Ронг-чу

В 6.45 внутри палатки плюс четыре, вне палатки минус два градуса. С перевала дует теплый ветер, давление упало — высота по альтиметру сейчас на 25 метров больше, чем вчера вечером.

В 8.45 выходим с бивака. Спуск с перевала заметно круче подъема. Тропа идет вдоль оврага с крутыми стенками, промытого внешними водами.

После спуска с перевала поворот направо в первую же долину. Это и есть долина Ронг-чу. Вначале песчаные берега, потом тропа переходит на гальку. Толщина слоя гальки, судя по высоте берегов, колоссальная. По дну долины течет маленький ручей. Ширина его от силы метра полтора. Выглядит это пелено, песолидно: ледники высочайшей вершины мира дают начало ручейку шириной метра в полтора.

Через некоторое время тропа подымается на правую береговую террасу. Слева по ходу от тропы показывается богатый жилой дом, стоящий в веселом ущелье с травкой и ручейком. Дом похож на загородную дачу. Впоследствии выяснилось, что так и есть: это монастырь отдыха, принадлежащий храму в Ронгбуке. Пен Шули великий мастер находить при переводе словечки, приводящие в восторг точностью смысла и необычностью звучания: «посещательная делегация», «драматический театр», «монастырь отдыха».

По дороге встретили двух закутанных в тряпье монашек — собирают кизяк...

Наконец-то — свершилось!

С гребня одной из моренных гряд видны массив Эвереста, Чанг-тзе, цирк главного Ронгбукского ледника, вход в ущелье восточного Ронгбука — словом, все!

Я был счастлив: сбылась заветная мечта — увидеть Эверест, увидеть Ронгбук! Не слыша призывов наших друзей соблюдать бдительность, заботиться о безопасности, нещадно погоняя удивленных коняг, мы трое чуть ли не вскачь разъезжаем по моренным грядкам и смотрим, смотрим, смотрим... Это окрыляющее, ослепительное чувство, это счастье сбывшейся мечты надо хоть раз пережить каждому. Как оно очищает душу, какие силы оно дает! Люди называют его по-разному: борец — счастье победы, ученый или артист — радость творчества, все люди — счастье сбывшейся мечты, — но основа его едина. Как прекрасен был бы мир, если бы всем удавалось пронести через жизнь это душевное состояние! Альпинисты, эти пожилые чудачки, отзываются на детские имена Витя, Вова, Коля, Саша, Яша, которые каждое лето променявают солнечное тепло на леденящий холод вечных снегов, не так уж нелепы, как кажется со стороны. Просто они нашли безотказный способ часто переживать это восхитительное чувство — радость победы, радость творчества, счастье сбывшейся мечты...

С каждым поворотом тропы вершина все ближе, все полнее открывается ее подножие. Наконец, показывается чортень Ронгбукского монастыря. Шиль чортеня, высокий, золоченый, на белом основании, ни дать ни взять — высоковольтный изолятор — горит на солнце, проецируясь на склоны Эвереста.

У монастыря остановка на час-полтора. Из монастыря выходят ламы. Двое из них принимают заворачивать монастырские молитвенные барабаны, как бы желая показать, что свое дело они знают и даром хлеба не едят. А может быть, так и полагается встречать путников... К богу летят направленным пучком бесчисленные буддийские молитвы — в барабанах запрессованы отпечатанные на тонкой бумаге миллионы текстов молитв, и каждый оборот барабана эквивалентен произнесению их вслух...

Сюй Дин, начальник охраны и переводчик сходят с лошадей и направляются к группе монахов. А мы, чтобы не усложнять разговора — Пен Шули все нам расскажет потом, оставив лошадей, достаем фотоаппараты и бинокли, бродим около монастыря, разглядываем и фотографируем склоны, ледник, тропы... К великому удивлению, фотосхема с разметкой путей по северному склону Эвереста, опубликованная чуть ли не в каждой книге о восхождении на Эверест, прекрасно снимается с дороги к монастырю, со дна долины.

Несколько успокоившись, достаем карту и пытаемся разобраться в географии района.

Рядом с монастырем, через дорогу от него, много сложенных из камней домиков, предназначенных, очевидно, для размещения паломников. Сейчас они пусты.

Невдалеке на склонах бродит большое стадо коз. Козы дикие, по совсем не боятся людей, находятся под защитой установленного монастыря.

Сам монастырь представляет собою группу лежащих друг к

другу домов, от больших и красивых до совсем бедных. Похоже, что фасадами дома обращены внутрь монастырского двора. Наружу глядят чаще всего гладкие стены, лишь изредка с окнами или дверями. Главный вход в монастырь рядом с чортенем, немного не доходя до него — большие ворота, ведущие во внутренний двор.

Вун Кин-джав, понимающий свои обязанности врача очень широко, налаживает питание. После короткого отдыха идем дальше.

На небе появляются странной формы и непривычного вида облака. Редкие, полупрозрачные, с ячеистой структурой, они напоминают гигантскую сеть, которую кто-то тащит по небу, чтобы изловить нас...

В 15.15 над Эверестом начало быстро развиваться чечесидеобразное облако. К 16 часам оно стало очень большим. Неужели упустили погоду? Мы сильно попервахивали в это время... С левой стороны облака ветер то и дело отрывает клочья тумана, и они тают в воздухе.

Мы находились уже совсем недалеко от долины Восточного Ронгбука, надеясь добраться до него верхом по террасе. Это сильно облегчило бы организацию нашего базового лагеря. Однако надежды не всегда сбываются. Береговая терраса, постепенно сужавшаяся, кончилась. Мы с Пен Шули спешились и предложили сходить в разведку.

Пройдя вперед и вверх, где виднелась вторая терраса, мы разведали вторую террасу и переход с нее на третью. Однако мы не успели рассмотреть, можно ли провести лошадей с третьей террасы на Восточный Ронгбук. Снизу раздались крики — нас приглашали вернуться. Внизу решили отпраздновать лошадей обратно, а альпинистам спускаться вниз, в карман между береговой мореной и телом ледника Главный Ронгбук, и там дожидаться лошадей, которых предполагалось провести по двум ложины в кармане.

Взяли рюкзаки с палатками и личным снаряжением, начали спуск. Спуск по крутому склону береговой морены, как всегда, только казался простым и легким. Он отнял у нас около трех часов. Солдаты, не имевшие опыта ходьбы в горах, спустились уже в темноте. К счастью, никто не сорвался.

Спуск был весьма неприятен. Я попробовал измерить температуру и сломал ось крыльчатки термометра. Час от часу не легче...

Мы действовали явно неосмотрительно, не организовав предварительной разведки пути выше монастыря. Стало очевидно, что для успеха дальнейшей работы нам пора детально договориться о распределении обязанностей.

Наконец, мы собрались все вместе, нашли место для установки палаток, отыскивали воду в озерке на Главном Ронгбуке, наладили ужины.

Караван к нам так и не прибыл...

17 ноября. Идем к Эвересту

Караван не дошел до нас и к утру. По карману между ледником и береговой мореной весной течет ручей. На две ложины грунт не слеживается, мелкий материал вымывается и уносится.

По непрочно лежащим крупным камням страшно неудобно проводить лошадей.

Сюй Дин дает команду спускаться вниз, чтобы организовать базовый лагерь разведки где-нибудь у языка Главного Ронгбука, в месте, куда могут пойти лошади.

Оставляем на месте почевки свернутые палатки и спальные мешки.

Перескакивая с камня на камень, обдумываю, где лучше прокладывать выючную тропу от языка Главного Ронгбука до Восточного. На верхних береговых террасах остался не пройденным и не просмотренным нами сравнительно небольшой участок пути до Восточного Ронгбука. Имеет смысл разведать его и окончательно выяснить возможность прокладки выючной тропы там. Преимущество верхнего варианта — большая стабильность склона — там нет ручья весной, как внизу, в кармане, где каждую весну дорогу будет размывать. Характер же склонов на береговых террасах вовсе не безнадежный. Сделать переходы с одной террасы на другую можно даже силами нескольких человек с лодорубами. Наиболее серьезным участком может оказаться последний, лежащий в непосредственной близости от Восточного Ронгбука, тот, который мы с Пен Шули не успели просмотреть.

Однако сейчас главное не во выючной тропе. Пока погода еще держится, надо разведывать подъем на Чанг-ла. Тропу можно выбрать всегда.

Оглядываясь назад, видим, что чечевицеобразное облако над Эверестом по-прежнему на месте, даже немного увеличилось.

Выйдя с почевки в 9 часов, мы опустились до языка Главного Ронгбука к 9.35. В горловине лоцины в кармане между ледником и береговым склоном обнаруживаем склад грузов, привезенных, очевидно, вчера вечером. Воды поблизости нет, для лагеря место неудобно. Людей пока нет — только грузы и следы костра из кизяка, наверно, жгли вчера.

Позавтракали и засели планировать альпинистскую разведку.

Беспокоило то, что, по-видимому, до начала непогоды осталось совсем немного времени. Нужно действовать быстро. Между тем вторая группа разведки во главе с Ло Чжишином где-то застряла вместе с основными грузами и снаряжением. Хуже всего у нас с высотной обувью — всего четыре пары «шеклтонов» и две пары утепленных ботинок. Соваться же на Чанг-ла в обычных горных ботинках, рассчитанных на высоты до 4,5—5 тысяч метров, рискованно.

Было ясно, что нужно выкручиваться, не дожидаясь подхода группы Ло Чжишина. Основной вопрос стоял так: сосредоточить ли все силы на пути по Восточному Ронгбуку или разделиться на две группы и осмотреть также и выход на Чанг-ла с запада, с Главного Ронгбукского ледника?

После долгих обсуждений в конце концов нам пришлось согласиться на предложение Сюй Дина: делиться на две группы и осматривать оба варианта пути. Это требовалось инструкциями, полученными им от руководства Всекитайского комитета физкультуры и спорта. Организуем общий промежуточный лагерь у слияния Восточного и Главного Ронгбука. Оттуда на Восточный Ронгбук пойдут восемь человек: Белецкий (руководитель), Ши Дин (заместитель руководителя), Ковырко, Ван Фучжоу, Пен Шули и три носильщика. На Главный Ронгбук пойдут Сюй Дин

(руководитель), Филимонов (заместитель руководителя), Лю Ляньман, Чен Чжунчан, Чжао Гогуан и три носильщика — тоже восемь человек. Задачи группы Восточного Ронгбука будем считать основными и выделям этой группе лучшее снаряжение. Начнем выход сегодня, кончим 25 ноября, а в случае плохой погоды продлим срок до 26—27-го.

Во время совещания к нам подошел снизу доктор Вун Киаджан. Он уже составил набор продуктов на две группы по восемь человек, по 10 килограммов на человека. Сразу же после принятия решения принялись быстро готовить выход, распределяя грузы.

В нашей группе две двуслойные высотные палатки, у каждого — индивидуальный пуховый спальник, мешок, легкие горные ботинки, кошки, ледоруб. На группу немного крючьев, три капроновые веревки, репшнур. Одеты мы тепло — кроме обычных свитеров, теплого белья и штормовок, у альпинистов пуховые, а у солдат и носильщиков — ватные костюмы. Все было бы ничего, но неважно с теплой обувью: «шеклтоны» только у меня, у Сюй Дина утепленные ботинки с подошвой из вибрама, а Лю Ляньман не без остроумия захватил летние унты в качестве «высотной обуви»: кошки к ним не подходят. Беспokoюсь за примусы — примусы той конструкции, что у нас сейчас, никогда не горели хорошо на высотах.

В тот же день, 17 ноября, вышли к Эвересту одновременно обеими группами. Я взглянул на часы. Было 16.45. Далеко мы уйти не сможем.

Мы так устали и издергались за последние дни, что перед выходом надо бы иметь два-три дня отдыха. И в то же время страшно, что упустим погоду. Эх, если бы иметь надежный прогноз!

Мы заснули, едва успев втиснуться в спальные мешки.

18 ноября. Разведка Главного Ронгбука

Встали в 8.30. Ясно, безветренно, морозно. Вода, которую запасли с вечера, промерзла в кастрюлях до дна. Китайские товарищи готовят на примусах роскошный завтрак. Литра два кипятка уходит только на то, чтобы промыть рис и изюм.

С ночевки мы уходим группой в 10 человек. Вот ее состав.

Начальник группы Сюй Дин, 30 лет, Пекин, мастер спорта КНР, сотрудник отдела альпинизма Всекитайского комитета физкультуры.

Чен Чжунчан, 26 лет, из города Сянчан, мастер спорта КНР, участник восхождения на Музтаг-Ата (7546 м) и Конгур-Тюбе-Таг, или Гонгу II (7595 м), совершенного совместной китайско-советской экспедицией 1956 года.

Лю Ляньман, 25 лет, мастер спорта КНР, по профессии пожарный, один из сильнейших альпинистов КНР, участник восхождения 1956 года на Музтаг-Ата (7546 м) и восхождения 1957 года на Гунга-Шань (7595 м). В 1958 году Лю Ляньман участвовал в совместном сборе под пиком Ленина, где я с ним встретился впервые.

Чжао Гогуан, 22 лет, родом из г. Куэнь-мин, студент-геодезист, альпинист-второразрядник и лыжник.

Вспомогательный отряд возглавляет 28-летний Кындын Танзен,

тибетец, лейтенант войск панчен-ламы. Он исполняет в разведке обязанности переводчика с китайского на тибетский. Энергичный, живой и деятельный, он во многом способствовал быстрому продвижению разведки от Шигацзе до Ронгбука, а теперь оперативно управляется с непривычными для него делами горюхосходителя. С ним два тибетца-носильщика: Пубуцири, 35 лет, родом из Шигацзе, и Соне Цира, 24 лет, очень непосредственный, живой и веселый. Соне Цира страшно увлечен всем происходящим. Он успевает принимать участие во всех наших делах и одновременно старательно изучать на слух два языка — китайский и русский. Кроме того, в группе двое молодых солдат: Ху Даван, 19 лет, из Сычуани, и Коум Пу, 22 лет, тоже из Сычуани. Они представляют собою нашу мощную охрану — оба не расстаются с автоматами, висящими у них на шее, и помогают нести груз.

Самый старый в отряде — я, 39 лет не шутка, но пока еще выручает двадцатилетняя привычка абстрагироваться от рюкзака, усвоенная при бессмысленных перетаскиваниях тяжелых грузов на больших высотах, что по шуточной поговорке составляет истинную сущность альпинизма.

Очень трудно без языка. Правда, я знаю слова «хао» и «бу хао». Соне Цира — «спать», «кушать», но в основном мы объясняемся улыбками и жестами.

Наш отряд выходит в 11 часов. Идем, придерживаясь кармана между правобережными осыпями и моренным валом Главного Ронгбука. Ведет отряд Лю Ляньман, я следую непосредственно за ним, чтобы оперативнее воздействовать на ведущего, если это потребуется.

А царство льдов постепенно разворачивается перед нами. Вот уже справа показался полностью цирк ледника Западный Ронгбук. Посредине цирка видна скальная вершина, как бы специально созданная для того, чтобы усесться на ее макушке и, подавляя дрожь восхищения, рассматривать пяток первоклассных вершин, окружающих ее. Правофланговой, как и полагается, стоит в надвинутой несколько набекрень ледовой шапке — самая высокая вершина, которую я заметил еще из лагеря на развилке. За ней, чуть глубже в цирке, вся заснеженная, как под серебристой фатой, расправляет роскошные плечи грозная красавица. Карнизы на ее гребне, подчеркнутые просвечивающими на солнце громадными трещинами, берегут ее покой и девственность. Дальше, к северу, еще три мощные вершины, и каждая где-нибудь у нас на Памире заслуживала бы специальной экспедиции.

А совсем рядом с нами, отделенная полоской поверхностной морены, сказочная страна ледяных башен на Главном Ронгбуке. Ослепительно сверкают белые клыки кальгаспоров, выступающие на десять-пятнадцать метров из серого щебня, усыпанного здесь ледник. Ближе к Эвересту все уже становятся усыпанные камнями коридоры между кальгаспорами и наконец исчезают совсем, только ужасающая щетка остроконечных ледяных глыб, разделенных суживающимися к низу трещинами. Не дай бог бродить здесь, выискивая переход через ледник!

Если смотреть только вперед, только на Эверест, то его размеры и высота не воспринимаются — нет масштаба. Как пухляк спичечная коробка рядом с крохотной моделью корабля, чтобы подчеркнуть ее миниатюрность, так нужны мощные вершины в

Западном цирке или, еще лучше, острый, как карандаш, семитысячник Пумори, чтобы воспринять громадность Эвереста.

В 14 часов мы вышли к повороту правого берега Главного Ронгбука, хорошо заметному на карте Уиллера. Отсюда, с выступа морены, лежащей поверх льда, я сделал несколько серий снимков Чанг-тзе и Эвереста. Собирая потом объективы и прочую фотографическую снасть, обнаружил, что и здесь, на высоте 5500 метров, в закрытых от ветра теплых уголках растет трава. Рядом оказалось несколько ржавых консервных банок. Кто-то здесь уже бывал, и давно. Скорее всего это следы экспедиции Тильмана.

С этого места видны почти в чистый профиль характерные первая и вторая ступени на гребне Эвереста. Эти крутые участки гребня, в особенности вторая ступень, являются важными проблемами штурма Эвереста, и очень хотелось детальнее рассмотреть фактуру скал на них и их крутизну. Однако расстояние слишком велико, чтобы оценить возможность преодоления второй ступени в лоб. Не помог и двенадцатикратный бинокль. Крутизна второй ступени достаточно велика, чтобы искать возможности обхода — либо справа по ходу, как делали англичане, либо, может быть, слева, по невидимой отсюда стороне гребня. Правда, на той стороне снег. На такой высоте он не смерзается и может оказаться мучнистым и сыпучим...

Северный склон гребня около ступеней крут и не освещается солнцем даже днем. Я не знаю, какой крутизне это здесь соответствует.

Над второй ступенью большое снежное поле. Крутизна его при наблюдении в лоб не оценивалась. А жаль, это поле может быть неплохим местом для сброса грузов без парашюта.

Гребень Эвереста, отходящий от вершины вправо, на запад, обрывается на Главный Ронгбук крутой стеной со снежно-ледовыми сбросами. В своей верхней части он значительно сложнее традиционного пути восхождения с Чанг-ла. Поэтому нет резона детально изучать этот вариант пути восхождения.

Я имел возможность рассмотреть склоны Чанг-тзе и Эвереста, выходящие на северную, западную и восточную стороны. Одинаковые по ориентации склоны обеих вершин — те из них, что я видел, — имеют аналогичное строение. Именно наиболее крутые склоны, обрывающиеся на север. Здесь крутые стены и иногда обрывы. Наиболее пологи заснеженные склоны Чанг-тзе, выходящие на восток. Поэтому при подъеме на Эверест с Чанг-ла следует учитывать возможность обхода трудных участков с востока, слева по ходу, по стороне, невидимой с Главного Ронгбука. Здесь окажутся очень ценными те наблюдения, которые, очевидно, смогут произвести участники группы Восточного Ронгбука.

Важно, что снежник выше второй ступени очень мощный. Вполне возможно, что слой снега на нем достаточен даже для пещер, не говоря уже о возможности вырубить в снегу площадки для палаток.

На ночлег остановились в 16.20, немного не дойдя до цирка Чанг-тзе — Эверест. Высота места почевки — по анеронду 5300 метров.

Спутники идут не очень резво. Может быть, сказывается то, что китайцы в общем очень мало едят — запас калорий, который они получают за завтраком, попросту недостаточен. Носиль-

щики идут с трудом, частенько отстают, и их приходится поднимать. Остальные заметно сильнее.

Приятно иметь компаньоном Лю Ляньюмана. Тащит огромный рюкзакище, активно работает по устройству бивака, проявляя сноровку и изобретательность. Сейчас он сидит за примусом и кипятит одну кастрюлю за другой — чай, лапшу, снова чай.

Все сильно и часто кашляют. Кашель явно не простудного характера, вероятно, вызван сухостью воздуха. Нужно просить медиков помочь в подборе средств, успокаивающих кашель.

Пока было светло, сделал портреты моих спутников, посадив их так, чтобы сзади был виден Эверест. Особенно охотно снимались тибетцы и солдаты, повесившие свои автоматы на грудь.

Место ночевки я впоследствии буду называть: лагерь № 2 разведки.

19 ноября. Разведка Главного Ронгбука, продолжение

Проснулись в девять часов. Выход после горячего завтрака, в 11.30. К этому времени солнце только что осветило наш склон. Направление пути пока очевидно — нужно идти до конца морены, пересечь ледничок, стекающий с гребня Чанг-тэе, и выйти на ледник Главный Ронгбук.

Трудно идти — чувствуется высота. В особенности ослабели и заметно отстают тибетцы-носильщики, хотя груз у них значительно меньше, чем у остальных. Солдаты идут хорошо. Я отношу это за счет отличной тренировки, которую они приобрели, проделав пешком весь путь от Шигацзе. Он был тяжел и мучителен, но, по-видимому, полезнее, чем путь верхом.

У конца морены, на высоте по anerонду 5400 метров, а по карте Уиллера 5800 метров, нашел две алюминиевые трубы, торчащих из камней. Они похожи на стойки для палатки. Мы с Лю Ляньюманом долго возились вокруг них, тянули, расковыривали камни, дергали, но вытащить не могли — наверно, трубы сильно погнуло и завалило камнями. Я снял на память фотографию одной из них.

Очень красивы оба пика Лингтрэн. Колоссальные снежные карнизы на их гребнях нависают в сторону Главного Ронгбука. Карнизы придают вершинам вид невероятно хрупких и тонких вафель. Кажется, что они даже немножко просвечивают на солнце. Однако внимательное наблюдение показывает, что с западной стороны на каждой вершине должны быть пологие снежные склоны. На северо-восточном склоне Лингтрэн I очень много снега и мощные снежно-ледовые сбросы. Этот снег, очевидно, перенесен господствующим западным ветром с противоположной стороны вершины. Должно быть, аналогичен этому и характер склонов Чанг-ла: с запада склоны более пологи, с востока — сбросы.

На морене тепло, как и вчера, иду без перчаток. Обычные высокогорные ботинки с триконами, надетые на две пары толстых шерстяных носков, шерстяные кальсоны и штормовые брюки, шелковая тенниска, тонкий шерстяной свитер, пуховый жилет и штормовая куртка, китайская вязаная шапочка с длинными ушами — вот что надето на мне. Правда, мы ходим только при солнце.

Оба тибетца очень слабы. В 14.30 Сюй Дин отправляет их

вниз, а солдат Ху Давана и Коум Пу переодевает в альпинистскую одежду, взятую у носильщиков. До этого солдаты шли в воином обмундировании, в ватных куртках и ватных брюках. Автоматы солдаты несут с собой.

В 15.30 вышли на лед. Сверху он прикрыт плотным фирном превосходного качества: отлично втыкается ледоруб, с одного удара ногой получается ступенька, и в то же время ноги в фирме проваливаются. Ни одной лавины ни с одного из склонов, даже с невероятно хрупких на вид карнизов Лингтрена.

В 17.00 мы с Лю Ляньманом вышли к основанию гребня Чанг-гзе. У скал здесь есть вода. За последние часы мои ботинки промокли насквозь, сказывается отсутствие водонепроницаемой смазки, у нас с собой ее нет.

Сейчас подойдет Сюй Дин, и будем искать место для ночлега.

На ночевку встали в 17.15. Высота по анероиду 5575 метров, по английской карте 5830. Пока шли к ночевке, снял нижнюю часть ледопада. Отсюда видно, что он разорван и справа и слева, но в середине имеется пологий проход, ведущий внутрь, к Чанг-ла. Надо будет воспользоваться этим проходом.

Еще раз убедился в высокой квалификации Лю Ляньмана. Он выбрал площадку для лагеря на снегу, отвергнув выстланную мелким камнем и очень заманчивую скальную площадку: на скальной площадке был опасен камнепад. Ночью как раз на отвергнутую им площадку свалилось несколько увесистых камней, разбудив нас грохотом.

Сиди в палатке, дописываю дневник.

20 ноября. Разведка Главного Ронгбука. Осмотр пути на Чанг-ла с запада

Проснулись в 9.30. У солдат и у переводчика Кындын Танзена болит голова. Вероятно, горная болезнь — они впервые на такой высоте.

Мы с Лю Ляньманом долго возмемся с примусами, пытаемся согреть завтрак и подкормить спутников. Примусы работают скверно.

Солнце осветило лагерь в 11.30.

Пока возмемся с завтраком, оцениваю разные варианты, подъема.

Для подъема на Чанг-ла с Главного Ронгбука, в противоположность подъему с Восточного, характерна необходимость большого набора высоты по ледопаду. Судя по высоте нашего лагеря, нужно набирать, по крайней мере, 1200 метров, тогда как на Восточном около шестисот. Правда, еще неясен характер ледопада.

Другие варианты пути сюда, в лагерь № 3, сложнее пройденного нашей группой.

В 13 часов, дождавшись благоприятного освещения и оставив солдат и переводчика отдыхать в палатках, вышли внятером налегке на осмотр ледопада, ведущего на Чанг-ла.

Часа полтора движемся без связывания веревкой. Как и в предыдущие дни, путь почти без набора высоты, фирн прочен, трещины мало, и они легко обнаруживаются и обходятся. Подойдя ко входу в ледопад в той части, где лощина становится заметно круче и где трещины становятся больше, связываемся,

В первой связке Лю Лянъман и я, во второй — Чан Чжунчан, Чжао Гогуан и Сюй Дин.

Еще через час достигаем точки, с которой открывается неплохой обзор пути на Чанг-ла. На участке от лагеря до этого пункта сравнительно простой путь, с легким обходом немногочисленных трещин.

Становится ясно, что ледопад вовсе не так грозен, как кажется внизу. Разорванные гигантскими трещинами части его просто обойти.

На всякий случай нужно предусмотреть возможность вскрытия трещин: взять с собой про запас парочку веревочных лестниц длиной метров по 40—50.

Наконец, подъем непосредственно на перевальную седловину Чанг-ла требует преодоления сравнительно гладкого, но крутого заснеженного склона, имеющего на глаз высоту около 400 метров. После свежих снегопадов здесь также будет лавиноопасно. По-видимому, лавинная опасность меньше слева, где снежный пласт прошит многочисленными выступами скал и лучше скреплен со склоном. Можно хорошо пройти и справа, где склон положе, над кулуаром, идущим с Эвереста.

Занимаясь осмотром пути, зарисовками, записями, фотографированием, я ломал голову над тем, что же делать дальше, идти или не идти завтра на перевал?

Мне очень хотелось сделать попытку. Но с кем? У Лю Лянъмана нет теплой обуви, а остальные в этом году не имели высотной акклиматизации. Эх, если бы мы не делились на две группы и пошли все вместе! А что, если мы войдем с запада, а ребята с востока не войдут — ведь тогда восточный вариант будет загублен начисто?

Терзаясь и кляня судьбу, я не решился настаивать на подъеме...

В 16.50 мы вернулись в лагерь № 3.

21 ноября. Возвращаемся

В 11.30, когда из-за вершины Эвереста показалось солнце и осветило лагерь, мы начали обратный путь... До свиданья, Чанг-ла, до свиданья, Эверест.

Возвращаемся по своим следам. Сильный ветер на склонах Эвереста колышет снежные флаги. Временами проходят облака. Но разнообразные облака уже столько раз предвещали якобы плохую погоду, что не верится и на этот раз. Мы просто избалованы хорошей погодой. Пожалуй, мне еще не приходилось бывать в горах в таких благоприятных условиях погоды, как этой осенью.

В 13.40 пришли на площадки нашего бывшего лагеря № 2. Над Эверестом полупрозрачные облака, занимающие большую часть неба. Как-то идут дела на Восточном Ронгбуке?

В 17.00 пришли в наш лагерь № 1 у впадения ручья Восточного Ронгбука в Главный. Встретили двух солдат, которые вернулись из лагеря № 3 на Восточном Ронгбуке. Поговорив с ними, Сюй Дин сказал:

— Белецкий!.. Чанг-ла!.. — и махнул рукой вверх. Затем ткнул пальцем в площадку от палатки и сказал: — Завтра! — и опять ткнул пальцем в площадку. Значит, ребята вышли на Чанг-ла и

завтра собираются быть здесь, на развилке? Страшно завидую тем, кто пошел на Чанг-ла.

В 18 часов вышли вниз, к языку Главного Ронгбука. Через полчаса добрались до базового лагеря, организованного метрах в пятистах ниже конца льда, у склона одного из моренных бугров в ложе ледника.

Лагерь роскошный!

Наш телохранитель Ло Ван вышел навстречу, заулыбался, потащил угощать всякими лакомствами, в том числе свежими мандаринами, прибывшими со второй группой разведки: все участники уже здесь. Ло Ван показал палатку, поставленную для нас троих, Пей Шули и Ло Вана. Этой компанией мы обычно размещались в одном уголке дома на каждом ночлеге.

В лагере суета: ставят палатки, сортируют грузы. Очень много людей, наверно, много новостей, но без языка что же узнаешь? Улыбаемся, пожимаем друг другу руки — и все!..

Огорченный, заваливаюсь спать.

22 ноября. Базовый лагерь

Несмотря на то, что спал в пуховом мешке, проснулся от холода. Взглянул на часы, на термометр: 9.30 утра, в шатровой палатке 9 градусов мороза. На полотнищах успел вырасти иней. Натянул на себя весь запас шерстяных вещей, высотный пуховой костюм, унты, лисий треух. Вышел из палатки. Ветра нет, безоблачно, солнце в лагере еще не показалось. Лагерь спит, но повара уже хлопочут у костров. В нескольких шагах от палатки — зеркальный пласт льда: река Ронг-чу, почти иссякнув, промерзла чуть ли не насквозь. Я разбежался, прокатился на ногах по льду и уехал на второй край лагеря. Лагерь расположен в укрытии, образованном невысокой, метров в 10, моренной грядой. Она изогнута полумесяцем. Рога полумесяца примыкают к основному потоку Ронг-чу, а на ровной галечной площадке между рекой и грядой камней все наши грузы и палатки.

Часов в десять показывается солнце.

Постепенно лагерь оживает. Несколько человек возятся с движком, налаживают электропроводку в палатках. Метеорологи распахивали и собирают белую метеобудку для приборов. Топографы собирают треноги, прилаживают к ним планшеты, извлекают из футляров теодолиты, осматривают, как все доехало. Солдаты помогают во всех работах: их сейчас здесь около двух отделений, остальных что-то не видно. Похоже, что уже прибыли все специалисты. Прибыло и несколько новых тибетских носильщиков — они выходят с кружками умываться и чистить зубы, повергая меня в изумление.

Когда же все-таки появилась здесь группа Ло Чжишяна? Из попытки расспросить без переводчика получается конфуз: один из собеседников приводит ко мне самого Ло Чжишяна, второй распахивает вьюк и угощает сушеными крабами... Потом попытку объясниться жестами делает Ло Ван. Подойдя ко мне, он показал на циферблате часов цифру 2, раскинул в стороны руки и, гудя, как шмель, поплыл по площадке в направлении к Эвересту, затем махнул рукой, сделав как бы круг над его вершиной. Потом потащил меня к рации, показал радиостанции, выстукивающих что-то в бешеном темпе телеграфом, опять раски-

нул руки в стороны, опять загудел, ткнул себя пальцем в грудь и сделал вид, что тоже стучит ключом. Объяснение весьма наглядно: в два часа ожидается самолет над Эверестом, с ним ведется радиосвязь. Пристаю к Ло Вану, к радистам, используя немногие известные мне китайские и английские слова, но, увы, ничего не выходит. И самолета в два часа тоже не было! (В скобках следует заметить, что Ло Ван говорил именно о самолете: самолет ожидался, но не прилетел — это стало известно позже.)

Я в ужасном огорчении: без языка жизнь очень бедна. Чувствуешь себя скованным, одиноким...

А китайцы развивают кипучую деятельность. Они капитально устраивают лагерь. В течение дня установлено еще три палатки. Сейчас в лагере две палатки охраны, шесть больших шатровых палаток и две палатки чуть поменьше, с тамбурами. Одна из палаток установлена на моренном бугре, в ней работают топографы. Рядом с кухней натянута палатка-памирка, в ней поселился повар. Натянули антенну еще одной радиостанции. Снизу продолжают прибывать грузы. Было два каравана яков — с князем и со снаряжением. Мне нравится тот стиль, в каком действуют китайцы. Они создают постоянно действующую в течение нескольких лет организацию, круглогодично работающую для Эвереста. И у них это не только спортивная организация. Здесь и дорога для автомашин, и метеостанция, и аэрофото-съемки района, и воспитание альпинистов и носильщиков.

Так как времени у меня хоть отбавляй, подготовил к предстоящей транспортировке отснятые пленки, их штук двадцать.

Снял несколько кадров базового лагеря и засел писать отчет о разведке Главного Ронгбука.

24 ноября. Базовый лагерь разведки

Утром ясно, солнечно, холодно. Солнце показалось в лагере около десяти утра.

Группа Белецкого пришла в 13.30.

Сюй Дин построил состав разведки на линейку. Белецкий рапортовал ему о возвращении. Сюй Дин зачитал поздравление группе разведки Восточного Ронгбука.

Ребята пришли страшно усталые, и мы решили, что они сначала отдохнут, а уж потом расскажут нам о своем походе.

Так как Пен Шули уже отоспался, я расспросил его о сроке прибытия второй группы разведки. Оказалось, что группа Ло Чжишину пришла сюда 21 ноября, за несколько часов до возвращения группы Главного Ронгбука, и сразу же на скорую руку установила несколько шатровых палаток. Место для базового лагеря выбрали еще раньше офицеры охраны и Вун Кинджая, которые и перебросили сюда грузы, первоначально сваленные в начале кармана между ледником и правым его берегом. На марше группу Ло Чжишина охранял минометный взвод. Тибетцы по религиозным мотивам очень боятся минометов, мин и гранат: смерть от них считается много хуже, чем от ножа или пули, — душа не найдет покоя, если тело разорвало на части. Это обстоятельство и было использовано, чтобы иметь меньшую численность охраны...

Некоторое время спустя к лагерю подошли снизу двое: капитан Ху Пейлин и с ним кто-то плотный, в альпинистском ко-

стюме, в защитных очках. Подойдя поближе, спутник капитана сдвинул очки на лоб. Да это товарищ Чжан, такой же веселый, жизнерадостный, как на аэродроме Дансюн, где он встречал нас от имени комиссии содействия.

— Когда же вы здесь появились?

— Уже несколько дней, — улыбаясь, ответил Чжан. — Приехал познакомиться с обстановкой, узнать, как идет у вас разведка Джомолунгмы, нет ли в чем недостатка.

— А где вы сейчас живете, где разбили свой лагерь остальные солдаты?

— Мы оба и те из солдат, что не с вами, живем сейчас хорошо. Мы живем в монастыре, — смущенно улыбнулся капитан.

— Как в монастыре? В его помещениях? А нам ваши товарищи в Пекине и в Лхасе говорили, что сейчас не следует посещать монастыри? — спросил Белецкий.

— После прибытия первой группы разведки верховный лама пригласил меня и старшего лейтенанта Ван Тиню для беседы, — отвечал капитан. — Верховный лама сказал, что монастырь считает своим долгом оказывать содействие всем живым существам, всем, прибывшим на территорию монастыря. Если возникнут трудности, то нам следует обращаться к специальному советнику, назначенному верховным ламой. Эти слова верховного ламы очень ценны, — после паузы добавил капитан.

Мы с Белецким переглянулись.

Высокая гуманность, терпимость и гостеприимство монахов Ронгбука были нам известны. Следуя заветам буддизма, предписывающим оказывать помощь всем живым существам, этот монастырь без расспросов и подозрений давал приют даже тайным экспедициям на Эверест, руководители которых не имели разрешения на въезд в Тибет: группам англичанина Уилсона в 1934 году, канадца Денмана, ходившего в сопровождении Тенцинга в 1947-м, датчанина Ларсена в 1951-м. Однако все они были частными лицами, прибывшими в мирное время. Теперешний случай был более деликатным. Во многих местах шли вооруженные столкновения отрядов тибетских повстанцев с регулярными войсками. И вот вооруженное подразделение этих войск оказалось перед воротами монастыря. Ламе Ронгбука так легко было счесть солдат врагами... А вместо этого, ни на йоту не поступаясь своими принципами, монастырь распахнул перед ними ворота и предложил свое гостеприимство и помощь...

— Мы находимся здесь всего несколько дней, и контакт с монахами еще недостаточно тесен, — продолжал товарищ Чжан. — Но все же ламы сделали несколько замечаний. Солдаты собирали топливо на склоне около монастыря. Этого делать нельзя, склон священный. Если необходимо убить яка или овцу на мясо, то это надо делать ниже моста — территория монастыря простирается от моста до вершины Джомолунгмы. На территории монастыря никого убивать нельзя, наоборот, надо помогать всем живым существам.

— У нас сложилось впечатление, что в Ронгбукском монастыре хороший порядок. Монахи чище, чем в других местах, дорожки всюду в порядке. Верно ли это?

— По имеющимся данным, это монастырь бедный, — отвечал

Чжан. — В нем 70 лам, из них 30 человек сейчас здесь, остальные собирают милостыню по всему Тибету в пользу монастыря. Возможно, что вы видели лам, находящихся на высоких постах. В монастыре есть и женщины-ламы. Всего их около семидесяти. Однако большинство женщин-лам живут у себя дома, а часть нищенствует.

— Много ли вообще таких смешанных монастырей?

— Это редкое явление, — отвечал товарищ Чжан. — Я в Тибете несколько лет и был в командировках в разных районах. Вообще женские монастыри есть. Но они чисто женские и строятся отдельно, в уединенных местах. Здесь, в Ронгбуке, женщины-ламы и мужчины-ламы живут вместе. Бывает, что рождаются дети, они тоже становятся ламами независимо от пола детей. Рождение детей считается грехом, но фактически с этим мирятся.

— На первый взгляд все ламы — святые люди, священные существа, — сказал капитан. — Но вообще-то они простые люди, и ничто человеческое им не чуждо. У них есть праздники, он длится около недели, когда они ходят друг к другу в гости, угощают друг друга. Ходят в гости и мужчины к женщинам, и женщины к мужчинам.

В конце нашего разговора мы попросили товарища Чжана поблагодарить солдат, сопровождавших группы Восточного и Главного Ронгбука в непривычных и трудных для солдат условиях высокогорья.

Мы вернулись к своей палатке. Толя перетряхивал свой рюкзак, вывешивая сушиться вещи. Показал мне знаменитую колотушку, найденную им наверху. Он очень гордился ею и собирался везти в Москву. Живое обсуждаем проблему: «Колотушка как лучший подарок жене». Обсуждение привело к появлению стишка, выдержанного в стиле частушек:

Пошел Толя на Чанг-ла,
Нашел колотушку.
Повезет ее жене —
Получай игрушку!

25 ноября. Базовый лагерь разведки

После завтрака Ковырьков дал мне свой дневник. Стоит привести записи Ковырькова, дополненные его устным рассказом.

«18.11. Восемь человек вышли на Восточный Ронгбук в 11.20 из лагеря № 1 разведки. Идем по правому (по ходу) берегу ручья Восточный Ронгбук, по морене. В 12.20 достигли высоты 5160 м. Путь был хорошим, имели два кратких отдыха. К 13.00 — 5290 м. Подъем по береговой морене, довольно спокойный, яки могут идти здесь хорошо. Путь легко выбирается в движении. Слева по ходу видел ограду из камней на высоте 500 м. Очевидно, это первый лагерь англичан. В 14.10 прошли язык ледника Восточный Ронгбук. Там следов лагеря нет. Начинаем спуск к леднику, дальше по высокой морене идти бессмысленно. Ветер сильный, небо ясное. По имеющимся схемам, мы уже прошли лагерь № 1 англичан и находимся на пути к их лагерю № 2. В 15.00 — 5420 м. Все кашляем. Идем по очень крутой берего-

вой осыпи. В 17 часов остановились на ночлег, не доходя 30—40 минут до поворота ледника Ронгбук на юг. Температура в 17.00 равна — 5° С. Ночлег на мелких камнях. Место тихое. Воды нет, лед очень близко.

19.11. 10 часов. Выглянуло солнце. Солдаты ничего не едят, носильщики едят плохо. В лагере на месте ночевки оставили часть продуктов. Найдём ли место лагеря № 2 англичан? Тогда удастся внести ясность в отсчеты высот по анероиду.

10.15. Шли 15 минут, сейчас ждем Белецкого. Он здорово отстает. Все мы кашляем. Облачности нет.

11.15. Остановка, 5500 м. Продолжаем путь по береговой морене. Прямо по ходу на востоке видим очень простой перевал с Восточного Ронгбука. На карте Уиллера он не назван, высота не обозначена. (Это перевал Кхарта. — Л. Ф.). Ветра нет.

К 12.25 вышли на поворот ледника и видим Эверест. На западной стороне промелькнул реактивный самолет. Путь пока несложен. Идем по-прежнему по правой по ходу береговой морене. К 15 часам достигли высоты 5600 м. По схеме это соответствует отметке 6000 м. По всей вероятности, только что прошли лагерь № 2 англичан — видели много консервных банок и ровные площадки. В этом месте береговая морена кончается, ее продолжением является срединная морена Восточного Ронгбука. Справа по ходу спускается со склонов небольшой ледничок.

Дальше идем по срединной морене. В ее конце около 16 часов остановились на ночевку. Морена выводит нас к леднику, спускающемуся с Чанг-тзе. С обеих сторон сераксы, острые, иглообразные, метров по 15—20 высотой. Для палаток пришлось долго выравнивать площадки на морене. Ночь теплая.

20 ноября. В 14 часов закончили пересечение ледника Чанг-тзе, выйдя с бивака около 11 часов. Это хаос льда — сераксы, щели, промоины во льду. Камней нет, голый лед. Ледник пересекли с трудом. В одном месте по каньону длиной метров семьдесят. Для маркировки ледника разорвали на полосы цветной чехол от спального мешка.

15.10. Морена кончается. Выходим на лед Восточного Ронгбука. Опять идем на кошках. Стал виден перевал Чанг-ла. Находимся сейчас на высоте 5820 м по анероиду.

В 18 часов остановились на ночлег почти в том месте, где расположен английский лагерь № 3. Он на скалах. Это не береговая морена, а каменная гряда. Слева от нее лед Восточного Ронгбука, справа снова лед и лишь затем скальный склон. Остановились в самом начале скальной гряды, на высоте 6300 м по английской карте, не дойдя до английского лагеря метров сто по высоте. Путь до этого лагеря не представляет никакой технической сложности.

21 ноября. Утром из палатки видно северное седло (перевал Чанг-ла). Видна дальняя от нас, или южная, часть подъема на Чанг-ла. Выглядит она устрашающе. Если более легкого пути нет, то идти здесь большой группой плохо. Прямо на юг виден перевал Рапью-ла.

Я заболел и весь день не выходил из палатки — поднялась температура, кашель. Пен Шули тоже мучается от кашля. Пен Шули, Ши Дин, Белецкий и Шао Цзиня ходили под Чанг-ла. Примусы горят плохо, и не только сегодня, но все дни.

На этом кончаются дневниковые записи Ковыркова.

Обсуждение выявило, что у ребят сложилось в общем единое мнение о том, что следует рекомендовать для подъема на Чанг-ла путь по Восточному Ронгбуку. Основных преимуществ два: удобное расположение базового лагеря и безопасный путь подъема на Чанг-ла по ледово-снежным сбросам, который они разглядели.

Ребята наметили два места для базового лагеря. Если весной будет много воды, то на месте лагеря № 1 авгличаи, если воды будет мало — то несколько дальше, в ложине. К базовому лагерю можно проложить тропу для яков.

Были уточнены рекомендации мест промежуточных лагерей и маршрута.

Совещание закончилось около двух часов дня.

Примерно в то же время к нам в лагерь на шести лошадях приехали изыскатели трассы шоссе и беседуют сейчас с Сюй Дином. Мы трое затеяли мыть голову, а после засели с Толей за его дневник, который он дополнял рассказом.

За ужином выяснилось, что после беседы Сюй Дина с изыскателями дороги достигнута полная договоренность: автодорога будет обязательно построена до языка ледника Главный Ронгбук, до базового лагеря разведки. Отсюда будет построена, по крайней мере, вьючная тропа до языка Восточного Ронгбука. Строители гарантируют окончание работ к концу января! Здорово! Можно очень компактно, за один-два дня, сосредоточить всех участников восхождения в базовом лагере.

Мне уже стали мерещиться кадры: ярко раскрашенные автобусы у языка ледника Ронгбук с Эверестом на не таком уж дальнем заднем плане... Груды свежих овощей, доставленных откуда-нибудь из-под Лхасы... Кучка пассажиров у автобусного расписания: «Движение местных автобусов по маршруту: «Язык ледника — монастырь Ронгбук — монастырь отдыха»; ...«Экспресс: ледник Ронгбук — аэропорт Шекар»...

С самого утра 26 ноября на небе появились облака. Они набегают из-за Эвереста и нескончаемой чередой проплывают высоко-высоко над лагерем — легкие, полупрозрачные, как кисель. Форма облаков очень непривычна и переменчива.

После завтрака засели обсуждать написанный мною отчет группы Главного Ронгбука. Мнения совпадали почти полностью. Мы пришли к заключению, что подъем на Чанг-ла с запада возможен и при необходимости может быть использован как запасной вариант.

Закончив работу, мы улеглись за палаткой, блаженно греясь на солнышке. Настроение было отличное. Мы таки выиграли бег наперегонки с непогодой, успели посмотреть и ледники, и подъем на Чанг-ла, и склоны вершины. Что бы ни означали эти облака, какую бы погоду они ни предвещали, главное сделано. Теперь все будет зависеть от того, как пойдет само восхождение.

В половине второго из Ронгбука пришел в лагерь капитан Ху Пейлин. Он сообщил, что сегодня к концу дня наш специальный посланец Кыдзын Танзен придет в Тяньгри. День 27 ноября уйдет у него на сбор каравана, пара дней — на путь сюда. Очевидно, 30-го выйдем с этим караваном в обратный путь.

Погода отличная. Ясное небо, солнце весь день с утра до вечера. Неужели здесь каждая осень такая? В такую погоду на ледниках ходить вполне можно.

Белецкий и Ковыркин во второй половине дня расположились на солнышке за палаткой и составили краткий отчет о рекомендуемом маршруте по Восточному Ронгбуку и предложения о дороге до нового базового лагеря у Восточного Ронгбука.

К вечеру, не торопясь, отобрали и упаковали продукты на нас троих. Они резко отличаются от продуктов китайской кухни. Использование в дороге примусов позволяет всем готовить еду по вкусу. На семь-восемь дней получилось около 35 килограммов. Сюда входит килограмм пять печенки яка. Надо признаться, яков солдаты убили и освежевали прямо на месте базового лагеря, а потом слегка притрусили кровь песком. Мне этот поступок представляется неразумным — не к чему расстраивать монахов.

Ночью поднялся влажный теплый ветер с юга, со стороны гор. Я вышел из палатки. Облака переползли через Эверест и начали заполнять цирк Главного Ронгбука.

В 11.20 показались лошади, приближающиеся к лагерю, а в 11.30 появился Кындын Танзен. Он пригнал из Тингри 30 лошадей. На 16 часов назначен выход. По-видимому, минуем Тингри и пойдем прямо на Шекар.

На прощанье сфотографировались: группа альпинистов на фоне Эвереста; альпинисты с солдатами. Народу у нас — не перечесть!

В 16 часов начали выючить караван. Военные упаковались и ушли на Ронгбук намного раньше. Верховые лошади попались как на подбор: чуть выше пояса. На каждую лошадь выючим пару рюкзаков. Но, к удивлению, лошади идут довольно резво. На лошадях без рюкзаков едут трое: Пен Шули, Ло Ван и Кындын Танзен. Пен Шули везет в маленьком брезентовом мешке юани на обратный путь.

Очень скоро выяснилось, что, привязав к луке седла мешок с серебром, он собственноручно посеял семена зла, которые дадут буйные всходы. Не было ни воров-разбойников, ни падения денег в недостижимые пропасти. Драма «козья золотого тельца» разыгрывалась в ином плане. Тяжелый мешочек с серебром не был ничем уравновешен и быстро стягивал седло набок. Чертыхаясь, Пен Шули спешивался и переседлял коня, шипя на него: «У-у, фашист!» Коняка со свастикой на лбу мирно моргала. Пен Шули садился верхом и вскачь догонял отряд. Серебро опять перетягивало, седло опять сползло набок, и сказка про белого бычка начиналась сначала, помогая рассеять несколько грустное настроение, навеянное прощанием.

В 18.15 прибыли в Ронгбук. Наших лошадей взяли под уздцы и ввели во двор монастыря, не дав нам даже сойти с седла. Лошаденки уверенно карабкаются по каменным ступенькам входа. На небольшом внутреннем дворике их развьючивают и расседлывают.

Солдаты давно уже живут в монастыре, привыкли к нему, перенакомнились с ламами.

Нас просят подняться по крутой, градусов 45, каменной лест-

нице на второй этаж, в комнату, где живут капитан Ху Пейлин и товарищ Чжан. У них в комнате радиоприемник. Белецкий начинает машинально крутить ручки и тут же ловит Москву, да так четко и громко! Слушать Москву из монастыря Ронгбук, находясь с офицерами китайской армии в гостях у буддийских монахов, — это производит впечатление!

Ночуем в помещении неподалеку от комнаты капитана. Много ходим по внутренним переходам монастыря, по внутреннему двору, спускаемся к лошадям. Прямой необходимости в этом нет, но уж очень хочется посмотреть, как здесь живут. Поражают чистота и порядок. Стены домов капитальные, толстые, оштукатуренные, покрашены масляной краской. Полы гладкие, сделаны из утрамбованной смеси камешков и глины. Они напоминают по внешнему виду бетонные, хорошо отполированы и чисты. На стенах орнамент, очень красивый. Дыма нет, воздух чистый, свежий. Надежно и просто сделаны потолки. Они опираются на стены и на деревянные колонны внутри комнат — толстые, но короткие бревна; доставляют-то их сюда выюками. Поперек балок ряды более тонких балочек, в 5—6 сантиметров, на них настелено что-то вроде камыша, а по камышу — толстый слой глины.

Меня занимает мысль, как скажется на монастыре Ронгбук то, что с весны к нему можно будет добираться на автомашинах.

30 ноября. Обратный путь

Вышли из Ронгбукского монастыря в 7.45, управившись с завтраком часа за полтора. Часа через два достигли моста через речку Ронг-чу, но через мост переходить не стали — спускаемся теперь по тропе на правом берегу Ронг-чу. Значит, идем новым путем и увидим что-то новое.

На очередном привале, которые устраиваются для отдыха часа через полтора-два, у Сюй Дина забунтовала лошадь. Сюй Дин отличный наездник, но, видимо, недовольство лошади вызвано серьезными причинами — при каждой попытке сесть в седло она делает дикие прыжки. Несмотря на несколько тяжелых падений, Сюй Дин не хочет отступать. Он пытается усмирить лошадь, утомив ее. Вот уже он на дикой скорости скачет по дорожке к мосту, поворачивает там, скачет обратно, спрыгивает с лошади. Та тяжело поводит боками. Пен Шули берет лошадь Сюй Дина, водит ее несколько минут, затем прыгает в седло. Лошадь поддается задом, брыкается, пытается укунить наездника. Капитан Ху Пейлин советует переседлать, может быть, в потнике засели колючки. Теперь уже человек десять возмемся мы вокруг коня, разглядывая потник, выбирая из него соринки, проверяя седло и сбрую. Не сразу разглядели, что подхвостник сделан из тонкой оголенной металлической проволоки. Ясно, что от вызываемой им дикой боли поневоле взбунтуешься. Проволоку заменили широкой мягкой тесьмой от кошек, после чего лошадь спокойно вела себя всю дорогу. Хорошо еще, что путь проходил по сравнительно безопасным местам. А если бы лошадиный бунт начался на каком-нибудь карнизе над обрывом? Допытываться, был это случай или умысел, никто не стал...

Едем дальше.

Дорога показалась мне оживленной. Сначала встретили нескольких тибетцев. Каждый тащит на спине здоровенное полено или связку сучьев, погоняет парочку ишаков, тоже груженных дровами. А чтобы зря не терять времени, кроме того, на ходу придет шерсть. Клок шерсти засунут в левый рукав, в правой гладкая палочка, на нее и сматывают готовую нитку...

В 15.30 проходим мимо селения Мяо. Здесь впервые появляются поля, хорошо спланированные, террасированные. Жители заняты сейчас предзимним поливом. Они напускают на поле воду вровень с ограничивающими его валами земли, затем заваливают землей приток воды из ручейка, принимают поить соседний участок. Предзимний полив не только утилизирует для орошения «осеннюю» воду. Скорее здесь важно другое. Мокрая земля хорошо смерзается, покрывается коркой льда, и свирепые зимние ветры уже не могут выдуть и унести почву с полей.

Несколько отъехав от селения, попадаем из уезда Переднего Тибета в уезд Заднего. Это Цаси-Цун. Сразу меняется отношение жителей, вернее, уездного начальства. Начальник уезда выезжает навстречу каравану до половины пути. Это молодой плотный мужчина в хорошей одежде, богато расшитой золотом и цветными нитками, на бодром коне, с маузером на боку, в шитой золотом шапке. Он очень предупредителен, вежлив, услужлив. Чиновник поговорил с начальником конвоя, детально ответил на его вопросы. Потом он спешно выезжает, чтобы подготовить встречу в своем уездном центре. При встрече с ним тибетцы низко и подобострастно кланяются, высовывают языки, протягивают руки ладонями вперед. Видно, уездное начальство здесь царь и бог.

Удивляет причудливое районирование Тибета, в котором свежему человеку трудно уловить рациональное зерно, и Толя откликается на него загадкой: «Скажи, кацо, что такое: в середине зад, а кругом перед?» В самом деле, уезд Заднего Тибета, в который мы прибываем, со всех сторон окружен уездами Переднего...

К вечеру въезжаем в селение из нескольких двухэтажных глинобитных домов.

Чуть ли не все жители селения сбегаются посмотреть на прибывших. Нас помещают в доме дзонгпена, в молитвенной комнате. На этот раз никаких разговоров насчет того, что ничего нельзя трогать, нельзя курить и есть в молитвенном помещении. Сядим в молельню, покуриваем. Молодой лама, стриженный, в грязноватой гранатовой рясе, приносит в деревянной бадейке родниковой воды, с любопытством рассматривает мои белые волосы — ему так и хочется притронуться к ним, удивленно таращит глаз на сверкающую лысину Белецкого и приходит в восторг, когда Ковырьков начинает перезарядку своих двух фотоаппаратов.

Мы с не меньшим любопытством рассматриваем убранство молельной.

У стены напротив двери, во всю высоту и ширину помещения, большой шкаф из полированного, покрытого красным лаком дерева. За стеклом статуэтки Будды, сделанные из желтого полированного металла. На-шее самой большой статуэтки, стоящей посредине, два шарфа-хата. На стойке домашнего алтаря

множество чаш из латуни, похожих по форме и размерам на пиалы, — из них только что вылили святую воду. Перед алтарем небольшой столик, на нем массивная латунная чаша с горючей ячмоня и три неугасимые лампы. Каждая лампа — чаша на стойке, наполненная жиром, в нем плавает горящий фитиль. В углу слева от входа стоит нечто вроде бубна — затянутый кожей барабан диаметром сантиметров 80, толщиной около 25 сантиметров, на резной деревянной рукоятке длиной около метра. Дождавшись, когда молодой лама отлучился, легонько ударю пальцами по коже. «Бубен» издает густой, низкий гул. По стенам комнаты шкафы наподобие картотечных, со множеством ящиков, в них отиски священных буддийских книг.

Немного погоди в молельной отмечаем пятидесятилетие Белецкого. Сегодня как раз торжественная дата. Сюй Дин где-то ухитрился добыть бутылку вина и бутылку водки из чумизы. Ставим на стол еду, с приличествующими тостами опрокидываем по глоточку. Поздравления, добрые пожелания... Раздаются пятьдесят глухих, низких ударов в «бубен». А на все это бесстрастно взирают со стен изображения будд с обнаженным правым плечом... Вряд ли среди соотечественников много людей, отмечающих свое пятидесятилетие в такой обстановке...

Выясняется, что завтра встаем рано и идем на Шекар. От Шекара до начала автомобильной дороги, где нас будут ждать автомашины, всего три перехода.

Разбираем вещи, расстилаем на полу матрасы, накрываем их пропитанным желтым лаком полотнищем, похожим по виду на противонипитную накидку, раскладываем пуховые спальные мешки, подсвечивая друг другу пальцевыми китайскими электрическими фонариками. Под головы идут саногы, пуховые куртки, наши порядком поистершиеся лисьи шапки, тулупы.

1 декабря. Опять в Шекаре

С явным сожалением покидал гостеприимный Цаси-Цун, выходим с ночлега в 8.10.

В десятом часу миновали интересное место. В ущелье, на первый взгляд вполне пригодном для жизни, остатки стен глинобитных домов двух селений, поля, спланированные с большим искусством, террасированные, местами с высокими подпорными стенами из камня. Все эти работы когда-то потребовали громадного труда. Однако сейчас живут в двух-трех домах, остальные постепенно разрушаются. Разрушаются и подпорные стены на полях. Поля также обрабатывают далеко не все. Выбирал дорогу между бесчисленными арыками с водой, вспоминаю, что за всю дорогу мы ни разу не видели, чтобы тибетцы сами строили для себя дом. Зато развалин великое множество везде — от свежих, кажется, совсем недавно покинутых домов до жалких кучек глины, покрытых чертополохом, отмечающих места, где когда-то были дома, но теперь уже не живут люди. Своими глазами убедились мы в справедливости сведений об уменьшении численности населения Тибета. Резкий спад численности населения произошел после реформ Цзонхавы, среди других ограничений запретившего монахам жениться. С каждым днем, в течение почти пятисот лет, все больше и больше мужчин отлучалось от обычной жизни и труда.

Говорят, что уменьшение численности населения на нагорье продолжается в течение нескольких столетий. Тем более заметны усилия властей и первые свидетельства современного возрождения края — многочисленные шоссевые дороги, построенные после договора о мирном освобождении Тибета, множество новых домов, построенных ханьцами в Лхасе, в Шигапзе, вдоль всех автодорог.

В 11 часов мы остановились на отдых, немного не доходя до перевальной седловины, на уплощенной части хребта. Открывается превосходная панорама — видны одновременно Макалу, Лхо-тзе, Эверест, Гьянчунг-Канг, Чо-Ойю. И опять поражают их масштабы, опять кажется, что эти снежные цепи попали на Тибетское нагорье из какого-то иного мира — так резко отличаются они по своему облику от маленьких, тускло окрашенных хребтов нагорья.

Перевал, очевидно Панг-ла (5480 м), на который мы все никак не поднимаемся, очень высок. Он явно труден для лошадей — грохот идет по нагромождениям крупных камней, местами путь поднимается очень круто. Лошади то и дело останавливаются, тяжело поводя боками, роняя пену. Жалея малорослого конягу, которому я, сидя в седле, почти достаю коленками до ушей, спешиваюсь и веду коня в поводу. Однако чего-нибудь сверхъестественно-трудного в этом перевале нет.

В 16.15 перешли мост через крупную речку. Мост этот — образец тибетского инженерного искусства. Шестипролетный, с пятью опорами (быками), аккуратно выложенными всухую из плоских каменных плит. Расстояния между опорами, метра по два с половиной, перекрыты толстыми досками, вытесанными топором.

Шекар опять встречает нас очень негостеприимно. Опять отвели для постоя страшно грязный и тесный домишко, на этот раз другой. На двадцать человек отвели маленькую комнату, где мы с трудом можем лечь все. Пыль, грязь, дым, вонь...

Мы трое опять налегаем на ячье мясо, наши спутники варят на примусах рис и лапшу.

Контраст вчерашней и сегодняшней встречи велик, я невольно вспоминаю вчерашнего начальника уезда, поместившего гостей в собственном доме и лично таскавшего наши вещи. Здесь выяснилось, что именно дзонгпен (начальник уезда) из Цаси-Цуна являлся личным представителем Дзаза, главного министра панчен-ламы. Выполняя поручение Дзаза, начальник уезда усердно помогал в хозяйственной деятельности разведки. Он навещал наш базовый лагерь у Главного Ронгбука, заботился о сборе каравана, о топливе, привез туда в подарок барана...

Когда сегодня Сюй Дин ходил к начальнику Шекарского цуна, с ним обошлись самым невежливым образом: называли на «ты», не предложили сесть, не угощали чаем, как полагается по этикету. Сюй Дин обвинили в том, что при первом посещении Шекара он якобы недоплатил за дрова и за корм лошадям. Обвинения были беспочвенны — Сюй Дин потребовал созвать младших чиновников, оформлявших все сделки, и доказал вздорность обвинений. Однако недоброжелательство продолжается. Назавтра мы сидим в Шекаре, так как дзонгпен говорит, что нет лошадей. На самом деле как в самом Шекаре, так и на лугах рядом их целые табуны... Выяснилось, что при пер-

вом посещении основной причиной дневки была не усталость солдат охраны, а явное нежелание дзонгпена предоставить лошадей. Сюй Дин считает своей серьезной ошибкой, что тогда он не поставил в известность Лхасу об отношении местного шекарского начальства.

2 декабря

В этом распроклятом Шекаре спалось изумительно. Из-за тесноты наши постели получились очень мягкими. Устали мы здорово и с удовольствием и вполне свободно спали до половины двенадцатого.

Днем сидели на крыше. Плоская крыша тибетского дома — одно из самых важных и удобных мест. Это и клуб, и место для работы, и спальня.

Сейчас на крыше шестеро солдат войска далай-ламы занимаются своими будничными делами. Одеты они в самую разнообразную одежду, как говорится, во что бог послал. Один из них, добродушный веселый малый, заканчивает плести из шерстяных ниток подошву для санга. Она хитро сплетена из нитки толщиной около полусантиметра. Толщина подошвы достигает полутора сантиметров. Потом ее обварят в кипятке, она сваляется и получит большую прочность. Другой прядет из шерсти нитку, пользуясь пальцами и палочкой-веретенем. Прядение отнюдь не считается в Тибете только женской работой. Пожалуй, чаще мы видели за этим делом мужчин. Двое, разувшись и придерживаясь за уложенные на барьере крыши дрова и кизяк, мнут ногами овчины. Двое чинят поистершуюся одежду.

Мы затеяли фотографировать их, всех вместе и порознь. Солдаты охотно позируют, смеются, дурачатся. Один из них под общий смех своих товарищей берет под козырек.

Толя уселся перезаряжать фотоаппарат. К этому времени на крыше оказалась местная кокетка с затейливой прической. Мы частенько видели такие прически, были потрясены ими и давно уже охотились за возможностью запечатлеть на пленку. Дама не отводила взора от блестящих стекол и телевизов, выложенных Толей на тулупе, а я кружил около, выбирая момент, чтобы щелкнуть незаметно. Даже парижские законодательницы мод побледили бы от зависти, увидев это редкостное изобретение парикмахеров Тибета. Длинные волосы женщины заплетены в тонкие косички. Их несколько десятков. Коспички укреплены на концах прута толщиной в палец, изогнутого дугой наподобие лука. Дуга эта висит за спиной женщины. Мы долго изощрялись в догадках, пытаюсь понять, зачем делается такое роскошное приспособление. Мыть голову при такой прическе часто не становишь — потом за неделю не заплетешь бесчисленные косы. Спать с такой прической неудобно, а на боку — невозможно. Снимать и надевать через голову одежду — немислимой сложности предприятие. Зато удобно хвататься рукой за дугу, особенно сзади... Загадка так и осталась нерешенной. Но снимок прически удался...

На крыше соседнего дома сидит мужчина и мастерит оконную раму. Видно, как он сверлит в дереве отверстие, пользуясь самодельной лучковой дрелью.

За 400 серебряных юаней нанято 30 лошадей. С крыши мы

видели всю сцену осмотра лошадей, устраивающегося в таком случае. Выбор производили Сюй Дин и Кындын Танзен. Оба они действовали решительно и со знанием дела. Навятые лошади повезут нас трое суток, до начала автодороги.

Выход назначен в 6 утра.

Из Шекара вышли в темноте, в половине седьмого. Очень холодно, мерзнут ноги.

Плавню набираем высоту, взбираясь через перевал в одном из второстепенных хребтиков. С подъема видим то Эверест, то группу Чо-Ойю, то обе группы вместе. Сейчас Эверест представляет собою треугольник, пологость северо-восточного ребра не ощущается.

Под вечер, около половины пятого, проходим мимо палатки строителей, вернее, изыскателей дороги. После этого группами стали попадаться китайцы, одетые в зимнюю одежду синего цвета — ватные пальто, ватные брюки. Строители опять перебираются на новое место работы. Опять потянулись караваны с их имуществом. Около палаток, которые теперь попадают часто, на веревочках сушится белье. А вот стоят два велосипеда. Ездить тут пока невозможно, очевидно, взяты в расчете на обратный путь, уже по новой дороге.

В шесть часов достигли селения Садья. Пройдя за него, заночевали в палатках у реки, на луговине: селение плотно забито остановившимися там строителями.

4 декабря

Ночь была холодной. Вода в кастрюлях промерзла до дна. В путь вышли в 8.10, начало светать в 8.30, полностью рассвело в 9 часов.

При сборах в путь еще раз поразились лихости тибетских караванщиков. Они действуют совершенно самостоятельно, не дожидаясь напоминаний. В экспедициях «у себя дома» обычно приходилось исполнять добрую половину работы за караванщиков. А здесь мы только успели убрать в суму палатки, спальные мешки, кастрюли и прочее, как уже оказалось, что сума навьючена на лошадей...

В половине двенадцатого в верховьях речки, у пологого травянистого перевала, показывается большой лагерь строителей. В нем несколько зеленых шатровых палаток китайцев, масса традиционных тибетских палаток из шерстяной ткани, штабелями сложены мешки с рисом, связки лопат, ломов, шести, бревна. Вдали, справа, в районе перевальной седловины, идет работа на трассе дороги. На всем протяжении трассы копошатся люди и горят костры для обогрева работающих. Пронизывающий ветер несет пыль и песок. На самом перевале виднеется полоска готового дорожного полотна. С перевала, которого мы достигли вскоре, несколько слева видна вчерашняя остроконечная снежная вершина. Мы все еще кружимся около нее.

Автомашины сюда пока еще не проходили. Построенная дорога используется как караванный путь. На ней то и дело попадают колонны тяжело навьюченных ишаков и яков, каждая в сопровождении нескольких караванщиков. Вперемешку со вьючными животными идут и идут одетые по-зимнему строители-китайцы, или демобилизованные в зеленой одежде, или явно гражд-

данские люди в синей одежде, во каждый с винтовкой и парочкой гранат сверх прочего груза.

Через час после волны строителей-ханьцев появляется поток строителей-тибетцев. Сначала это одиночки, наиболее крепкие и энергичные, затем целые партии. Вот тибетец тащит пару лопат и свои нехитрые пожитки. А вот целая группа их, и все со здоровенными дубинами в руках. Приглядишься — это рукоятки кирок, а их стальные головки привязаны на веревочках за спиной. Один из них нацепил красный флажок на землемерную рейку и идет во главе группы. Много тибетцев парами: он и она. Идут тибетские караваны, везут более простые вещи: солому в громадных мешках-сетках, кизяк. Много девушек, иногда милых. Стариков и старух мало, но есть и они. Эти в одиночку, потихонечку плетутся, заткнув в заплечный мешок лопату.

Около половины седьмого, когда мы спустились пониже, появились поля. Шоссе исчезло. Его здесь и не делали, лишь кое-где разметили трассу колышками. Трасса идет прямо по полям.

Выйдя в широкую долину, попали в селение Цао. Здесь полег. Встречают гостеприимно. Помещают в молельную, говорят, что можно жечь в ней примусы и курить. Угощают соевым чаем с маслом, заботливо помогают устроиться.

Встречавший нас тибетский чиновник сказал, что штаб строительства автодороги находится за следующим перевалом, в полутора переходах отсюда. В штаб послан нарочный, который передаст просьбу выслать автомашины навстречу.

5 декабря. В пути

Вышли в 6.15 по большой широкой долине. Идем в восточном направлении, где на фоне неба смутно рисуется изрезанный скальный гребень. Ночь теплая.

Принято считать, что на рассвете восток розовеет. Я внимательно следил за медленно менявшимися красками. Восточная сторона неба стала медленно светлеть, потом слегка зазеленела, чуть пожелтела, затем краски пропали, и к девяти часам стало светло. Краски у Рериха очень точно передают то, что было сегодня.

Вьючная тропа идет в нешироком коридоре между метровыми глиняными подпорными стенками, ограничивающими поля. Множество арыков пересекает плоскую, тщательно спланированную, местами террасированную поверхность долины. Глинобитные дома стоят по одному, по два, разделяясь полями. Крупных селений нет, монастырей тоже пока незаметно.

Навстречу попадает семья тибетцев. На ишаке вьюком везут обожженные глиняные горшки. Их несколько десятков, целая гора горшков, из-под которой еле виден ишачок. Горшки навьючены без всякой упаковки — просто связаны веревочной сетью. Не дай бог, если ишак вздумает бежать или прыгать через канаву!

Пробираясь по улочке небольшого селения, заметил на крыше одного из домов группу любопытных. Вглядевшись, обнаружил среди них двух женщин — тулуны спущены с обоих плеч, так что до пояса видно тело — день-то сегодня жаркий. Пока возился с фотоаппаратом, тулуны были надеты в рукава.

Около 13.30 в боковом ущелье увидели начало автодороги —

слабую, едва заметную светлую полосу на левой стороне ущелья. Долго пытаемся найти хороший брод через широко разлившуюся речку, всю в наледях, скрывающих под собой бегущую воду. После переправы сидим на берегу, ожидая отставших. После завтрака пошли дальше и в 15 часов вступили в селение, в котором будет ночлег. Подъезжая к нему, чувствовали, как будто веет чем-то смутно знакомым. Только спешившись, поняли, в чем дело, — мы с другой стороны вступили в селение, в котором уже ночевали на пути в Сакья. Вот и монастырь на склоне холма, вот и поворот тропы на Сакья.

6 декабря. Последний день каравана

Толя проснулся с воплем: «Машины!» — приняв тарахтенье примусов за рокот моторов...

Выясняется, что ночью от Сюй Дина пришло с парочным письмом. В штабе строительства сейчас имеется лишь одна автомашинка, когда подойдут из Шигацзе остальные — неизвестно.

В 9 утра мы вышли в путь после очень легкого завтрака — продукты на исходе. Лошади опять плохие. Белецкий вначале выбрал себе белого коня, вероятно, не без намерения покрасоваться в штабе. Проверил подпруги, приладил на седло свои выюки и, разумно использовав каменную ограду в качестве подпорки, взгромоздился на лошадь сам.

— Все бы ты играла! — воскликнул он. Лошадь осторожно сделала шаг, другой, ноги ее разъехались, и она упала, выдав наружу жидко-зеленую струю и испачкав себя и всадника... Так и не состоялся торжественный въезд на белом коне...

Сразу же рядом с селением попадаем на участок готового дорожного полотна. На ровном травянистом склоне вызолота трава на полосе шириной метров шесть; обочины выложены камушками. Через час дорога пропадает, и едем по нетронутому галечному дну ущелья.

К 12 часам поднялись на перевал Тоу-ла, высота по anerоиду 4450 метров. Здесь шоссе уже готово, и видны первые следы колес автомашин. На этом перевале ширина дороги везде позволяет разъехаться двум машинам.

Сразу же под перевалом в селении располагается штаб строительства. Мы не сразу узнали селение, через которое проезжали месяц тому назад. Тибетские домишки как-то затерялись среди множества палаток и штабелей грузов. Невдалеке стоит автомашинка, на радиаторе ее московская марка ЗИЛ-150.

13 часов, шестое декабря 1958 года. Вот и закончилось караванное путешествие... Безотказные и неприхотливые коняги со свастиками на лбу целый месяц похлеще машины времени посили нас по живому средневековью, в тридевятом царстве, тридесятом государстве. По горам и долам, по перевалам высотой в пять верст, сквозь зной, стужу и пыльные бури пронесли они нас к подножию Эвереста. Целый месяц — только месяц — носили они нас по стране, где живой бог панчен-лама строит социализм, опираясь на древние пророчества, где числятся святыми и монахи Ронгбука, принципиальность которых вызывает глубокое уважение, и монахи Шекара, по совместительству спекулирующие золотом; по стране, где дворянин-дзонгпен считает за честь поднести багаж слесаря, где коммунистов встречают мо-

лятвой и ведут почевать в свещенных молитвенных помещени-
ях... Крепости из глины, высоковольтный трансформатор рядом
с древнейшим монастырем, мужчины носят косы и прядут
шерсть... Все сказка, все бред, так не может быть! Однако за
месяц иллюзий мех на унтах совсем вытерся о седла и бока
этих сказочных лошадей...

Последние метры пути.

Въезжаем в селение и попадаем в руки гостеприимных строи-
телей.

Сразу же приглашают в палатку, предлагают умыться горячей
водой, угощают чаем, сигаретами, сладостями. У входа в палат-
ку — прибитый на столбике почтовый ящик.

Пытаемся через Пен Шули узнать новости. Сюй Дяна не вид-
но, он с кем-то обсуждает возможности дальнейшего продвиже-
ния. Каковы эти возможности, пока неясно. Пен Шули отдели-
вается шуткой, предлагает заняться роскошной лапшой с яйца-
ми. Наши ложки в рюкзаках, размыскивать их неудобно, и под
улыбчивыми взглядами хозяев пытаемся овладеть искусством
есть суп по-китайски, палочками.

Для нашей группы поставили большую коньковую палатку
индийского производства, с нарисованным на ней слонем и под-
писью по-английски: Бомбей. Объявлено, что ходить по лагерю
можно лишь в сопровождении Ло Вана. Невдалеке, прямо по-
среди лагеря, располагается штабель ящиков со взрывчаткой, чуть
дальше — множество бочек с бензином. Никакого часового у
этого штабелей нет, хотя у нашей палатки выставлен солдат
с винтовкой...

Коллеги расположились вздремнуть на солнышке.

Немного погодя снизу подходит караван яков с грузами. Оче-
видно, с автомашинками туговато. Пен Шули говорит, что даль-
ше все время поедем по уже пройденному нами пути через
Сабудидин. Значит, опять побываем около лирического замка с
лугами и речкой, где Пен Шули руками ловил рыбок.

Часов в 16 появился Пен Шули и пригласил распить бутылку
вина. Он тоже побывал в магазине. Для закуски идут утиные
яйца, консервированные по китайскому способу в извести. Рас-
положились мы на тулупах, расстеленных за палаткой. В трех
шагах — часовая с винтовкой. Сидя на форменных тулупах,
мои коллеги благоухали вином и имели вполне кондиционные
физиономии людей выпивших... Я не мог не заснять этой сценки.

Уже в темноте снизу пришли два грузовика ЗИС-150, значит,
более старые, чем стоящий здесь ЗИЛ-150. Шоферы привезли
убитых ими по дороге двух диких коз и журавля. Шоферы, на-
верно, везде одинаковы и не очень считаются с общепринятой
моралью...

7 декабря

Проснувшись, обнаружили в ногах, между спальными мешка-
ми, что-то теплое, живое. Засветили фонарик — голова с ро-
гами... «Че-о-орт!» — с наигранным ужасом прошептал Пен
Шули. Маленький козленок — наверно, озяб на улице и при-
шел погреться и поспать в тепле.

Выехали в 10.10 на трех автомашинах, имея целью Шагацзе.
Капитальная постройка дороги, пожалуй, характерна только

для перевала Тоула. В долине опять полотно сделано на живую пилку. Уже сейчас видны большие шоферские коррективы — на большом протяжении следы автомашин адут прямо по галечному дну долины, а только что построенное полотно оставлено в стороне.

Вместе с нами едет группа гражданских китайцев в синей одежде. Их человек десять, в том числе несколько женщин. Кроме того, охрана, человек пятьдесят. А машина старшего лейтенанта Ван Тиню имеет специальное оборудование: сразу же за кабиной на специальном станке установлен пулемет, приспособленный для стрельбы поверх кабины. В пулемет заправлена лента, и за ним сидит дежурный солдат...

Едем по плоской сухой долине. Здесь растет колючий кустарник. Кусты мелкие, тоненькие, репейник — гигант по сравнению с этим кустарником. Несколько тибетцев срубают его, собирают и вяжут на ишаков. Это идет заготовка топлива для Шигацзе. В памяти всплывает вывеска «Леса первой категории», с полной серьезностью установленная под перевалом Талдык на советском Памире у зарослей почти столь же микроскопического кустарника...

При въезде в Шигацзе видим чрезвычайно красивую постройку этажа в два-три. Она располагается в большом парке, за высокой стеной. А стена с бойницами, с дотами — настоящая крепость. Стройку ведут рабочие-ханьцы. Говорят, что это будет новая резиденция панчен-ламы.

Сразу же по приезде затеяли генеральную стирку и мытье. Все это организовали во дворе, в тазиках. Сюй Дин, которому чаще других приходилось общаться с местными жителями, подцепил вшей. С отвращением содрал он с себя всю одежду, запаковал ее в прорезиненный мешок и презрительно забросил куда-то в дальний угол двора. Забеспокоились и все остальные и, рассевшись по разным уголкам, принялись за проверку по форме двадцать, как это пазывалось во время войны. К счастью, больше ничего не обнаружилось. Вспомнив, как и где останавливались по дороге, удивляемся, что так дешево отделались.

Часа через два уже сидим вымытые, побритые, пообедавшие, потягиваем великолепные шанхайские сигареты: в дороге и еда и курево кончились раньше, чем рассчитывали.

С отъездом в Лхасу, наверно, что-то заело. Мы уже приспособились угадывать такие вещи по несколько таинственному виду, какой напускают в таких случаях наши друзья. Сегодня воскресенье, и какие бы то ни было разговоры возможны лишь завтра. Сюй Дин говорит, что политическое положение обострилось. Вооруженные отряды почти все сосредоточились на южном берегу Цангпо. С какой целью это сделано, неизвестно.

8 декабря. Шигацзе

Сегодня — дневка.

Я с утра засел листать книгу Диренфурта, делая из нее выписки и пытаюсь на основании опыта экспедиций на восьмисотых годах района Эвереста установить наилучшие сроки начала работы основного состава экспедиции в весенний период.

Зимние холода и снегопады обычно заканчиваются в середине апреля. После этого появляется реальная возможность вести работы по организации лагерей выше 5000 метров.

Срок прибытия экспедиции в базовый лагерь у языка Восточного Ронгбука (5480 м) в значительной мере зависит от планов тренировки и акклиматизации к семитысячным высотам. Если тренировки и акклиматизационные выходы осуществляются не на склонах Эвереста, а в другом, более удобном и мягком горном районе, то при наличии надежной действующей автодороги до базового лагеря целесообразно сосредоточить альпинистский состав в базовом лагере к середине апреля. При этом предполагается, что доставка грузов экспедиции и устройство лагеря выполняются хозяйственным и вспомогательным составом экспедиции до этого срока.

В таком духе был подготовлен доклад нашей делегации к совместному совещанию о сроках. Однако он был обильно наполнен записями о сроках, погоде и результатах работы экспедиций, которые здесь приводить нет нужды.

Кроме того, утро, день и вечер были заполнены визитами.

В начале дня к нам заходили товарищ Лян Сюаньсянь со своим заместителем и с начальником отдела партийного комитета Шигацзе товарищем Ляо. Они интересовались тем, как прошла разведка, как действовали и чувствовали себя ее участники, и сообщили о том, что подготовка к выезду в Лхасу заканчивается. Товарищ Лян сказал, что напряженность обстановки непосредственно на автодороге в Лхасу уменьшилась. В заключение снялись на память.

Несколько позже заходили комиссар полка, расквартированного в Шигацзе, и майор, помощник командира полка, сопровождавший нас по дороге из Лхасы в Шигацзе. Они просили сказать наше мнение о конвое и о его подготовке. Мы отзывались очень положительно, особенно подчеркнув высокий моральный уровень и исключительную старательность.

В середине дня мы ходили в город, побывали в парикмахерской и в ваннах. Помещение парикмахерской оказалось скромным, но ее техническое оснащение, пожалуй, лучше, чем в рядовой московской. Особенно поразило меня роскошное металлическое вращающееся кресло и то, что и здесь имеются электрические машинки для стрижки и сушки волос.

Поблагодарив в ваннах, удобных и чистых, несмотря на отсутствие в городе водопровода и канализации, вернулись к себе, и я опять засел за подсчеты и выписки.

Всех нас пригласили на торжественный ужин — партийный комитет Шигацзе дает прощальный ужин в честь разведки Джомолунгмы, трех советских специалистов и группы по изучению культуры и истории национальных меньшинств.

Ужин сервирован в помещении справа от нашей комнаты. В нем по утрам сотрудники партийного комитета занимаются изучением тибетского языка. Два круглых стола, на 10 человек каждый. На столах знаменитое ячменное пиво, изготавливаемое в Шигацзе, спиртные напитки. Пиво показалось мне лучше чешского. Начинают подавать блюда. Я насчитал двадцать блюд, но потом сбился. Повар в Шигацзе — волшебник!

Встали в четыре часа при свечах (электроосвещение включают позже) и, позавтракав, в 5.20 выехали в Лхасу четырьмя грузовиками ЗИС-150. Из них две новенькие машины, сделанные в Китае, с иероглифами на радиаторе.

В 8.10 достигли паромной переправы через Цяньпо. По пути имели стоянку минут десять — две бочки на одной из колдобин упали с машины, мы их затаскиваем обратно и привязываем.

Обратил внимание, что постов (часовых) нет ни у паромов, ни у мест закрепления канатов, хотя на переправе гарнизон около взвода или больше, мы видели его утром во время зарядки. Долго ждем паромщиков.

Шоссе от Ямбадинга до округлых скал — вполне современное, хорошего профиля и планировки, шириной около восьми метров. При спуске в Лхасу часто шли на скорости 70—90 километров в час.

В Лхасе нас поместили в той же гостинице, где мы жили раньше, но в номерах, обставленных еще более роскошно. Кровать — страшной ширины, ширина равна длине, ковер во весь пол немислимой мягкости, не в нашей потрепанной и очень грязной походной одежде жить здесь.

В гостинице неожиданно оказался руководитель отдела альпинизма Всекитайского комитета физкультуры и спорта Ши Чжанчунь.

В ходе беседы с ним выяснилось, что имеется специальное постановление ЦК КПК об экспедиции на Джомолунгму, согласно которому для экспедиции отпускаются неограниченные средства и она может работать с марта по октябрь 1959 года. Очевидно, предполагается совершить восхождение к десятилетнему юбилею КНР. Всего альпинистов в КНР, считая вспомогателей, 150 человек, из которых могут быть выбраны члены штурмовой группы и носильщики. Среди этих людей есть и тибетцы, набранные на месте, в том числе семь девушек.

Ши Чжанчунь говорил также о плане подготовки альпинистов в ближайшие годы. План предусматривает громадный рост числа занимающихся, рост числа лагерей для учебно-спортивной работы, рост производства снаряжения.

Лхаса, 10—15 декабря 1958 года

На этот раз мы жили в Лхасе неделю, работая над обобщением результатов разведки, составлением планов и их реализацией. По обилию докладов, заседаний, сообщений период с 10 по 15 декабря внешне походил на любое многодневное совещание. Как водится, мало гуляли, почти не отдыхали, днем заседали, утоная в табачном дыму, а ночью составляли доклады и справки. Расходовались чернила Паркера, скрипели ручки Фабера, на тонкую шанхайскую бумагу ложились китайские иероглифы и русские буквы.

Пев Шули продемонстрировал железную выносливость, ухитрившись не потерять голос и зрение при нескончаемых устных и письменных переводах с китайского на русский, с русского на китайский.

В помещениях гостиницы, где все происходило, было холодно — зима наступала всерьез, а печей и отопления по тибетскому обычаю в гостинице нет. Для согревания было два средства — теплая одежда и горячая полемика. Обе возможности использовались весьма широко.

Счастливым обстоятельством лхасского совещания было отсутствие разрыва между обсуждением, принятием решения и началом его реализации. Состав каждого совещания был таким, что в момент принятия окончательного решения среди участников оказывался именно тот, кому предстояло выполнять решение или руководить его реализацией.

13 декабря обсуждали полный текст отчета и предложенный разведки.

Обсуждение с первых же слов вскрыло сильное расхождение мнений по важному вопросу о сроке прибытия спортивного состава в базовый лагерь.

Мы трое исходили из того, что автодорога до языка ледника позволяет доставить спортивный состав в базовый лагерь точно к тому моменту, когда погода допустит организовывать промежуточные лагеря на леднике Восточный Ронгбук, на Чанг-ла и выше, не истощая понапрасну силы участников. До этого, по нашему мнению, спортивному составу следовало провести акклиматизацию к семитысячным высотам в другом районе, более удобном для жизни, и ждать момента отъезда в базовый лагерь в Шигацзе. Срок приезда в базовый лагерь 15—22 апреля мы и вынесли на обсуждение.

Сюй Дин, выступавший от имени китайской стороны, придерживался диаметрально противоположных взглядов: автодорога позволяет доставить людей в базовый лагерь пораньше, чтобы там ждать наступления хорошей погоды.

В Тингри Сюй Дин беседовал с местными жителями, участвовавшими в английских экспедициях. По их мнению, самое хорошее время — начиная с 1 марта по конец июня. То же самое следует и из данных метеостанции в Шигацзе. Наблюдения с помощью шаров-зондов, проведенные метеостанциями в Паро и в Шигацзе, показывают, что ветер на высоте 7000 метров в начале марта заметно ослабевает, с 12 баллов до 8 баллов. Это является еще одним сигналом, что в начале марта погода начинает улучшаться. Извлекая уроки английских экспедиций с севера, Сюй Дин полагал, что основная причина их поражений — слишком позднее начало работы (апрель).

Ни многолетний опыт местных жителей, ни наблюдения метеостанций в Шигацзе и в Паро не вызывали сомнений. Тем не менее, по нашему мнению, в доводах Сюй Дина крылась серьезная логическая ошибка. Опыт и наблюдения, на которых он основывался, относились к высотам около 3600 метров, тогда как уже базовый лагерь располагается на высоте 5480 метров, и в первые же дни по прибытии предстоит пробиваться еще на пару километров вверх. Колоссальная разница высот приводит к тому, что в середине — конце марта в Шигацзе на деревьях распускаются почки, а монастырь Ронгбук еще лежит в глубоком снегу. Аналогично обстояло дело и с оценкой причины неудач прежних экспедиций. Они не были экспедициями неудачников, которые не знали, когда нужно прибыть к вершине. Причина глуб-

же и серьезнее: весенний период хорошей погоды в районе Эвереста начинается поздно и кончается слишком рано.

Для характеристики весенней погоды в высокогорье очень пригодился анализ десяти экспедиций на Эверест и шести экспедиций на вершины, расположенные рядом, — Лхонзе, Макалу, Канченджангу и Манаслу. Из этих данных следует, что все экспедиции, пытавшиеся начать работу в первые дни апреля, встречались с типично зимней погодой уже на уровне языка ледника Восточный Ронгбук.

Если мы соберемся в базовом лагере 1 марта, то, невзирая на снегопады, мы можем начать носить грузы к подножию Чанг-ла, но не более. Даже предлагаемый разведкой вариант подъема на Чанг-ла в это время будет лавиноопасен. Наши атаки захлебнутся в глубоком снегу.

Ветры в 8 баллов, которые дуют на семитысячных высотах в начале марта, отнюдь нельзя считать слабыми. Они сдувают человека с гребня, как курильщик сдувает пепел с сигареты. И наконец, на переноску грузов из базового лагеря на Чанг-ла не требуется двух месяцев. Приехав 1 марта, спортивный состав будет изнывать в базовом лагере от безделья.

Таким образом, нам важно приехать не слишком поздно, но и не слишком рано. Тут и возникло это выражение, с которым мы все мучились очень долго, вплоть до прибытия в Пекин.

Конечно, не может быть никаких возражений против доставки грузов в базовый лагерь в любое удобное время. Но это дело хозяйственников, а не спортивного состава.

Несмотря на напряженную работу, вечерами выкраиваем время для театра и кино.

Один такой вечер запомнился мне из-за остроты Пен Шули. После доклада был спектакль, давали несколько отрывков из китайских опер. Без знания языка было трудно понимать смысл происходящего, сказывалось утомление, и я постепенно начал клевать носом. Пен Шули не без ехидства говорил потом, что мы были в «драматическом» театре...

16 декабря. Отъезд из Лхасы

В середине дня мы уезжаем. Политическое положение в Тибете временно стабилизировалось и боевых действий не ведется. Около десяти тысяч вооруженных мятежников сосредоточились несколько севернее Бутана, по берегам Цангпо и ее притоков. Продовольствия в этом районе у населения и у повстанцев примерно на четыре месяца. К концу этого срока в болезни возможен кризис.

В половине второго нас усадили в роскошные легковые автомашины Партийного комитета Тибета. На нашей машине даже красно-желтый правительственный флажок... Для полного представления о всех видах транспорта в Китае нам осталось, пожалуй, лишь проехаться в поезде. Эта возможность не исключена после Сяни.

При подъеме от Лхасы к Ямбадингу опять рассматривали «бараньи лбы» и другие следы воздействия ледника. Я не являюсь специалистом, но за два десятка лет глаз невольно присмотрелся к тому, как выглядят горы после отступления ледников. На этот раз я рассмотрел, что «бараньи лбы» есть и на другой стороне

долины Джичу. Выше по долине почти постоянно можно было видеть то тут, то там следы ледника на обоих берегах. Окончания скальных хребтиков, выходящих сбоку в долину Джи-чу, как бы срезаны. В том случае, когда хребтик не срезан, он имеет типичную форму стачивания ледником, двигавшимся в сторону Лхасы. Похоже, что у Ньенчен-Тангла был гигантский переметный ледник, стекавший к Лхасе и к Дансюю. По свежим моренам около современных ледников ясно видно, что они быстро отступают. Таким образом, в Тибете становится суше или теплее. Кроме резких поворотов долины Джи-чу, я не заметил явлений, которые противоречили бы существованию в давние времена чрезвычайно мощного ледника. Он брал начало у Ньенчен-Тангла, спускался к Ямбадингу, сливался там с ледником, плущим откуда-то со стороны Шигу-ла, и далее спускался по долине Джи-чу почти до Лхасы. Эта ветвь ледника имела в длину около ста километров!

Около Ямбадинга внимание было отвлечено черно-бурой лисой. Плутовка медленно перешла шоссе перед носом у мчащихся автомашин, уселась на бугорочке шагах в 15 от дороги и проводила ленивым взглядом все автомашины колонны...

Заночевали в военном городке при аэродроме Дансюн.

17 декабря. Перелет Дансюн — Голмо

А утром к нам в комнату пришел радист и сообщил, что самолет вылетел из Голмо. Быстро собрались и вышли на летное поле. Холодно. На хребтах, окружающих аэродром, уже выпал снег. В нескольких километрах от нас снег покрывает и дно долины — там чуть повыше, а здесь снеговой покров всего на несколько метров не доходит до летного поля. Ожидать самолет нас привели в диспетчерскую, усадив прямо против карты и плана, из которых можно составить полное представление о всех тактических данных аэродрома. Недоумевая, я спросил у Пей Шули:

— Как же так, мы все-таки иностранцы, что же нам раскрывают все военные тайны?

Краткий ответ был исчерпывающим:

— Советские люди не иностранцы, а старший брат.

Самолет прибыл в одиннадцать часов, и уже в половине двенадцатого мы были в воздухе — летчики торопятся добраться до Голмо, пока погода еще держится. Летим на высоте 5900 метров. Летчики согласно инструкции летят в кислородных масках, наши попутчики тоже. Вначале и мы наладили маски, но потом поснимали, выяснив, что и без масок жить можно, и, главное, что с масками нет маневренности и неудобно бегать от окошка к окошку, разглядывая заснеженные хребты Тибетского нагорья, такие непривычно белые.

До Голмо летели два с половиной часа.

В Голмо сейчас уныло и мрачно. В стороны, куда ни глянь, до края света тянется пустынная серая равнина. Ни кустика, ни бугорка, на которых мог бы остановиться взгляд. А над ровной линией горизонта — плоское, пустое, какое-то гнетущее серое небо. Снегопад не внес оживления — только серое небо стало темнее серой земли, осуществляя синтез чистого абстракционизма с полнейшим реализмом. А вдобавок к зрительному впечат-

лению — сырость от соленой грунтовой воды, сырость от такого на соленом грунте снега и пронизывающий ветер, что мчит-ся над равниной...

Вылет из Голмо при сегодняшней погоде невозможен. Почевать везут в военный городок. Едем на открытом грузовике. Езды около часа, расстояние на глаз километров тридцать-сорок. Вначале шоссе идет прямо по пласту соли, за многие годы припорошенному пылью. В кюветах вдоль дороги видна соль. Постепенно пласт грунта становится все толще, а когда выбираемся на плоские берега озера, соль исчезает и появляется трава. Невдалеке от шоссе колышками и флажками размечена трасса железной дороги в Тибет, которую уже начали строить из района Ланчжоу — Синни.

На большой площади поблизости от шоссе разбросаны кирпичные строения военного городка. Нас провели в длинное одноэтажное здание со сводчатым потолком из кирпича — в гостиницу городка (дерево здесь очень дорого, и стараются его не трогать). Дверь в каждую комнату прямо с улицы. Отопление с помощью буржуек. Топят искусственно приготовленной смесью каменного угля... с глиной. Говорят, что так получается лучше.

Вечером к нам в комнату зашли двое китайских военных летчиков — бортинженер и бортмеханик с самолета Ту-4, того самого, что стоит на аэродроме. Эту машину, оказывается, сейчас используют для полетов к Эвересту. Это ее мы видели, когда начинали подъем на высокий перевал Панг-ла. Для связи с ней тарахтел движок в базовом лагере у языка Главного Ронгбука, о ее полете мне поведал Ло Ван гудением и раскинутыми в стороны руками...

Мы обстоятельно поговорили сначала с этими двумя летчиками, а потом с живым и энергичным молодым штурманом и с командиром корабля.

Мы пытались пояснить, что альпинистам не так уж нужны аэрофотосъемки, дающие план местности, но чрезвычайно важна профильная съемка. Снимки, передающие крутизну невидимого склона рядом со второй ступенью и характеризующие возможность обхода второй ступени слева по ходу, снимки, дающие крутизну снежного поля над второй ступенью, изображающие седловину Чанг-ла и характеризующие возможность сбрасывания грузов на седловину, оказали бы альпинистам неоценимую помощь. Мы тут же наспех нарисовали схему района и направление, в котором надо снимать, и оставили ее штурману.

Перспективы открывались чудесные. К началу зимы у альпинистов могли оказаться отличные фотографии самых неясных теперь мест маршрута! Однако выяснилось, что недавно из Пекина получено указание прекратить полеты в район вершины впредь до особого распоряжения. Теряемся в догадках, чем вызвано запрещение: техническими трудностями или политическими соображениями. Скорее второе: Эверест расположен на государственной границе, вероятно, не хотят давать повода к дипломатическим осложнениям.

Ночью снег под ногами хрустит, значит, морозец больше 8 градусов.

На утро назначен подъем в семь, в восемь часов выезд на аэродром.

Проснулись как положено, завтракали с опозданием, а насчет отъезда и в 9.30 все еще ничего не известно. Отправились смотреть, в чем дело. Оказывается, никак не заводится машина. Ее разогревают костром, разложенным прямо под мотором.

Выехали на аэродром в широком джипе. Опоздали на полчаса. Без всякой волынки прямо с джипа в самолет и в воздух...

В 16.30 уже в Сиани. Сидим в гостиной на аэродроме, ждем итогов разговора Ши Чжанчуня с диспетчером. Возможно, что в Пекин улетим на самолете. Вскоре выяснилось, что самолета нет, поедем поездом.

Минут через двадцать прибыла бойкая модно одетая девушка в брюках, пригнала три автомашины.

Промчались по торговым улицам Сиани. Сейчас 17.10, и народ, очевидно, возвращался с работы. Оченьлюдно, опять сплошной поток, какой видели в Тяньцзине. Люди идут пешком или едут на велосипедах. Маленькие одноэтажные магазинчики торгуют всем, что нужно для жизни.

Привезли в гостиницу, кажется, в ту же, где Ковыркин и Белецкий уже бывали в 1956 году, возвращаясь после восхождения на Музтаг-ата. Поместили в превосходные двухместные номера: две кровати нормальной ширины, умывальник с холодной и горячей водой, шкаф для одежды, сервант с чайной посудой, пара этажерок, кресло, стул, настольная лампа — словом, все как полагается. Приняли ванну, надели поистерпавшиеся свитеры, штормовые брюки и сапоги — здесь мы в этой одежде выглядим этакими чучелами — сидим и чего-то ждем. Побрившись, пишу дневник.

Вечером поиграли во дворе в волейбол с двумя русскими, оказавшимися в этой же гостинице, а потом с полчаса бродили по городу.

На улицах опять оченьлюдно: жители гуляют с детьми на свежем воздухе. Детей масса. Малыши на руках у родителей, а те, кто чуть постарше, солидно идут сами в своих забавных штанишках с разрезом сзади. Этот разрез — мудрая страховка на всякий пожарный случай: если карапуз сядет на корточки, то штанишки автоматически раскроются на самом нужном месте. Я могу, однако, торжественно засвидетельствовать, что при нас все молодые граждане Сиани были на высоте...

19 декабря. Из Сиани в Пекин

Около четырех утра Пен Шули устроил побудку и заявил, что в шесть часов отходит поезд на Пекин, в котором мы поедем. Дорога займет 26 часов. Я был рад возможности посмотреть Китай хотя бы из поезда — перелеты в самолете слишком стремительны и знакомят не столько со страной, сколько с ее географической картой.

Спешно встали и поехали на вокзал.

По дороге Пен Шули рассказал, что с пассажирскими поездами сейчас в Китае очень трудно, поезда переполнены, достать билеты и выехать — целая проблема. Ши Чжанчунь пользовался поддержкой городского руководства, во внимание было принято, что он везет иностранцев — при добывании билетов естар-

ший брат» все же котируется как иностранец и к нему относятся с повышенным вниманием. Тем не менее, когда мы ехали на вокзал, на руках у Ши Чжанчуна был один билет в мягкий вагон (кажется, один вагон на длинный поезд), остальные билеты на сидячие места, все порознь. Общие вагоны в поездах дальнего следования примерно такие же, как в наших пригородных электричках, но только площадь вагона использована значительно экономнее. Поэтому очень тесно и душно. Плацкартные вагоны выглядят примерно так же, как аналогичные деревянные вагоны у нас.

Поразили очень крутые откосы железнодорожных выемок. Они идут градусов под семьдесят. Мне думается, это лёсс. Пен Шули слова «лёсс» не знает и говорит, что это особая вязкая и очень прочная глина. Поезд идет вдоль притока Хуанхэ. Почти все время мелькают туннели, их с десятков на этой дороге, или очень глубокие выемки, или насыпи, и очень редко дорога проходит по гладкому полю. Когда едем по насыпи или по ровным полям, кругом видно одновременно множество деревенек. Многие из них обнесены старинными глиняными стенами и, видимо, стоят здесь веками. Крыши черепичные, коньки их обычно затейливо изогнуты, как и полагается для традиционных китайских построек. Пейзаж серенький — туманная дымка, дали не видно. Ветерок гоняет пыль на полях. Поля возделаны превосходно, тщательно, разумно, так, что не пропадает, кажется, ни одного квадратного метра земли. Всякий откос террасирован, всюду для орошения подведена вода. Приходит в голову, что нам стоило бы перенять многое из китайского опыта земледелия.

Когда едем в глубоких выемках или когда переезжаем глубокие овраги, замечаю, что многие дома — пещерного типа. В отвесном глиняном обрыве дверь, окна, а внутри дома, в пещере, либо люди, либо скотина, либо сельхозмашины. Часто передняя стена, как бы фасад дома, сделана из кирпича, выложен намером на крышу, а все жилье — под землей. При сухости грунта на берегах глубоких оврагов влажности в таких домах не больше, чем в знаменитых пещерах Кнево-Печерской лавры, температура ровная, затраты на постройку невелики, и понятны причины возникновения таких жилищ.

Видели строительство второго пути на той же дороге, по какой едем. Земляные работы производятся колоссальные — высокие насыпи, длинные туннели. И везде, куда падает взгляд, работа ведется вручную. Как муравьи, копошатся бесчисленные люди — с лопатами, кирками, с корзиночками на бамбуковых коромыслах, изредка — с повозками на дутых шинах. Строительство сложных в инженерном отношении объектов — мостов, туннелей — ведут саперные части, земляные же работы выполняются методами народной стройки.

20 декабря. Пекин

Поезд прибыл в Пекин около девяти утра. На вокзале очень тепло встречали Чжоу Чжень, жены Сюй Дина, Вун Кияджана, Чжоу Чжэня. Белецкому вручили телеграмму: Евгений Адриановича извещают, что он счастливый отец, что во время поездки у него родился сын.

Несколько минут ждем на перроне. Мне очень понравилась

организация обслуживания поезда на вокзале. Все, что нужно, доставляется в вагоны трехколесными маленькими грузовиками, которые ездят прямо по посадочным платформам. Смена белья во всех вагонах поезда была произведена бригадой из двух человек минут за десять.

Поселились в гостинице «Сынчоу». Гостиница называется по имени башни старинной городской стены, рядом с которой она расположена.

За обедом мы совершили гастрономическую экскурсию во Францию. Я не берусь судить, насколько французскими были блюда. Однако я впервые в жизни понял, что от еды можно получать колоссальное наслаждение, если она так искусно приготовлена. Мы единодушно решили:

— Когда покончим с альтинизмом, сделаемся чревоугодниками и будем жить в «Сынчоу»!

Наши спутники по поездке сегодняшней день проводят со своими семьями. Чжоу Чжень предложил нам погулять по городу. По пути часто встречаем иностранцев. Чаще всего они оказываются нашими соотечественниками. Встречи эти не всегда приятны.

Мы проходили около большого универмага. Улица заставлена десятками машин, привезших наших соотечественников. Пятидесятилетний русачок, несколько растрепанный, галстук набоку, шляпа на затылке, раскрасневшийся, усталой походкой выходит из универмага. Подходит к одной из машин, наклоняется к шоферу-китайцу и с безнадежным таким выражением спрашивает по-русски:

— Мадама не приходила?

Все понятно. Видно, мадама как зафитилила по всем прилавкам, так и забыла обо всем — о своем спутнике, о делах, о престиже...

Вышли на чистенькую асфальтированную площадь. За пару минут она заполнилась народом. Став рядами, люди приступили к выполнению упражнений физкультуряжки. Обязательные перерывы для гимнастики делаются во всех предприятиях и учреждениях, и дело это поставлено серьезно и толково.

В городе очень много велосипедистов. На велосипедах ездят на работу, за покупками, в гости. Велосипед здесь не забава, а предмет первой необходимости, основное средство городского транспорта. Во многих местах для велосипедистов размечены специальные дорожки на проезжей части улиц.

Вечером ужинали с супругами Чжоу Чжень (конечно, в «Сынчоу»), а потом ходили к ним в гости. Чжоу Чжень просит называть его жену Нина, самого себя — Саша. Нина — очень скромная, симпатичная — в нашем присутствии страшно стесняется. У них двое ребятшек — сын и дочка. Живут в двухкомнатной квартире в новом доме — метров 25, исключая площадь кухоньки, санузла и кладовушки.

Из разговоров с семейством Чжоу Чжень у меня сложилось впечатление, что китайцы очень ценят подарки и сами их охотно и весьма внимательно делают. Очень в ходу и чрезвычайно ценятся бытовые изделия из пластмассы — блюда, тарелочки, баночки. Чжоу Чжень и Ши Чжантунь привезли из Москвы, где были после пика Ленина, по несколько десятков пластмассовых блюдец и все раздали родным и знакомым.

Завтра в 15 часов возобновим переговоры по итогам разведки. Мы договорились, что начнем с первых пунктов, которые не были затронуты в Лхасе. По ним, наверно, будет меньше разногласий — и тогда все внимание можно будет посвятить наиболее трудным вопросам — о сроках и тактике.

Утро 21 декабря было посвящено осмотру храма пятисот будд, храма спящего будды и еще одной пробежке по летнему императорскому дворцу. Все это расположено в горах к северу от Пекина. Места очень приятные — много зелени, отличные асфальтированные дороги, великолепные постройки храмов и их окружения.

Храм пятисот будд невелик, и снаружи кажется, что полутысяче изваяний в нем не поместиться. Однако на самом деле их даже больше пятисот. Главная идея — многоликость единого божества — выражена блестяще. Все пятьсот будд внешне очень разные — по выражению лиц, по позам, иногда по расовому признаку. И в то же время все они напоминают друг друга чем-то таким, что кажется их внутренней сущностью.

В этом храме, точнее, в одной из его башен был временно похоронен Сунь Ятсен, и лишь позже останки перенесены в мавзолей в Нанкине.

В храм спящего будды ведет неширокая мощеная дорожка. Она проходит через несколько башен-арок. В одной из них, в нишах по обе стороны пути, установлены статуи двух небесных генералов — небесного генерала Ха и небесного генерала Хм. Это огромные, в два человеческих роста, раскрашенные изваяния. Один из генералов оскалил зубы, выставил клыки и замахивается на вас кулаком, того и гляди ударит. Второй, тоже очень страшный, тащит из ножен меч. Генералы Ха и Хм — стражи спящего будды. Если мимо них проходит плохой, грешный человек, то генералы оживают и расправляются с проходящим. Чжоу Чжень рассказывал, что в детстве боялся проходить мимо небесных генералов даже с родителями — у какого мальчишки чиста совесть, кто не чувствует за собой проступков? А вдруг небесный генерал оживет именно для того, чтобы отметить самый последний подвиг?

Очень хорош по замыслу и по исполнению хохочущий будда — с толстым брюхом, с обнаженной жирной грудью, он сидит под одной из арок и заразительно, жизнерадостно смеется. Копии смеющегося будды из нефрита, слоновой кости, дерева очень популярны в Китае и продаются повсюду.

Сам спящий будда — лежащая на боку громадная фигура — особого впечатления не производит. Но очень хороши выполненные весьма изобретательно окружающие его статуи. Страшно жалею, что не имеем с собой лампы-вспышки: освещения для съемок в храмах не хватает...

В каждом храме-музее несколько монахов, следящих за порядком. Они получают содержание от государства. Монахи охотно дают разъяснения.

Во второй половине дня возобновили начатое еще в Лхасе обсуждение результатов и отчета разведки. Участвовали Ши Чжанчунь, Сюй Дин, Чжоу Чжень и мы трое. Председательствовал Ши Чжанчунь.

Обсуждаем начальные разделы отчета, по которым все мы ожидали наименьших затруднений. Чаще всего, речь идет о чи-

сто редакционных изменений в тексте, первоначально составленном советской частью разведки. Вначале мы как-то ни о чем не могли договориться, пока не осознали, что китайцы очень не любят общих формулировок, чуть ли не во всех случаях предпочитая конкретность и точность. Так, первый пункт, где шла речь об основных задачах разведки, Сюй Дин предлагал дополнить пятнадцать конкретными задачами, в том числе и такими, как покупка движка, приобретение посуды, согласование вопроса о снабжении топливом. Мало-помалу мы приспособились к образу мыслей друг друга, и после этого дело пошло быстрее.

Примечательным было предложение Ши Чжанчуня об охране. Он предложил записать, что каждый участник обязан защищать сам себя и что необходимое оружие предоставляется китайской стороной. Здесь мне пришло в голову, что как сегодняшнее предложение, так и повышенное внимание китайцев к охране наших персон в ходе разведки, вероятно, являются следствием моего скоропалительного ответа на вопрос, какого образца пистолеты мы предпочитаем, который я дал в день нашего появления в Китае.

Далее Ши Чжанчунь сказал, что, исходя из данных, полученных во время разведки, целесообразно откровенно рассказать далай-ламе и панчен-ламе о том, что будет совершаться восхождение на Джомолунгму. Естественно, мы только приветствовали это предложение.

Потом говорили о шоссе и тропе до базового лагеря — имелись сомнения, до какой высоты удастся довести шоссе: до языка Восточного Ронгбука или только Главного Ронгбука. Договорились поместить в отчет предложение о создании промежуточного полевого аэродрома около Шекара для обслуживания экспедиционных самолетов Ан-6.

Потом перешли к вопросу о сроках и тактике и неожиданно легко и просто пришли к соглашению: рекомендовать, чтобы полностью акклиматизированный спортивный состав прибыл в базовый лагерь у языка ледника Восточной Ронгбук 12—22 апреля.

Подъем на вершину рекомендовали группами по 4 или 8 человек, с конечной целью достижения вершины возможно большим числом человек.

В заключение договорились, что завтра Чжоу Чжень привезет в гостиницу пишущую машинку с русским алфавитом и что я перепечатаю русский текст отчета.

22—27 декабря. Пекин

Сидим с Чжоу Чженем и печатаем на машинке текст отчета разведки. Ковырков вычерчивает на кальке карту-схему нашего пути от Шигацзе к Эвересту и обратно. Изредка делаем перерыв и отдыхаем, беседуя о том о сем.

Чжоу Чжень и Пен Шули продолжают знакомить нас с Пекином. Мы обошли множество музеев, выставок, храмов.

Очень интересна выставка предметов, обнаруженных недавно в гробнице одного из императоров династии Мин. Древняя гробница была тщательно замаскирована, осталась неразграбленной и дошла до наших дней нетронутой. Здесь саркофаги и погребальные облачения, вазы из перегородчатой эмали и хорошо сохранившиеся ткажи, короны и многочисленные украшения из зо-

лота и драгоценных камней, выполненные с изумительным мастерством. Китайские историки заняты сейчас их изучением. Продолжаются попытки найти остальные гробницы императоров этой династии.

Немалый интерес, но совсем иного рода, представил ознакомление с серией отлично сохранившихся старинных акустических чудес в одной из императорских резиденций. Особо впечатляет круглая уступчатая пирамида, с которой император произносил речи. Если встать на императорское место — на небольшую плиту, вделанную в середину пирамиды, и что-нибудь сказать, то с трудом узнаешь свой голос: он становится грозным, оглушающим, громоподобным. Стоит сойти с плиты, как эффект пропадает, остается обычный слабый голосишко. До слушателей, что стоит кругом, в обоих случаях доходит ваш обычный голос... Что там ни говори, в старину многое умели... Даже культ личности умела доводить до предельного совершенства, так сказать, до логического конца...

Яркое впечатление оставило посещение артели, занимающейся резьбой по слоновой кости.

Ни в одном из музеев восточных культур не видели мы такого обилия редчайших экспонатов.

Вот ваза с цветами — самая обычная ваза с самыми обычными цветами. Но только всё — и ваза, и стебли, и цветы — кромово-желтого цвета: это полированная слоновая кость. Вот роза. Лепестки цветка имеют естественный размер и естественную для розы толщину. Вот стебель гладиолуса с несколькими колокольчиками. Лилия, ирисы, ландыши. Видны пестик и тычинки цветка — тончайшие, миниатюрные. Боже, да как все это сделано, ведь такой цветок страшно взять в руки — он, наверно, сразу же поломается! А мастер резал твердую слоновую кость, шлифовал и полировал лепестки.

Справа от вазы — изящная точеная колонна, поддерживающая шар диаметром сантиметров в восемь. На поверхности шара выпуклая резьба — драконы, цветы, птицы. Сквозь ажурную резьбу виден второй шар, диаметр которого на несколько миллиметров меньше. Внутри второго шара — третий, а вот четвертый, пятый. Размеры отверстий в наружном шаре не позволяют вставить в него следующий по размеру внутренних — все сделано из одного куска кости. Всего 26 шаров, расположенных один в одном, и на каждом из них изящная, тонкая, тончайшая резьба!.. Вот кувшин с крышкой. Крышка прикреплена к нему тонкой цепочкой. В цепочке несколько десятков звеньев, и все это — крышка, звенья цепочки, сам кувшин — вырезано из одного куска кости. Вот резная башня — тончайшее кружево из цветов, веточек дерева, птиц, драконов...

Приходит молодой человек, который будет давать пояснения, и мы с трудом отрываемся от волшебных шкафов. Мы не успели рассмотреть содержимое и одного из них!

Нас ведут по производственным помещениям, последовательно показывая весь цикл. Вот склад бивней, вот бивни, разрезанные на заготовки — они сложены штабелями, как поленицы дров. Вот отделение, где производится нанесение первоначального грубого рисунка. А рядом живой быстроглазый паренек, укрепив заготовки на верстаке и взяв в левую руку нечто вроде стамески, со всего размаха быстро и точно бьет по стамеске тя-

желым молотком, удаляя лишнюю кость. В этом отделении готовят простые по исполнению, традиционные статуэтки смеющегося будды, фигурки старца с посохом в руке, в длинной одежде, ниспадающей мягкими складками, копия страшных львов, установленных в императорском летнем дворце... А вот почти совсем готовая вещь: старик в широкополой шляпе, босиком, закатав штаны до колен, держит в руке удилще. Оно согнулось дугой. На конце лески рыба, на которую устремлен его восхищенный взгляд. Вещь радует свежестью композиции, естественностью позы, острой наблюдательностью...

Недалеке видим работу по изготовлению вложенных один в другой пустотелых шаров. Внешний шар уже готов, идет отделение от него внутреннего. Мудро и просто решена эта головоломка. Вначале в шаровой заготовке сверлят несколько конических углублений. Затем вводят в углубление резец, согнутый под прямым углом, и отделяют внутренний шар от внешнего. Потом внутренний шар приклеивают лишкой густой смолой к деревянной держалке. Ее крепят в тисках и таким же изогнутым резцом отделяют следующий шар от сердцевины. Для изготовления семи вложенных один в другой шаров требуется два-три дня при работе одного человека.

Проходим по внутреннему дворику. На стенах наклеены листы бумаги. Тут и газеты, и оберточная бумага, и клочки цветной бумаги. На каждой колонки иероглифов. Спрашиваем, что это такое. Оказывается, это знаменитые дацзыбао — стенные газеты больших иероглифов. Написать и повесить такую газету имеет право любой. В них содержатся замечания по улучшению дела, часто весьма острые, всегда чрезвычайно конкретные. Руководители артели ежедневно просматривают вновь появившиеся предложения. Снять стенную газету больших иероглифов можно только в двух случаях: если содержавшееся в ней предложение выполнено или если автор сам убедился в нерезальности или невыполнимости предложения.

ЭПИЛОГ

Длительные попытки покорения сложной вершины можно сравнить с эстафетным бегом, где каждый член команды, преодолев свой участок пути, передает палочку следующему, пока не будет пройдена вся дистанция.

Джон Хант. Восхождение на Эверест

Собственно говоря, мой рассказ давно пора коптать: разведка подстунов к Эвересту закончена, отчет о ней составлен, согласован и отпечатан.

Впрочем, следует сказать несколько слов о дальнейших событиях.

В конце декабря в Пекин прибыли заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта Е. И. Валуев и начальник советской части экспедиции, заслуженный мастер спорта К. К. Кузьмин. Они провели совещания с товарищами Хуан Чжуном и Шя Чжанчунем. Было решено проводить

акклиматизацию на склонах Эвереста, совмещая ее с заброской грузов. В связи с этим условились приехать в базовый лагерь у языка ледника Восточный Ронгбук к первому апреля, чтобы успеть сделать три акклиматизационных похода. Были согласованы вопросы обеспечения экспедиции высотным снаряжением и продовольствием, значительная часть которых готовилась в СССР.

Мы с ходу включились в тренировки. В феврале все советские участники выехали на Кавказ, в альпинистский лагерь «Шхельда». Тренировочный сбор и в особенности зимнее восхождение на обе вершины Эльбруса дали возможность опробовать и людей, и специальное снаряжение, в том числе кислородные приборы, при восхождениях в пургу при морозах 30—40 градусов.

Все оказалось в порядке.

В середине марта мы вернулись в Москву. На 22 марта был заказан специальный самолет Ту-104 для переброски участников и последних грузов в Китай.

18 марта весь состав советской части экспедиции собрался во Всесоюзном комитете физкультуры, чтобы распределить последние поручения перед отъездом. С большим опозданием против назначенного срока в зале появились К. К. Кузьмин и заместитель председателя комитета Постников. Постников заявил, что на его долю выпала тяжелая обязанность сообщить нам неожиданное и весьма неприятное известие. Только что получено официальное сообщение из Пекина: экспедиция на Эверест в 1959 году состояться не может. Причины этого в сообщении не указываются.

Нам не пришлось долго теряться в догадках. Вскоре в газетах появился приказ Государственного совета Китайской Народной Республики за подписью Чжоу Эньлая и другие сообщения. Большинство каленов местного тибетского правительства и реакционная верхушка Тибета 10 марта подняли мятеж и захватили далай-ламу; вооруженные мятежники окружили штаб Тибетского военного округа и учреждения Центрального правительства в Лхасе. Словом, начался тот кризис в болезни, о возможности которого говорили еще 16 декабря, при нашем отъезде из Лхасы.

В подобной обстановке, естественно, не могло быть и речи о спортивном восхождении. Тем более неуместным было бы присутствие в Тибете советских спортсменов — не только весной 1959 года, но и позднее. Оно могло бы дать повод измышлять всяческие небывлицы любителям и специалистам этого дела.

Так оказалось, что советские люди участвовали в первовосхождении на Эверест с севера только своим трудом по подготовке этого мероприятия.

Китайские альпинисты, наши большие друзья, которые так же, как и все мы, мечтали совершить это восхождение совместно, были вынуждены делать его весной 1960 года одни. Мы рады за наших друзей, мы гордимся тем, что, проявив истинный героизм, сплоченность и твердую волю, они победили в этой борьбе.

Китайская экспедиция на Эверест с севера, в которую входили 214 человек, в том числе 11 женщин, формально началась в феврале 1960 года. Перед этим ее участники интенсивно тренировались. В феврале 1959 года участники сбора Ху Белмина совершили зимнее восхождение на Северный пик (6117 м) массива

Ньенчен-Тангла. В июле было совершено восхождение на Музтаг-Ата (7546 м), причем между делом наши друзья поставили два мировых рекорда массовости восхождения на высоту более 7500 метров; на вершину поднялись 33 человека, в их числе 8 женщин.

После этого проводилась интенсивная общефизическая тренировка и совершенствование в технике альпинизма.

В середине марта 1960 года основная часть экспедиции достигла базового лагеря. Он был организован у языка ледника Главный Ронгбук. Грузы и людей доставляли в базовый лагерь на автомашинах по вновь построенной автодороге.

Первый акклиматизационный поход до высоты 6400 метров, до подножия Чанг-ла, был совершен 25—31 марта. С 6 по 14 апреля, после отдыха в отлично организованном базовом лагере, провели второй акклиматизационный поход до Чанг-ла (7007 м), в ходе которого осуществляли разведку до высоты 8000 метров. Последний выход для акклиматизации и заброски грузов состоялся 25 апреля — 11 мая.

14 мая передовая вспомогательная группа в 45 человек вышла в верхние лагеря, а 17 мая начался штурм. В 10.30 по пекинскому времени девять участников штурмовой группы во главе с заместителем начальника экспедиции Сюй Диню и 12 человек вспомогательного состава покинули базовый лагерь. В 19.00 19 мая был достигнут лагерь 7600 метров, в 15.00 22 мая — лагерь 8100 метров.

Отсюда продолжали восхождение 14 человек, достигнув высоты 8600 метров в 14 часов 23 мая.

В заключительном этапе штурма участвовали четыре человека: уже знакомые нам Ван Фучжоу, Лю Лянман и Цюй Иньхуа и тибетец Гоньпо. Четверо восходителей вышли из лагеря 8500 метров 24 мая в 9.30 и к 11.30 достигли второй ступени. Был страшный холод. Восходители шли с кислородными аппаратами. Трехметровый отвес в верхней части второй ступени задержал их на 3 часа. Вторая ступень стала ступенью славы самоотверженного Лю Лянмана. После ряда попыток преодолеть отвес, предпринятых восходителями, Лю Лянман присел на корточки и сказал, чтобы Цюй Иньхуа стал ему на плечи. После этого Лю Лянман выпрямился, подняв товарища. Таким же образом он помог подняться Гоньпо. Оказавшись выше обрыва, Цюй Иньхуа и Гоньпо помогли преодолеть отвес Ван Фучжоу и Лю Лянману.

Уже вечерело, дул сильный ветер. Немного отдохнув, четверка продолжила движение вперед и вверх. Страшное перенапряжение на второй ступени на невообразимой высоте 8600 метров подорвало силы Лю Лянмана. Достигнув высоты 8700 метров, он не смог двигаться дальше. Короткое совещание и решение: Лю Лянман остается на месте, остальные идут на вершину.

Опять подъем по льду, скалам, снегу. Каждый шаг давался с трудом. Один скальный склон крутизной 60 градусов, другой, потом короткая отвесная стеночка. Стемнело, и только отсветы снегового покрова да неясные контуры гребня на фоне неба вырисовывали их призрачный путь. Хотя бы ползком, но только вперед! На высоте 8830 метров новое испытание: кончился последний запас кислорода. Все равно вперед! Летят в пропасть пустые кислородные баллоны. Сразу стало тяжелее дышать и

идти. Нестерпимая головная боль, слабость, ноги дрожат. Чуть не ползком, но вперед! Полчаса уходит на то, чтобы подняться на выступ высотой в один метр. Леденящий ветер, холод, пальцы теряют чувствительность. Вперед, только вперед!

В четыре часа двадцать минут 25 мая все трое достигли вершины. Короткая записка карандашом — всего несколько иероглифов. Теперь достать из рюкзака Гоньпо флаг родины, маленький бюст председателя Мао. А в рюкзак — несколько камешков с вершины мира. Все. Теперь вниз. А сил уже нет. Нет сил, чтобы идти, — тогда ползком. Нет сил, чтобы ползти, — тогда полежать, воображая, что дышишь этим холодным разреженным воздухом, почти не содержащим кислорода. Медленно тянется время, еще медленнее сползают вниз люди.

А как же Лю Ляньман?

Оставшись один на гребне, он закрыл вентиль кислородного баллона: кислород пригодится товарищам на спуске. Бесконечно долгое ожидание, полубытьё, полубодствование. Наконец, наверху показываются товарищи. Теперь они неизмеримо слабее его, а он, Лю Ляньман, должен сделать все, чтобы помочь им спуститься.

И Лю Ляньман сделал это.

Впоследствии, будучи в гостях в Москве, руководитель штаба Ван Фучжоу рассказывал о восхождении и комментировал цветной документальный фильм о восхождении на Джомолунгму. Ван Фучжоу просто и ясно сказал, что без самоотверженной помощи Лю Ляньмана им троем, наверно, не удалось бы ни подняться на вершину, ни спуститься с нее.

Китайские спортсмены покорили Эверест

Пекин, 27 мая (ТАСС). Как сообщило агентство Синьхуа, 25 мая три китайских альпиниста — Ван Фучжоу, Цюй Иньхуа и Гоньпо (тибетец) поднялись на высочайшую вершину мира Джомолунгма (Эверест), расположенную на высоте 8882 метра над уровнем моря.

«Правда», № 149 (15273), суббота, 28 мая 1960 года